

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации

«Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации»: ЯУЗА-ПРЕСС; М.; 2010

Аннотация

В новом тысячелетии, когда средства массовой информации превратились в оружие массового поражения, главным полем боя становятся умы и сердца, а главной мишенью врагов России — сами основы нашей цивилизации. Вслед за экономической и военной мощью нас хотят лишить еще и корней, самобытности, самоуважения, собственного уклада жизни — всего того, что делает нас особым народом. Отдавая себе отчет, что Россию невозможно завоевать извне, грубой силой, Запад сделал ставку на культурную и идеологическую экспансию, исподволь разрушая наши фундаментальные ценности и связи между людьми, подтачивая несущие конструкции русского общества. Именно так был разрушен Советский Союз. Теперь те же грязные методы применяются и против России.

Как противостоять этим системным угрозам? Как защитить матрицу нашей цивилизации? Как спасти свою страну и свое будущее? Новая книга ведущего историка и публициста патриотических сил подскажет ответы на все эти вопросы.

С.Г. Кара-Мурза

Россия под ударом. Угрозы русской цивилизации

Введение

Даже простейшие живые организмы обладают способностью распознавать факторы внешней среды, угрожающие их жизни. Для этого они имеют рецепторы, получающие информацию о внешней среде, которая побуждает к определенным действиям (удалиться от опасности, замаскироваться, притвориться мертвым и пр.). Эволюция снабдила животных сложными органами чувств, резко расширив каналы и набор типов поступающей информации, алгоритмы активных действий по преодолению угроз стали передаваться потомству в форме инстинктов. Выработались способы взаимодействия животных в группе

— системы сигналов об опасности, обучение молодых, иерархия подчинения.

Разумный человек получил мощные познавательные средства, которые скачкообразно выделили его из животного мира. С помощью языка он стал накапливать и передавать коллективный опыт, с помощью разума устанавливать корреляции между явлениями, а затем и причинно-следственные связи. Он стал *предвидеть* угрозы. Более того, воображение дало ему возможность планировать свои действия при возникновении опасности, а нравственность дала ему духовную силу для преодоления страха.

Возникновение государства привело к появлению особой функции власти — предвидения угроз и создания средств по их преодолению или смягчению. Для выполнения этой функции создавались специальные структуры, складывались специальные профессии.

В ранних обществах велик был страх перед природными катаклизмами — засухами и наводнениями, землетрясениями и извержениями вулканов. Эти опасности, в том числе глобальные, не исчезли, хотя от большинства из них человек стал защищен техникой и, шире, культурой. В Новое время главные угрозы стали порождаться самим обществом — и создаваемой человеком техносферой, и конфликтами интересов между социальными или национальными общностями, или быстрыми сдвигами в массовом сознании или в коллективном бессознательном. Эти угрозы для их предвидения и распознавания в ранней стадии требуют уже интенсивной исследовательской работы в рамках научного метода — традиционного знания и здравого смысла для этого недостаточно.

Во время больших кризисов эта работа, как правило, ослабевает, хотя именно в эти периоды и возникают новые риски и угрозы, для предвидения которых прошлый опыт не дает достаточно знаний. Дело не только в том, что резко сокращается финансирование, кризис дезорганизует государственные системы, меняет шкалу ценностей. Кризис резко обостряет конфликты интересов, и влиятельные силы стремятся заглушить сигналы о рисках, которыми чреваты программы этих сил. Так и произошло в 90-е годы — исследования, «беспокоящие» радикальных реформаторов, были свернуты, специалисты разошлись. Было рассыпано интеллектуальное сообщество, которое могло бы судить об угрозах, исходя из норм научной достоверности.

Сейчас мы возрождаем научные школы и собираем крупницы этого знания, чтобы снабдить хотя бы базовыми сведениями ту молодежь, которой предстоит принять на себя основной удар новых, вызревающих угроз.

В этой книге будет идти разговор о тех угрозах, которые составляют ядро системы опасностей для России в нынешней фазе кризиса. Какие-то из них мы унаследовали от «проклятого прошлого», которое уходит в туманные времена Киевской Руси, но большая часть зародилась на наших глазах, за последние двадцать лет.

Глава 1. ПРЕДВИДЕНИЕ И РАСПОЗНАНИЕ УГРОЗ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вырабатывая, в долгих и тяжелых раздумьях, образ бытия современной России, большинство людей, которые станут читателями этой книги — в городе и деревне, в аудитории и армии, дома и на работе — напряженно думают, среди прочего, «что же будет с Родиной и с нами?»

К этой теме люди подходят с разных сторон, но есть и одна общая точка, с которой люди вглядываются в ближайшее и отдаленное будущее — все мы испытываем потребность разглядеть и понять *угрозы для России*. Довелось нам посетить сей мир в его минуты роковые. И только трезвый взгляд, разум и мужество позволят нам провести через цепь грозящих опасностей и Родину, и тех наших близких, кого мы обязаны уберечь.

И трезвый взгляд, и разум, и мужество возникают только при взаимной поддержке — мыслями, словом и делом. Книга — средство соединить наши мысли и слова. И первая книга этой серии как раз начинает разговор об угрозах для России. Это трудный разговор, и мы постараемся, чтобы он был трезвым и разумным — без «торговли страхом» и без

бахвальства. Преувеличенный страх сам становится источником опасности. Поэтому специалисты, которые составляют «карту угроз», отдельно изучают и восприятие реальных опасностей в массовом сознании, отдельно представляют это восприятие в виде «карты страхов». Создание панических настроений и отвлечение внимания от реальных опасностей — важные операции в психологической войне. А такие войны стали нормой даже и в мирное, по старым меркам, время. На нас тоже испытывают новейшие системы оружия массового психологического поражения.

Что виднеется в тумане по курсу?

Мир втянулся в кризис индустриальной цивилизации. В каждой стране он наложил на свои проблемы. Россия переживает наложение нескольких кризисных волн, и совокупный глубокий кризис придется еще долго переживать, то подслащивая его нефтедолларами, то подтягивая пояса. Доктрина реформ 90-х годов предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении «империи зла» — задача для историков. Нас же интересует суть дела. Надо разобраться, как угрозы зарождались и как они развиваются, по каким признакам их можно обнаружить и оценить. Нам надо научиться определять, каков потенциал каждой из угроз и с какой скоростью он наращивается, в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

Любой кризис поражает важные блоки общественного сознания. Но вследствие кооперативного взаимодействия нескольких кризисов нынешний выделяется в российской истории неспособностью общества понять суть происходящего и выработать внятный проект его преодоления. Ведь кризис — особый тип бытия, его можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства — и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения. Для этого и служит разум.

Мы же как будто вернулись в пещеру, увлечены плясками шаманов и театром теней на ее стенах. Хладнокровно изучать реальность не можем, все внимание — на абстрактные сущности. Одни готовы погибнуть (и уморить ближних) за демократию и конкуренцию, другие — за равенство и братство. Идет битва призраков: белая идея, красная идея, Столыпин, Бухарин, кости царя-мученика... Что по сравнению с этим весенний сев или трубы теплосетей! Не будем думать о молоке для нашего ребенка, пока не выясним, кто виноват в слезинке ребенка столетней давности! Из нашего разума как будто вынули “чип”, ответственный за здравый смысл.

Как вернуться на землю? Из опыта я сделал вывод, что даже самая расколотая по идеалам аудитория соединяется для такого разговора, если представить наш кризис как систему **угроз**. Угроз для страны, для народа, для детей и внуков. Это как будто отрезвляет ум — видно, что люди об этом думают, но боятся додумывать до конца. А уж вместе не так страшно.

Это, конечно, лишь один из взглядов на кризис, нужен целый набор призм, но главное — начать. Получив первый грубый образ, о котором легче договориться, можно усложнять подходы. Обсуждая этот вопрос с товарищами, я выбрал 12 главных угроз («двенадцать всадников нашего апокалипсиса»). Это число можно сократить или увеличить, но на деле перед нами просто разные грани большой угрозы бытию России.

Для начала надо взглянуть в общий фон, на котором зреют угрозы нашему бытию.

Важным свойством разумного человека является способность *предвидеть* угрозы и риски. Это требует мужества, недаром Кант считал, что девиз разума — *Aude saper* («имей отвагу знать»). Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык *рефлексии* — «обращения назад». Общество без рефлексии беззащитно. Ведь корни будущего, ростки которого чуть видны в настоящем, скрыты в прошлом.

Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и *порча* инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления, которое дает *правильные* представления о реальности, к аутистическому — оно создает *приятные* представления. Информация об угрозах стала активно отвергаться на всех уровнях общества.

Это и создало саму возможность смены общественного строя. Еще Аристотель писал, что возможны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом — из принципа «увеличения наслаждений». Советский строй исходил из первого принципа, был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых бедствий. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий в социальной и технической сфере. Но важен баланс принципов, и городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, страдало от нехватки «наслаждений». Вместо осторожного сдвига в эту сторону активная часть общества соблазнилась радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства.

Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как “*бунт юноши Эдипа*”, бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начавшийся «праздник жизни», хотя бы для меньшинства, не предвещал катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но этот праздник затянулся сверх меры. Сейчас старые изношенные системы начали рассыпаться, но наше сознание — и у элиты, и у массы — уже утратило навыки предвидения угроз.

На всех уровнях общества, от Кремля до жалкого одиночки, всегда имеется «карта угроз», каким-то образом выраженная. Чем сложнее общество и окружающий мир, тем многомернее должна быть эта карта. Составление «карты угроз» — важная мыслительная операция. Она помогает представить на первый взгляд хаотическое нагромождение рисков и опасностей как целостную систему, увидеть в ней причинно-следственные связи. За внешними проявлениями мы должны разглядеть корни назревающих угроз.

Говорят, например, что угрозой для России стала депопуляция — резкое снижение рождаемости. Конечно! Но ведь это — ответ населения на какую-то более фундаментальную угрозу, надо именно о ней говорить. Как, например, можно ожидать высокой рождаемости, если в 2003 г. даже в Москве 50% опрошенных первой проблемой своей жизни назвали «страх за свое будущее, будущее своих детей» (а в Северной Осетии такой страх назвали первой проблемой 60% — еще до трагедии в Беслане). Ведь это ощущение не устранить увеличением детского пособия, это именно фундаментальный фактор.

Точно так же, видимой угрозой для России стало снижение боеспособности нашей армии. Но ведь это — лишь симптом болезни. Чтобы лечить, надо поставить диагноз. Надо устранять тот комплекс причин, по которым молодежь уклоняется от призыва в армию, лётчики не летают, а вооружение не обновляется. И все это вовсе не сводится только к нехватке денег, нехватка денег — сама есть следствие какой-то более глубокой причины.

Карта угроз всегда не вполне достоверна и отстаёт от жизни. Но в моменты резкого слома порядка, в условиях хаоса и быстрых изменений эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит признаков скрытых угроз, они возникают из тумана внезапно.

В такое положение мы и попали. Не желая слышать неприятных сигналов, мы стали отключать системы сигнализации об угрозах — одну за другой. Это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения угроз и их предотвращения. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь иммунодефицит и выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета — механизма *распознавания* проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

Вот, в 2002 г. президент В.В. Путин на Госсовете сказал о накатывающей на РФ угрозе

наркомании: «В начале 90-х годов в результате политических потрясений мы просмотрели эту опасность». Как это «просмотрели»? Как можно такую вещь «просмотреть»? Просмотрели потому, что вырвали у государства тот глаз, который приглядывал за этой угрозой. Была уничтожена та огромная структура, которая ограждала страну от этой конкретной опасности — пограничные войска, агентурная сеть КГБ, информационно-аналитические службы.

В норме опасность порождает *функцию* государства, а функция — соответствующую *структуру*. КГБ и был в СССР той сложной структурой, которая покрывала спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. Когда структуры КГБ соответствовали спектру опасностей и полноценно работали, в принципе невозможно было бы появление на нашей территории террористических организаций, банд иностранных наемников, регулярное похищение людей и продажа вооружения, включая ракетные зенитные комплексы, организованным преступным бандам. Тогда в такие вещи просто никто не мог бы поверить. Такие преступления даже не были предусмотрены в Уголовном кодексе РСФСР.

КГБ — одна из систем предупреждения. Другая большая система, выполняющая эту функцию — наука. Она была «перестроена» примерно так же, как КГБ. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее *экономической* эффективности. Ах, ее продукция неконкурентоспособна! Да разве в этом главная функция отечественной науки.

Вот, властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела великая идея построить несколько десятков небоскребов — чтобы было «как в Нью-Йорке». В Петербурге уже решили строить 40-этажные дома, хотя такие дома можно строить только на прочных скальных выходах или на твердых отложениях, а под Питером залегает чехол слабых отложений (торф, пески, глины). Как же так? Очень просто — интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации — *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век — и вот, устранили, стали «приватизировать». Вместе с техническим надзором. Символом этой реформы стало невероятное событие — прямо над туннелем метро около станции «Сокол» строители вбили 11 свай. Три из них провалились в туннель, а одна даже пробил поезд. В это надо вдуматься, это важный симптом.

С конца 2000 г. в России стала нарастать волна аварий в теплоснабжении — число аварий возросло с трех на 100 километров в 1990 году до двухсот в 2000 г. Это привело власть в замешательство, как будто она не знала, что Россия — холодная страна и теплоснабжение надо содержать в порядке. В 2003 г. вице-губернатор Петербурга А. Смирнов высказался откровенно: «Если говорить в общем, то в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему пока ни граждане, ни власти ещё не начали заниматься». Это горькое признание. Чего можно было *не понять* в «проблеме ЖКХ»? Все в этой проблеме было досконально известно, в отрасли работает несколько НИИ, точные прогнозы делались с первого года реформы, но эти сигналы не проходили по каналам связи. Их *не желали слышать*! Поэтому признание вице-губернатора Петербурга внушает оптимизм как признак выздоровления.

Но кризис в этой нашей болезни вовсе еще не миновал. В стране была долго отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры и испорчены инструменты. Вот тот фон, на котором разыгрывается наша драма.

Угрозы для России: пробелы в структуре мировоззрения

Начиная разговор об угрозах для России, мы отметили тот факт, что к концу XX века наше общество, в массе своей, утратило навык предвидения опасностей. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в

сознании людей — на время в обиход вошёл даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте в Донбассе произошел взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того, чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили, если память не изменяет, 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, и приводили к тяжелой аварии. От «неестественных причин» (травм, убийств, случайных отравлений и несчастных случаев) в Российской Федерации стало гибнуть очень много людей — до 400 тысяч человек в год.

Злопыхатели даже пустили в СМИ идею, будто дело в нашей природной неспособности освоить блага прогресса, ужиться с миром техники. Это ерунда, срыв произошел во всем «цивилизованном мире». Череда очень похожих аварий прокатилась в 80-е годы по многим странам — с тысячами погибших. Так, на химическом заводе ведущей американской фирмы в Бхопале (Индия) в 1984 г. погибло 2 тыс. рабочих, десятки тысяч жителей были искалечены.

И опять же, сходное поведение во всех сферах. Вот в Голландии, у причальной стенки, переворачивается новый паром — халатно расставили автомобили, перегрузили один борт. Двести жертв, прямо у пристани. В городах США, начиная с Нью-Йорка, прошла волна больших пожаров, толпы молодых людей сгорели в дискотеках.

В Испании заболела масса людей, газеты писали о каком-то таинственном вирусе. Дело проще: торговые фирмы пустили в продажу импортное растительное масло, в которое был добавлен анилин — сильнейший яд. Газеты писали, будто анилин добавили, чтобы придать маслу привлекательный цвет, вкус и запах, но это кажется невероятным. Госстандарт Испании выдал этому маслу сертификат качества. Директор Центральной лаборатории испанской таможни и еще *четыре* (!) службы государственного контроля подтвердили, что масло с анилином годится в пищу. Погибло более тысячи мирных покупателей, 25 тыс. остались инвалидами. Суды присудили жертвам компенсации в сумме 4 млрд. долларов, но правительство отказалось платить, т.к. «это нанесло бы ущерб экономике страны». Приятно видеть правительство, которое так заботится о народном хозяйстве.

Ясно, что речь идет о проявлении общего кризиса индустриальной цивилизации. Нас от этого отвлек собственный острый социальный кризис 90-х годов, а на Западе имели время задуматься. Нам тоже пора, ибо речь идет о *болезни сознания* типичного человека городского индустриального общества. Это тот фон, на котором разыгрывается наш общий кризис, а фон — это общее состояние, от которого нельзя отмахнуться. Оно усиливает все частные болезни.

В 80-е годы XX века стало созреть осознание того, что техносфера, в которой живет человек, созрела до такой плотности и сложности, что опасностям в ней стало «тесно», и они полезли из нее, как перекипшее тесто. В Западной Европе только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Хорошо, что реального терроризма еще не возникло, дело ограничивается спектаклями с небольшой кровью. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология производства и жизнеобеспечения в большом городе может быть превращена в оружие массового уничтожения — и по ошибке, и сознательно. Но беда не в технике, беда в том, что городской человек не умнел в том же темпе, в каком росли потенциальные опасности техносферы — и к настоящему времени его сознание не соответствует структуре и масштабам угрозы. Оно *неадекватно* индустриальной действительности.

Оно неадекватно по отношению к угрозам вообще, просто срыв в отношении технологического риска нам это показал раньше, чем угрозы соединились в лавину. Это

сигнал, который надо услышать и принять срочные меры. Кстати сказать, после Чернобыля на Западе ожидали, что как раз из России будет сказано важное слово, что именно у нас начнется движение к *новому пониманию рисков*. Так оно поначалу и было, в ходе изучения катастрофы было высказано много важных мыслей, но нас увлекла перестройка, стало не до проблем техносферы — готовился «социальный Чернобыль».

В чем же дефект сознания, который породил эти сбои? В том, что в основу *индустриального разума* (рациональности модерна) была положена особая конструкция, особый комплекс идей — *механистический детерминизм*. Смысл его в представлении, будто мироздание — это *машина*, причем машина простая. Все в ней предопределено (*детерминизм*) и поддается расчету. Бог-часовщик завёл пружину мироздания и больше не вмешивается, часы тикают в полном порядке.

Это машина равновесная, процессы в ней обратимы и предсказуемы, для понимания их достаточно законов Ньютона. Адам Смит описал рыночную экономику как такую ньютоновскую машину, даже взял у ньютонианцев метафору «невидимой руки» (у них метафора «невидимой руки» обозначала гравитацию). Эта же модель была положена в основание конституции США — разделение властей, сдержки и противовесы держат эту машину в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса) представлялся и человек. Это мировоззрение породило *безответственность*, особое качество человека индустриального общества. Если вокруг — простые машины, если все обратимо и предсказуемо, то нечего опасаться! Все поправимо, невидимых угроз мир не таит.

К тому же индустриальная революция породила цивилизацию *огня и железа*, ее кумиром стал Прометей. Прометей — титан, порождение *языческого* сознания, воплощение культа силы. Человек Запада посчитал себя всемогущим, обрел свое второе, языческое *Я*. Оно проявилось уже в Ренессансе с его утопией античной свободы, потом в расцвете алхимии с ее магическим сознанием (в том числе и в алхимии денег — монетаризме), в неоязычестве Вольтера с его криком «Раздавите гадину!» (христианство). Так из сознания был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса — память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса индустриализма.

Как известно, в России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Любую западную идею мы заглатываем и доводим до крайности. Последний раз глотнули неолиберализма, больного учения уже очень больного Запада. Есть надежда, что поправимся, но сильно исхушаем.

Для начала требуется нам вернуться на круги своя, обратиться к устоям своей культуры, которая выросла на мироощущении «симфонии» мировых религий, представленных в России, и на космическом чувстве множества народов. Эта совместимость мироощущения и позволила народам собраться вокруг русского ядра в Россию. В этом ядре нет места для механистического детерминизма, хотя его формулы мы используем как научный инструмент. Но мы должны вспомнить, что мир — не машина, а Космос, сложно построенная прекрасная и хрупкая Вселенная. А мы за нее *ответственны*. Процессы в ней в большинстве случаев *необратимы*, так что мы по незнанию, по халатности или сдуру можем совершить *непоправимое*. В мире, обществе и человеке много непредсказуемого, чего нельзя рассчитать. А значит, что-то менять, а тем более ломать, надо с большой осторожностью. Ведь нам даже не дано предугадать, как слово наше отзовется, а тут кувалдой начали свою страну перестраивать. Вот и встают угрозы-великаны.

Чтобы эти угрозы рассмотреть, нанести на карту и подготовить оборону, нам надо прежде всего изменить тот интеллектуальный фон, на котором разыгрывается наша национальная драма. Нужно отремонтировать и почистить нашу собственную мировоззренческую матрицу — обратиться к традиционной крестьянской мудрости, которая следовала принципу минимизации рисков, а также к тому космическому чувству, из которого русская наука черпала великие идеи для понимания неравновесности, катастроф, трагичности непрерывной борьбы порядка и хаоса. С этой войны мы не можем

дезертировать и не можем откупиться от противника долларами.

Угрозы для России: нужен новый уровень обществоведения

Отметим еще одно обстоятельство, которое усугубило нашу общую слабость в предвидении рисков — у нас как раз к началу кризиса «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах не говорим, не они определяют общий фон).

Как малые дети, ожидающие от жизни только подарков, мы извратили сам смысл науки, в том числе общественной. Она была представлена силой, смысл которой — улучшение нашей жизни, увеличение благ и свобод. На деле главная ценность науки — накладывать запреты, указывать на то, *чего делать нельзя*. Нельзя, например, создать вечный двигатель, за всякое благо надо платить энергией, в основном той, которую Земля накопила в своих кладовых за миллиарды лет. Это великое, но неприятное предупреждение науки.

Обществоведение обязано *предупреждать* о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Предупрежден — значит вооружен. Это оружие всем нам необходимо, чтобы провести через цепь опасностей и Родину, и тех, за кого мы в ответе.

Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада (хотя симптомов этой болезни было достаточно). Оно не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром. Мы говорили о мировоззренческой природе этого фильтра — вере в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. В этой вере мы прятались, как страус, от нарастающей сложности и нестабильности.

Но у нас перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению даже и этой механистической рациональности. Важная часть массового сознания была отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Но рациональное мышление было подорвано и в сфере профессионального знания, необходимого для жизни городского общества. Без него целый ряд важных угроз становится невидимым, наше традиционное мышление и здравый смысл не настроены на их распознавание, поскольку эти угрозы порождены недавно, уже в индустриальную эпоху.

Что значит «мы не знаем общества, в котором живем»? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лоции и испорчен компас. Уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе — но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

Конечно, сильное давление оказал политический интерес. Чтобы сломать такую машину, как государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных, академических трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Безумным был уже сам лозунг перестройки — *«Иного не дано!»* Как это не дано? С каждого перекрестка идут несколько путей.

Никто не удивляется, а ведь вещь поразительная: ни один из видных экономистов

никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть* переделано в рыночную экономику — но тут же требовал его немедленно переделать. Хотя из самой же западной науки следовало, что к успеху могло привести только надстраивание рыночных прелестей на имеющийся фундамент (как в Японии или Китае). Нет, первым делом взорвали фундамент.

Поражали метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы зывали: “Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!” — и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Не дали даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то так делает, кроме самоубийц? Предложения “консерваторов” — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

Летом 1991 г. несколько групп экспертов провели расчет последствий “либерализации цен”, которую позже осуществил Гайдар (и расчет полностью подтвердился). Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, это был сигнал об угрозе тяжелого социального потрясения и спада производства. Но “ведущие экономисты” успокоили людей. Так, “Огонек” дал такой прогноз: “Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить 4-5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику”, — и так далее по всему спектру товаров.

Сейчас это кажется курьезом, но дело очень серьезно. Трагедия в том, что дело было не в злонамеренности экономистов, их прогнозы отражали общую структуру мышления, которая мало в чем изменилась. Академики, экономисты и социологи, предлагали меры, которые были бедствием для миллионов людей и уничтожали огромное национальное богатство, — и не видели опасности. Вот, Н.П. Шмелев утверждал в 1989 г.: “Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать”. Вдумайтесь только! Ведь распределение — лишь одна из множества функций «всей нашей административной системы». Почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Ведь при этом будут разрушено множество структур, которые выполняют другие функции, помимо распределения. Да и вообще, разве в обществе нет необходимости *распределять* ? Вот, например, государственный бюджет — типичная система распределения. Представьте себе, что ее решительно сломали.

А вот как Н.П. Шмелев трактует наши экономические задачи уже в 1995 г.: “Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала... Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей».

Академик-экономист призывает к *деиндустриализации*, к ликвидации до 2/3 всей промышленной системы страны. Это значит, главные интеллектуальные инструменты для предвидения угроз в стране действительно отключены, ибо за такими заявлениями должны были бы немедленно последовать практические действия (хотя бы врачебная помощь).

Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан с самого начала не верило, что приватизация будет благом для страны и для них лично. Но 64% опрошенных ответили: “Эта мера ничего не изменит в положении людей”.

Это — признак глубокого повреждения в сознании. Как может приватизация всей промышленности и, прежде всего, практически *всех рабочих мест* ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации! Реальность такова: приватизация (вместе со всеми идущими «в одном пакете» мерами) почти моментально привела к спаду производства вдвое и вытеснила с заводов и фабрик России 9 млн. рабочих и инженеров. Приватизация промышленности означала важный исторический выбор, кардинальное изменение жизнеустройства всего народа — а люди воспринимали ее как

бесполезное (но и безвредное) техническое решение. Мысленная операция прогнозирования угроз была исключена из мышления граждан. Такое восприятие реальности было навязано им огромным массивом выступлений авторитетных обществоведов.

В целом, мины, заложенные в 90-е годы, созревают до того, чтобы начать рваться, только сейчас, уже в XXI веке. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, *проявились*. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Ячейки таких исследований «ушли в катакомбы».

Большие опросы социологов, проведенные начиная с 2002 г., показали, что практически на всей территории России граждане примерно одинаково видят угрозы. Они выделяют три примерно одинаковых по значимости блока: кризис власти и управления (около 35% опрошенных); потеря российским обществом смысловых координат своего развития (31%); гегемонистская политика США и их стремление к мировому господству (30%). То есть, большинство опрошенных считает главными угрозы, порожденные кризисом мировоззрения, кризисом государственности и ухудшением положения России в мире.

Эти опросы выявили наличие практически единого мнения о том, что главные угрозы являются следствием изменений, произошедших в жизни общества после 1989 года. Важно подчеркнуть, что это признают и те, кто разбогател в результате реформ, и те, кто впал в бедность. Угрозы эти, следовательно, имеют **общенациональный** характер.

Но это видение угроз слишком размыто, абстрактно. Из него нельзя вывести определенную позицию — угрозы лишь ощущаются как что-то надвигающееся на нас в тумане. Конечно, в этой вводной главе мы кратко затронули лишь самые общие причины той слабости, которая поразила наше общество в выполнении им одной из важнейших для жизни функций — предвидения угроз и опасностей. Об остальных причинах будем говорить при обсуждении тех конкретных, осязаемых или уже созревших угрозах, с которыми наша страна входит в столкновение в начале XXI века.

Ядро системы угроз для России

Для нашего разговора полезно выделить те угрозы, которые составляют *ядро* системы опасностей для России в нынешней фазе кризиса. Перечень угроз, входящих в это ядро, можно сделать длинным или коротким — на деле все они есть просто разные грани большой угрозы бытию России. Кризис России — системный. В ходе таких кризисов страдают и элементы, и связи *всех* систем страны (причем, как правило, самая уязвимая часть систем — *связи*).

Одним из критериев **выделения** ядра фундаментальных угроз служит степень, в которой реализация угрозы может повлечь за собой лавинообразные цепные процессы распада, угрожающие гибелью целого. Такие угрозы можно считать критическими. Слово «гибель» в приложении к таким большим системам, как цивилизация, страна, народ, в большинстве случаев надо понимать как метафору (если речь не идет о природных катаклизмах, угрожающих самому существованию обитаемой Земли).

В ходе длительных обсуждений нами составлен такой перечень из дюжины фундаментальных угроз. Здесь мы их перечислим, а затем некоторые из них подробнее разберем в следующих главах.

1. Угроза деградации и распада (демонтажа) народа как системы

Это разрыв связей, соединяющих людей в народ, а также порча механизмов, которые ткут эти связи, «ремонтируют» и обновляют их. Народы — продукт культуры, результат творческой работы многих поколений. Связи, стягивающие людей в народ, поддаются изучению, а значит, и воздействию с целью их ослабления, преобразования и разрыва. Современная антропология служит научной основой и для создания технологии таких воздействий.

Ядро России — русский народ, который и сам вобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура. К середине XX века народ исторической России сложился в полиэтническую гражданскую нацию — ***советский народ***. Операция по демонтажу советского народа с конца 80-х годов ударила прежде всего по его русскому ядру, но также и по связности других народов России. Эта операция продолжается и порождает главную на сегодня угрозу для России.

Народ — субъект истории и держатель страны. Разрыхление его связности лишает его надличностной памяти, разума и воли. Отсюда — кризис всех других систем. В частности, возникает угроза деградации главных социокультурных общностей России. Идет интенсивный процесс деклассирования крупных контингентов трудящихся и распад многих профессиональных сообществ. Так, уже произошли резкое количественное сокращение и утрата системных свойств общностей промышленных рабочих и квалифицированных организованных работников сельского хозяйства, научно-технической интеллигенции.

Демонтаж народа России в острой фазе проводился посредством экономической и информационно-психологической гражданских войн. Сейчас размонтированы верхние слои связей, основа цела, но угроза ее деградации нарастает.

2. Угроза снижения цивилизационного статуса России

В Новое время сложилась иерархия статусов стран и культур, которая действует и поныне, хотя терминология смягчена политкорректностью. Статус цивилизации является исключительно важным ресурсом и в международных отношениях, и в формировании мирового общественного мнения, и в поддержании высокого уровня связности и морали нации. Россия, которая с начала XIX века воспринималась в мире и в собственном мнении как цивилизация («православная», «восточнохристианская», «евразийская»), поддерживала этот статус целой системой государственных и общественных мер.

Россия заняла свое место в семье цивилизаций благодаря тому, что на главные вопросы бытия предлагала свои ответы, имеющие общее значение и понятные другим. Это создавало напряженность и даже цивилизационные конфликты, но высоко ценилось в мире, как ценился самобытный «русский» стиль постановки проблем в науке, литературе, политике. В свою очередь, это было важным духовным мотивом для народа России и давало ему самосознание носителя ценностей, важных для всего человечества.

В начале 90-х годов XX века статус России как самостоятельной цивилизации был поставлен под сомнение. В одной из версий политической философии утверждалось, что Россия ни в какой момент истории не «доросла» до уровня цивилизации, оставаясь в состоянии варварства. В другой версии Россия была представлена как цивилизация изначально порочная и «неправильная». Третья версия исходила из видения России как части европейской цивилизации.

Следование любой из этих версий означало бы демонтаж несущих цивилизационных конструкций России с прогрессирующим углублением внутреннего кризиса и снижением международного статуса.

3. Угроза распада системы межнациональных отношений («общезжития народов»)

Россия за четыре века создала особый тип сосуществования множества народов и

народностей в одном государстве. Он принципиально отличается от моделей других цивилизаций. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на огромном пространстве империю *неколониального* типа.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной насильственной ассимиляции, не создавался «этнический тигель», сплавляющий все народы и племена в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего разные народы в разных цивилизационных нишах.

С конца 80-х годов XX века механизм, который скреплял эту систему, переживает кризис. Один из главных ударов, имевших целью преобразование советского жизнеустройства, был направлен на механизм, который скреплял систему совместной жизни этнических общностей России. В ходе этой программы возникли и стали вызревать две угрозы: превращение этнического сознания нерусских народов из «русоцентричного» в этноцентричное; нагнетание русского этнонационализма, ведущего к разделению и архаизации народов («трайбализации»).

В условиях социального кризиса и трансформации национальных государств под давлением глобализации возникают интенсивные потоки этнической миграции, создающие новый, конфликтогенный фон межнациональных отношений. При дальнейшем развитии указанных угроз России грозит «молекулярная» этническая война *всех против всех* и регрессивный распад больших народов (откат к племенным структурам).

4. Угроза деградации культуры рационального мышления

Для жизни индустриальной страны нужно массовое овладение инструментами рационального мышления — адекватным современной реальности языком, навыками логических умозаключений, «духом расчетливости» (меры), навыками рефлексии и проектирования. Все эти инструменты и навыки были сильно повреждены в ходе тяжелого длительного кризиса.

Сейчас сознание общества, в том числе его экономической и политической элиты, хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставят императивы восстановления и развития. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Самопроизвольного устранения повреждений не происходит, инерция деградации рационального сознания велика. Дальнейшее развитие этого процесса — всеобщая угроза.

5. Ухудшение здоровья и снижение культурного уровня населения

Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп — народ болен в прямом смысле слова. Очень высока доля детей, которые рождаются больными или заболевают после родов. Растет заболеваемость «социальными» болезнями (особенно туберкулезом).

Быстро снижаются формальные и качественные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность населения к самоорганизации.

Чрезмерно высок уровень преступности, рост детской и подростковой преступности опережает средние показатели. Возникли «малые народы», подгрызающие структуры цивилизации. Наступает «цивилизация трущоб», обитатели которых привыкают к своей новой культуре.

Эти процессы не останавливаются или стабилизируются на слишком высоком уровне угрозы.

6. Угроза «внедрения» системы потребностей, несовместимых с реальностью России

«Экспорт потребностей» — один из главных видов оружия в цивилизационных войнах (против «варваров»). Теперь оно применяется против России. Два десятилетия ведется интенсивная идеологическая кампания по дискредитации ценностей непритязательности, средствами массовой культуры внедряются стереотипы западного общества потребления с его шкалой престижа. Навязанные рекламой недоступные стандарты потребления и несбыточные желания вызывают массовую фрустрацию и девиантное поведение, особенно в среде молодежи. Когда в стране «ускользает национальная почва из-под производства потребностей» (Маркс), народ чахнет и впадает в тоску.

Эта операция информационно-психологической войны против России продолжается и разрывает связи солидарности людей, без которой не преодолеть кризиса.

7. Угроза деградации системы власти и управления

Страна — как самолет, а власть и управление — его экипаж. От его квалификации, здоровья и совести зависит жизнь страны.

За 90-е годы произошло глубокое падение качественных характеристик и кадров управления, и всей системы управления в целом. На высокие посты пришли люди, не имевшие представления о системах, которыми они должны были руководить. Из-за непрерывных административных перестроек и кадровых перемещений эти люди не связывают свое будущее с конкретным объектом управления и не осваивают знание о нем. Зачастую они занимают вынужденно агрессивную позицию по отношению к специалистам, что ухудшает качество решений.

Из всех социальных групп именно у состава высшего эшелона управления поражение рационального мышления сопровождается самым резким отрывом от здравого смысла. Это усугубляется расширенным воспроизводством коррупции.

Государственный инстинкт заставляет чиновников тянуть лямку, однако эта угроза нарастает, поскольку процесс деградации вышел в режим самоускорения, а программы лечения нет. Само появление такой программы уже требует чрезвычайных мер.

8. Кризис легитимности власти и угроза «оранжевых» переворотов

Постсоветская власть не может преодолеть кризис легитимности — нехватку авторитета, уверенности граждан в том, что эта власть гарантирует жизнь страны и народа. Как следствие, недостаточна активная поддержка власти со стороны большинства. До предела сузилась социальная база власти — ее кадры отбираются из узкого слоя «своих».

Кризис легитимности был смягчен с приходом В.В. Путина, который проявил качества харизматического лидера и получил огромный кредит доверия. Это до сих пор служит стабилизирующим государство фактором и является важным ресурсом в преодолении кризиса. Тем не менее в латентной форме кризис углубляется. Высокий рейтинг президента и главы правительства при очень низком доверии к правительству (формула «добрый царь — злые министры») — симптом риска срыва.

Множество опросов последних лет показали высокую степень отчуждения населения от власти. По многим проблемам в массовом сознании сложилось мнение, что власть действует не во благо народа, а во вред ему.

Возникло неустойчивое равновесие, дестабилизация которого может быть достигнута сравнительно небольшими воздействиями. Культура и квалификация властной верхушки и ее интеллектуальных бригад не отвечают тем вызовам, которые содержатся в современных «оранжевых» технологиях.

Эти технологии позволяют со сравнительно небольшими затратами создавать контролируемые политические кризисы. Единственный способ для власти преодолеть эту угрозу — пойти на честный и открытый общественный диалог, но это сопряжено с рядом сложных политических и методологических проблем.

Недостаток легитимности делает российскую власть уязвимой — ее можно измотать непрерывной чередой политических провокаций и спектаклей. Угроза, что Россию столкнут

в новый виток хаоса, велика.

9. «Раскрытие» России и угроза оттока ее ресурсов, необходимых для собственного воспроизводства

До последнего времени экономика России складывалась по типу «семейного хозяйства», которое принципиально отлично от «рыночной экономики». В семье ресурсы и усилия не продаются и покупаются, а складываются. Реформа последних двадцати лет еще не смогла полностью преобразовать тип хозяйства России. Но хозяйство семьи нельзя «раскрывать» внешнему рынку, действующему на принципе максимизации прибыли предпринимателя, — он высосет из «семьи» все средства.

Внешняя торговля должна регулироваться исходя из принципа максимизации выгоды *целого* (страны). С начала реформы за рубеж стали переправляться большие объемы ресурсов, дефицитных для развития и даже поддержания отечественного хозяйства (особенно капиталов, сырья и энергоресурсов в разных видах — нефти и газа, металлов и удобрений). Экономическая система стала настроена на субоптимизацию отдельных предприятий. Принятие норм ВТО в нынешнем состоянии чревато усилением этой тенденции. Возникнет угроза утраты ряда системообразующих отраслей производства и направлений научно-технической деятельности.

10. Угроза утраты школы и науки

Школа — «генетический механизм» национальной культуры. Ее главная задача — не обучение техническим навыкам, а воспитание — передача следующему поколению неявного знания и нравственных устоев, накопленных за века народом. Российская школа, в основу которой положена модель, выработанная за полтора века в русской культуре, строит и воспроизводит большую российскую нацию. Попытка слома национальной школы приводит к тяжелейшему культурному кризису и длительному хаосу. Такая попытка и предпринята в России с начала 90-х годов. Даже частный, хотя и принципиальный, элемент реформы — ЕГЭ — вызвал большую напряженность в обществе и устойчивое осознанное неприятие.

Смысл школьной реформы — заменить культурный и социальный тип русской школы на тип западной школы, выработанный в ходе Великой Французской революции. Западная школа воспроизводит не народ, а классы. Это «школа двух коридоров»: один — для производства «элиты», другой — для «массы». Выходят из школы люди двух разных культурных типов. Ликвидации русской школы сопротивляются и учителя, и родители. Это сопротивление стихийное и неорганизованное, но упорное. Если его одолеют, это нанесет России очень большой ущерб.

То же самое можно сказать о высшем образовании и о науке. Их Россия выращивала 300 лет. Они устроены по-иному, нежели на Западе. Так, вузы России «производили» специфический тип специалиста — *российскую интеллигенцию*. Переход к Болонской системе, требующий изменения социального уклада вуза и программ обучения, означает смену культурного генотипа образованного слоя России.

Точно так же социальный уклад и организация науки России, адекватные ее культуре и государственности, обеспечивали высокую жизнестойкость научного сообщества в самых трудных условиях и специфический «русский стиль», позволявший решать крупные проблемы с очень скромными средствами. Он сделал возможными и успехи в развитии России, и ее военные победы. Русская наука — замечательное культурное явление, достояние человечества.

Теперь наука — один из необходимых устоев России как цивилизации, без нее ей уже не сохраниться. Очень многие виды знания, которое добывают и хранят ученые России, нельзя купить за границей ни за какие деньги. За 90-е годы нашу науку почти задушили, но ее еще можно возродить. Однако начинается новый виток «реформы» с целью сломать культурный генотип русской науки и превратить ее в «маленький рентабельный бизнес».

Утрата сложившихся в России высшей школы и науки грозит глубокой деформацией

общества и потерей культурной независимости с неопределенными перспективами.

11. Угроза деградации производственной системы и систем жизнеобеспечения

Реформа привела к спаду производства примерно вдвое (в машиностроении в 6 раз). Последние 8 лет (за исключением периода начавшегося в 2008 году нового кризиса) наблюдался прирост — благодаря загрузке простаивающих мощностей. На деле идет неумолимый процесс старения и выбытия основных фондов и мощностей при отсутствии инвестиций, достаточных для их капитального ремонта, восстановления и модернизации.

Вложения средств в последние двадцать лет несоизмеримы с масштабами провала. Латание дыр и чрезвычайные аварийные меры не компенсируют даже в малой степени массивных процессов старения и деградации. Программы восстановления основных фондов и всей производственной ткани страны нет. Состояние многих систем близко к критическому, и в любой момент может начаться лавинообразный процесс отказов и аварий с тяжелыми последствиями.

Деградация систем жизнеобеспечения по своему типу это такой же процесс, как и разрушение производственной базы. Разница в том, что при остановке многих производств мы можем сколько-то времени протянуть за счет продажи нефти и газа, а при массовом отказе теплоснабжения замерзнем в первую же холодную зиму. А на грани такого отказа — целые блоки ЖКХ. За 90-е годы из ЖКХ изъяли амортизационные отчисления, не велся капитальный ремонт жилья, не перекладывались трубы водопровода и теплосетей. Попытка переложить эти расходы на население или местное самоуправление несостоятельны, привлечь в эту сферу частный капитал трудно из-за ее убыточности.

Разумный выход — начать большую восстановительную программу. Альтернатива — разделение народа на меньшинство в коттеджах с автономным жизнеобеспечением и большинство в трущобах.

12. Угроза ликвидации русской армии

Армия — ключевая опора любой цивилизации. Это — важная ипостась народа. Свою современную армию Россия выращивала, как и науку, 300 лет. В армии воплощены главные смыслы и коды культурных ценностей и мировоззренческих установок. С 1991 г. делаются попытки изменить культурный тип Российской армии, превратить ее в «силовую структуру», равнодушную к проблеме добра и зла. Армию — защитницу народа хотят переделать в профессиональное «охранное предприятие».

Это пока не удастся и, скорее всего, не удастся. Но вынуть из армии духовный стержень и лишить боеспособности возможно. Так получилось во многом потому, что мы не желали понять, чем наша армия отличается от наемных западных армий, что именно в ней так стремятся сломать. Потеря своей национальной армии — фундаментальная угроза. Эта угроза может при ее реализации вызвать мультипликационный эффект распада многих культурных норм.

Глава 2. ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ РОССИИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мы говорим об угрозах для России как *целого*. Самой крупной целостностью будем считать *Россию как цивилизацию*. В большинстве случаев ее размеры будут совпадать у нас с размерами *страны*, но в ряде важных смыслов пространство цивилизации выходит за географические границы Российской Федерации — например, такая важнейшая система цивилизации, как *русская культура*.

Здесь мы не будем вдаваться в вечную дискуссию о том, что такое цивилизация. Напомним лишь элементарные сведения и наметим те рамки, в которых будет вестись наш разговор. Под Россией как цивилизацией мы понимаем большую и устойчивую (долговременную) систему, собравшую на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего)

ядра — русского народа и русской культуры.

В Новое время, по мере того как складывалась современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека — *цивилизованного* и *дикого*. В XVIII веке и вошло в обиход слово «цивилизация» (во французском языке). Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости.

С самого возникновения понятия оно означало оппозицию «цивилизация — Природа» и «цивилизация — дикость» (иногда выражаются мягче — варварство). Считалось, что в пределах западной культуры человек живет в цивилизованном (гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». Представление о гражданском (цивиленном) обществе возникло в так называемой натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*).¹

В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (первая волна «глобализации») возникла «этноисторическая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа — своя цивилизация. В ином смысле словом «цивилизация» стали обозначать стадию развития общества, следующую за дикостью и варварством. Говорят «человеческая цивилизация», понимая ее как результат прогрессивного развития человечества в целом. В романтической историографии XIX в., с ее апологией «почвы и крови», стало развиваться понятие *локальных* цивилизаций.

В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился *цивилизационный подход* к взгляду на историю. Из него исходили философы и политики, даже исповедуя более абстрактные формационные подходы (это видно в трудах самого Маркса). Изучение истории, развития и актуального состояния стран в рамках цивилизационного подхода стало частью рационального, в том числе научного, *знания*.

Государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения исходя из *цивилизационных* представлений о своей стране. В Средние века эти представления выражались на языке религии, в Новое время были выработаны светские понятия — культура и цивилизация, нация и национальная идея, геополитика.

В XX веке было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн. В таких цивилизационных кризисах активную роль всегда играет государство, переживая при этом внутренние расколы и конфликты.

В России начала XX века западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные *образы будущего*, разные *цивилизационные проекты*. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал *советский проект*.

В основном споры шли о проекте *модернизации* России, то есть о ее развитии во взаимодействии с Западом, но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции *евразийства* — учения, в котором был систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как евразийской цивилизации.

Цивилизация — категория *сопоставительная*. Мы понимаем ее как систему *отличий* нашей цивилизации от иных, а схожие черты (которых, разумеется, большинство у всех культур и народов) воспринимаются как **фон**, о них практически не говорят. Сравнение

«Россия — Запад» или «Франция — Англия» в цивилизационном плане ведется как *оппозиция* образов (этот подход и называется *оппозиционизм*), а часто и как «конфликт», понимаемый в широком смысле.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами. Она, однако, переживает длительный цивилизационный (системный) кризис.²

Учтем также, что цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации. Признаки деградации некоторых структур цивилизации появляются раньше, чем у систем более низкого уровня сложности (например, стран). Так, уже в 70-е годы проявились системные признаки *индустриализма* как «матрицы» основного уклада жизнеустройства промышленно развитых стран. Тогда и возникла концепция «третьей волны» цивилизации, постиндустриализма и постмодернизма. Какого-то глубокого кризиса отдельных систем конкретных стран и государств (например, политических и экономических) еще не чувствовалось.

Точно так же в 70-80-е годы и экономика, и военная мощь СССР были на подъеме, но мировоззренческая основа всего советского цивилизационного проекта явно погружалась в кризис. Его природу было трудно описать в терминах формационного подхода, и приходилось давать ему неадекватные объяснения вроде «краха экономики» или «отсутствия многопартийности».

Угрозы цивилизации выглядят как факторы снижения ее *«жизнеспособности»*. Понятие «жизнеспособность» в отношении цивилизации как продукта культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) есть *метафора*. Она предполагает состояние *нежизнеспособности*, которое ведет к *смерти* цивилизации. В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а об их глубокой *перестройке* (смене формата). С этой оговоркой и будем применять слово *жизнеспособность*.

В обыденное сознание вошел образ *гибели цивилизации*. Приводятся примеры таких исторических событий — гибель Древнего Египта или Рима, гибель цивилизаций майя и ацтеков уже на заре Нового времени. Иногда предсказывают и гибель России как цивилизации.

Это, думаю, надо понимать как художественные образы. В жестких, строгих понятиях эту гибель представить трудно. Ее мы воспринимаем лишь много веков спустя, оглядывая историю в длинном времени. На деле всегда имеет место постепенное смешение культур и населения, которое современниками не воспринимается как гибель цивилизации (точнее, гибель воспринимается как метафора). Древний Рим «погибал» четыре века, а затем переформатировался в Священную Римскую империю с латынью как общим языком церкви, культуры и образования и философией Аристотеля и множеством унаследованных от Рима ценностей. Византия тоже «погибала» три века, а цивилизация ацтеков и до сих пор активно «участвует» в жизни Мексики — достаточно посмотреть настенную живопись Мехико или почитать литературу.

Даже самое страшное нашествие или ядерная война не могут «уничтожить» Россию или ее народ. Но они могут настолько изменить материальные и культурные условия бытия народа России, что произойдет разрыв непрерывности в развитии сложившегося в России жизнеустройства. Это значит, в короткое по историческим меркам время Россия будет так «переформатирована», что наши предки, «взглянув с небес», ее бы не узнали — даже если бы названия городов и имена людей остались прежними. Гибель России — это «стирание» ее центральной мировоззренческой матрицы и ценностной шкалы. Такая катастрофа очень маловероятна, но одновременная деградация многих системообразующих для России структур делает ее в принципе возможной.

Каков эффект буквального понимания метафоры «гибели России»? Он выражается в том, что все двадцать лет тяжелого кризиса все внимание общества направлено на конъюнктурные, злободневные проблемы и отвлечено от фундаментальных угроз. Все мы

увлечены необходимостью *спасать Россию* от немедленной гибели, и нет времени задуматься о массивных медленных процессах, которые подтачивают ее основания. Давайте взглянем на ход событий в более долгой перспективе, подумаем о подготовке оборонительных рубежей против угроз, которые еще не подошли вплотную.

Здесь мы не ставим целью представить всю систему процессов и явлений, определяющих жизнеспособность нынешней России. Тем более невозможно предложить в краткой главе систему параметров, индикаторов и критериев, позволяющих адекватно оценить состояние нашей цивилизации и динамику изменения ее жизнеспособности. Мы говорим о *подходе* к решению этих задач, над которыми все мы так или иначе думаем. Этот подход будем пояснять общеизвестными фактами, приводимыми лишь в качестве *примеров*.

По мере возможности не будем применять и аналогию цивилизации с организмом. Биологическая метафора предлагает слишком *похожий* образ, и мы невольно впадаем в гипостазирование — принимаем понятие за реальную устойчивую *сущность*. Будем использовать простую аналогию, полезную для структурирования проблемы — *живучесть корабля*. Представим себе Россию как корабль, плывущий во времени и в многомерном пространстве бытия. Эта механическая метафора не слишком вульгаризирует проблему и в то же время не позволяет забывать, что это всего лишь метафора.

Читаем: «Живучесть судна — способность судна при получении повреждений сохранять свои эксплуатационные и мореходные качества».

В чем сходство, допускающее эту аналогию? Корабль и цивилизация — сложные *конструкции*. Оба они — продукт культуры, а не «организмы», творение Природы (или божественных усилий). Они движутся во внешней среде, отграниченные от нее специально и сложно построенными барьерами, через которые осуществляется «обмен веществ, энергии и информации» со средой. Эта среда подвижна и бывает агрессивной, создавая угрозы (вызовы), чреватые гибелью. Гибелью грозят и столкновения с «гомологом» — кораблем (иногда целенаправленно вражеским) или цивилизацией. Обе системы живучи только в том случае, если они обладают:

- «корпусом» и его инфраструктурой («переборками», системами транспорта, связи и пр.);
- источником энергии и двигателем достаточной мощности;
- средствами познания окружающей реальности (навигационными инструментами, картами и лотциями, радиолокаторами и эхолотами, информационными средствами);
- средствами защиты (оружие, боеприпасы, кадры и организация);
- сплоченной и мотивированной общностью людей с необходимой структурой ролевых функций (команда, нация и т.д.);
- управляющей и организующей подсистемой, задающей цель, курс, способ действий.

Порча, деградация или поломка всех этих подсистем ведут к снижению живучести (жизнеспособности). Это снижение, приближаясь к критическому порогу, грозит «гибелью».

Конечно, есть подсистемы цивилизации, которые находятся за рамками аналогии с кораблем. Корабль живет недолго, он легко выдерживает ремонт и «пересборку» (например, замену машины, капитана и команды) без утраты его *идентичности*. Иное дело — цивилизация.

Например, жизнеспособность цивилизации как системы, существующей в «большом времени», требует ее постоянного *воспроизводства*. Оно в высшей степени зависит от «генетического аппарата» и механизмов *репродуктивной функции*. Если все механизмы, которые обеспечивают воспроизводство цивилизации, начинают давать сбои или повреждают ее генетические программы, цивилизация может быть переформатирована (вплоть до «гибели») за два-три поколения, то есть за полвека — даже при удовлетворительном функционировании остальных механизмов и агрегатов.

При обсуждении проблемы жизнеспособности России придется оценивать состояние ее систем. Для оценки систем нужны показатели (индикаторы). Это измеримые параметры,

надежно связанные с интересующими нас величинами, которые трудно измерить непосредственно (латентными величинами). Так, в словаре сказано о корабле: «Живучесть судна определяется его плавучестью, непотопляемостью, остойчивостью, взрыво- и пожаробезопасностью».

Все эти показатели — хорошие метафоры для нашей темы. Вот *плавучесть*, то есть «способность судна плавать при заданном количестве погруженных на него грузов: Плавучесть судна характеризуется водоизмещением судна и запасом плавучести». Россия — огромная цивилизация (велико водоизмещение этого корабля), но для некоторых исторических вызовов «запаса плавучести» ей не хватало.

Например, корабль «Российская империя» не смог вынести груза «капиталистической модернизации» — балласт сословного общества и ряда несовместимых с западным капитализмом структур слишком уменьшил плавучесть. Ее запаса не хватило, чтобы выдержать Первую мировую войну и революцию.

«Холодная война» оказалась избыточной нагрузкой для СССР, выдержать ее не хватало «запаса плавучести». В принципе, была возможность его увеличить, если бы эта проблема была понята государством и обществом. Однако «капитаны» после смерти Сталина ошиблись в оценке этого показателя в 60-70-е годы. Они как будто забыли простую истину: «Водонепроницаемость судна — способность наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков судна не пропускать воду, **обеспечивая его плавучесть**».

Именно это условие и выполнял СССР, закрывая себя «железным занавесом». Сталинизм какое-то время обеспечивал «водонепроницаемость судна» при помощи «наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков». Он вынужден был делать это из тех материалов и теми средствами, которые тогда были в наличии.

Чтобы устраивать гласность, надо было сначала увеличить «запас плавучести» или уменьшить нагрузку. Но главное, надо было обеспечить «водонепроницаемость судна». Если «железный занавес» устарел и не годился для нового общества и агентов внешней среды, следовало изготовить наружную обшивку из иного материала. Но капитаны 80-х годов просто пробили дыры в обшивке, палубах и люках — и утопили корабль. Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси России была подорвана ошибочными (или вредительскими) действиями капитанов и офицеров «корабля» — до того как был исчерпан запас плавучести.

Россия вынырнула после «демократической революции» в виде обрубка, уродливо переформатированная «ельцинизмом». Теперь ее жизнеспособность определяется действиями команды и теми штормами, которые могут возникнуть во внешней среде по независящим от нас причинам.

Важнейший индикатор живучести — *непотопляемость* судна. Это «способность судна после затопления части помещений оставаться на плаву и сохранять остойчивость».

Стоит заметить, что учение о непотопляемости было создано в начале XX века С.О. Макаровым и А.Н. Крыловым. Проблема была настолько важна, что А.Н. Крылов изложил свои представления С.О. Макарову телеграммой 16 февраля 1903 г. Концепция была развита советскими учеными и представляет эвристическую ценность и для нашей проблемы.

Так, в своей телеграмме А.Н. Крылов особо подчеркивал значение *остойчивости* и формулировал принципы ее повышения, прежде всего расположения переборок, разделяющих трюмы на отсеки. Он писал: «Водоотливная система бессильна в борьбе с пробоинами... Принцип же подразделения должен быть тот, чтобы плавучесть утрачивалась ранее остойчивости — короче, чтобы корабль тонул, не опрокидываясь».

Корабль должен тонуть, не опрокидываясь! Это важная формула. Достоинство тонуть, не справившись с непосильным вызовом, — значит равномерно исчерпать весь потенциал жизнеспособности. Во время перестройки СССР именно «перевернулся», чего почти никто не мог и ожидать, настолько большим еще был запас плавучести. Остойчивость была утрачена раньше плавучести.

Скажем об этом важном индикаторе. «Остойчивость судна — способность судна противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в

первоначальное положение равновесия после прекращения их действия».

В приложении к России мы можем вспомнить большие бури — революцию 1917 г. и Великую Отечественную войну. В обоих случаях корабль «Россия» продемонстрировал поразительно высокую остойчивость. В 1917 г. Российская империя легла на дно, но не опрокинулась и была быстро поднята, «отремонтирована» и модернизирована под флагом СССР. А при Горбачеве «корабль» перевернулся.

Было бы полезно провести сравнительный анализ этих трех случаев, проведенный без давления идеологических догм и уже без гнева и пристрастия, — как анализируются технические аварии и катастрофы.

Цивилизация и вызовы. Системы цивилизации, как и корабля, надо оценивать не в благополучные периоды, а в те моменты, когда они должны отвечать на *вызовы*. Живучесть корабля проверяется штормом. В этот момент и следует оценивать или даже измерять главные показатели живучести, о которых говорилось выше.

Для исторических вызовов, с которыми сталкивается цивилизация, остается полезным сравнение с кораблем. Так, в конце XX века Россия, уже будучи ослаблена собственным кризисом, вошла в зону «шторма» — общего кризиса индустриализма. Этот шторм ее и сегодня треплет, и она несет тяжелые потери потому, что в 90-е годы сбросила с себя все защитные устройства — от водонепроницаемой обшивки до люков и перегородок.

А в 1941 г. на Россию (СССР), только-только вставшую на ноги после семи лет тяжелейшей войны, надвинулся даже не шторм, а *ураган* нашествия фашистской Германии, усиленной потенциалом всей континентальной Западной Европы. Сила его была колоссальна, но наш корабль выдержал — вот и учебный материал для оценки советских систем. Война — экзамен, очищенный от идеологии.

Вот важная система цивилизации — служба *распознавания и оценки вызовов*. Это «прибор ночного видения» цивилизации. Можно предложить индикатор его оценки — достоверность предвидения, интервал времени между моментом распознавания угрозы и моментом ее реализации. Например, форсированная индустриализация СССР началась (и была принята обществом) именно под девизом «осуществить за 10 лет, иначе нас сомнут». Скелетом промышленной системы сделали ВПК, а вся технологическая база, вплоть до макаронных фабрик, изначально имела «двойное назначение». На войну был рассчитан и поворот начала 30-х годов к «патриотическому воспитанию» — столь резкий, что он поразил эмиграцию.³

Удивительный по нынешним временам уровень предвидения был присущ и атомной программе. Вот ее график:

— записку с идеей этой программы подал В.И. Вернадский в 1910 г., на нее не обратили внимания;

— ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования в этой области 29 марта 1918 г.;

— в начале 1922 г. заработал завод по производству радия;

— первый ускоритель элементарных частиц был пущен в 1922 г.;

— в 1938 г. в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы предусматривали строительство большого ускорителя в 1941 г. и добычу 10 т урана в 1942-1943 годы;

— первая статья о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиовом институте) была представлена в журнал «Доклады Академии наук» всего через два месяца после публикации об открытии в 1939 г. деления ядер.

— в ноябре 1942 года И. В. Сталин в беседе с академиками А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадским поставил вопрос о создании атомной бомбы. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатов. В 1943 году для этого создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов № 2 АН СССР».

Научно-техническая работа в этой области сопровождалась интенсивной пропагандой.

В новогоднем номере «Известий» 31 декабря 1940 г. целый подвал занимала статья под названием «Уран-235». А в «Правде» № 1 за 1941 г. помещен шарж Кукрыниксов — около елки самые прославленные люди страны: Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 г. открыли спонтанное деление урана.

Эта непрерывная работа по *предвидению* и *конструированию* будущего — индикатор жизнеспособности цивилизации.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 70-е годы. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на этническую. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны — принятие за основу теории Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене *парадигмы*.

Не было никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и «молодежных бунтов» 60-х годов. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов «Солидарности», которая была мотивирована именно коммунистическим фундаментализмом, но использована против СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

После краха СССР положение ухудшилось. В постсоветской России после «обретения независимости» была *отключена* сама функция распознавания угроз. Россия напоминает корабль, который идет в штормовом море в районе рифов со сломанными радиолокатором и прожекторами.

Антироссийским политтехнологам удалось выработать методы профанации самого мировоззренческого понятия *вызов*. Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам *предотвращения угроз*. Само осознание жизни народа как непрерывного ответственного дозора было вытравлено из мышления молодежи. Силами массовой культуры и СМИ в России уже в течение двадцати лет ведется интенсивная кампания осмеяния самого понятия *борьбы*.

Даже в ходе нынешнего финансового кризиса, которым «нас заразила Америка», в общественном сознании не возникло вопроса, каким образом Россия (в форме СССР) почти целый век защищалась от этой заразы. Целая серия финансовых кризисов мировой экономики прошла незамеченной для советского хозяйства. А теперь сама идея активной защиты от какой-то цивилизационной угрозы выпала из интеллектуального арсенала российского общества. Это — снижение жизнеспособности еще на одну ступень.

Важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны) является выполнение функции *целеполагания*. Она также ставит цивилизацию перед вызовом — но не угроз, а *надежд*. Цивилизация задает какой-то вселенский проект, указывает цель как образ *светлого будущего*. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, она задавала *образ будущего*, опирающийся на справедливость и всечеловечность.

Та форма цивилизации не выдержала кризиса модернизации «по программе западного капитализма» — и была «переформатирована» революцией. В форме СССР тот же образ будущего был вновь связан идеей всечеловечности и справедливости. Поэтому Россия — и в форме Империи, и в форме СССР — была глобальным оппонентом Запада в конкуренции проектов благой жизни. И, в принципе, эта конкуренция *усиливала* жизнеспособность обеих сторон.

Заострим проблему жизнеспособности. Даже *негативное* целеполагание — мессианская идея, ведущая к гибели, — служит признаком духовного подъема и жизнеспособности. Вот притча о протестантском мессианизме — «Моби Дик». Перед нами образ корабля, на котором взбунтовался капитан. Он пренебрег целью, заданной судовладельцем и принятой к исполнению командой, и повел корабль на поиски кита, олицетворявшего Зло. Нашел, вступил с ним в бой, погубил корабль и его команду. Во всем этом жизнеспособность бьет ключом.

В генезисе Российской Федерации — тоже бунт и заговор капитанов, Горбачева и Ельцина. Вопреки клятвам, которые они давали «судовладельцам», эти капитаны повели корабль ложным курсом и буквально продали его барышникам. Тут не было и капли мессианского чувства, а был циничный обман надежд и своего народа, и, в общем, человечества.

Каково же положение сегодня?

Во-первых, русская советская культура конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами.⁴ Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 90-е годы, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

М.С. Горбачев явно следовал программе-вирусу, его целеполагание стояло на идее *разрушения* страны, которой он взялся руководить. Он постоянно подчеркивает, что *добился своей цели*.⁵ Сами эти утверждения (независимо от их достоверности) очень важны для нашей темы. Они — признак резкого ослабления жизнеспособности. Они говорят о *воле к смерти* — особой болезни цивилизаций. Тот факт, что нынешняя власть явно не отмежеввалась от этих *целей* и даже продолжает демонстрировать им лояльность, создает внутренний раскол, снижающий жизнеспособность цивилизации. Она разделяется на две враждебные части.

«Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит».

Ежедневно подтверждая свою трактовку СССР как «империи зла», государство России, живущее ресурсами, унаследованными от этой «империи», само уничтожает свою легитимность как цивилизации. Из опыта последних двадцати лет следует, что политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации (восточнохристианской или евразийской) на конъюнктурные выгоды антисоветизма. С точки зрения интересов исторической России это обмен невыгодный. Власть промотала огромное национальное достояние.

Если по аналогии с описанием всех систем корабля, которые обеспечивают его живучесть, пробежать по перечню функций и систем государства, то мы увидим, что Россия утратила большое число качеств, придающих жизнеспособность целому. Опять же для примера можно указать на такое качество корабля, как «поворотливость». Россия стала столь неповоротливой, что это надо считать загадочным явлением.

Достаточно сравнить скорость реакции на «повороты руля» в СССР 30-50-х годов и в России после 1999 года. Задача «перехода на инновационный путь развития» была поставлена, вполне искренне, В.В. Путиным в 2001 г., но ни одна структура России не шелохнулась и поныне. Это новое качество, видимо, служит защитой от припадков острого безумия «рулевых», но лишает маневренности, необходимой для ответа на большие вызовы.

Воспроизводство цивилизации. Воспроизводство цивилизации есть процесс *непрерывный и динамичный*. Его нельзя «пускать на самотек» ни на момент, это бессменная вахта народа и государства.

Воспроизводство — это не сохранение чего-то данного и статичного, это развитие всех подсистем цивилизации в меняющихся условиях, но при сохранении ее культурного «генотипа», *центральной цивилизационной матрицы*.

Цивилизация есть комбинация большого числа признаков. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая «периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре можно выделить признаки *sine qua non* — те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации.

Для России в начале XXI века **воспроизводство** себя как цивилизации стало проблематичным. Актуальность этой проблеме придали два катастрофических события конца XX века.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX века, потерпел поражение в «холодной войне» с Западом. Запад, победивший в большой цивилизационной войне, «проник» в Россию, овладел ее важнейшими неврологическими центрами и, конечно, оказывает и долго еще будет оказывать непосредственное влияние на нашу судьбу.

Россия должна «переварить» все цивилизационные яды, которые победитель будет впрыскивать в организм поверженной России, восполнить колоссальные изъятия ресурсов, которые приходится выплачивать как дань, вытерпеть все издевательства наместников и надсмотрщиков, которые будут растлевать и перевербовывать молодежь.

Во-вторых, в конце 80-х годов в России само государство начало реформы, которые ставили целью «возвращение в наш общий европейский дом», то есть переделку жизнеустройства России по западным образцам. Эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Этот курс реформ неоднократно подтверждался как неизменный и обсуждению не подлежал. Вероятно, туземное правительство побежденной цивилизации и не может вести себя иначе, но в России оно действует, кажется, с избыточным рвением.

Так или иначе, проблема воспроизводства Россией новых поколений всех ее систем как «себе подобных» чрезвычайно осложнилась. Условием жизнеспособности цивилизации является надежная защита ее *генетического аппарата*, который выполняет свои функции только при условии его высокой устойчивости. Непрерывный мониторинг наличия в среде главных мутагенов, их удаление или нейтрализация требуют существенных затрат. Они должны быть «защищенной статьей» любого бюджета.

В данный момент положение России в этом отношении не просто неудовлетворительное, оно угрожающее. Ни государство, ни организованные силы общества не выполняют своих функций в этой сфере безопасности. В обыденном сознании эта проблема как самостоятельная вообще не фигурирует. Защита складывается стихийно, и эффективность ее низка.

Перечислим главные системы цивилизации Россия, которые надо непрерывно *воспроизводить*:

- Народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте (то есть воспроизводить весь перечень необходимых для жизни цивилизации общностей, выполняющих весь набор необходимых ролевых функций).

- Природные условия (территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы).

- Культура во всех ее срезах, в частности:

- универсум символов и ценностей;

- знания, навыки и умения, системы их социодинамики;

- искусство.

- Техносфера.

- Хозяйство.

- Государство.

В целом воспроизводство всех этих систем России идет в настоящее время в *чрезвычайном*, а не штатном режиме. Мы переживаем период суженного воспроизводства, продолжается сокращение и качественная деградация важных подсистем каждой сферы. Ресурс этих систем еще не исчерпан, но на ряде направлений мы подошли к критическим порогам. Жизнеспособность России *снижается*. После 2000 года наблюдаются улучшения *потока* (например, годового ВВП или производства стали) при ухудшении *фондов* (базы, «запаса»).

В качестве примеров назовем следующие.

В условиях нынешней России обучение молодежи и ее цивилизационная индоктринация («передача цивилизационных кодов») идут в «мутагенной» среде — передаваемые молодежи сигналы целенаправленно искажаются и фальсифицируются. Цивилизационная *холодная война* продолжается, глупо это игнорировать. От общественных

и государственных институтов зависит, чему обучают ребенка, защищены ли передаваемые ему коды от «программных вирусов», могут ли цивилизационные противники подключиться к информационным каналам и заполнить их своими сообщениями.

Совокупность цивилизационных признаков представляет собой систему, каждый главный признак — «срез» всей этой системы. Например, такой фундаментальный признак цивилизации, как господствующая в ней **антропологическая модель** («Что есть человек?»), выражается и в отношениях собственности, и в организации здравоохранения, и в праве, и в обыденном поведении. Воспроизвести этот признак в новом поколении — значит обучить детей и подростков тому, как в России понимается **человек** — в отличие от Запада. И не только обучить, но достичь интериоризации этого понимания, хотя и с новыми нюансами. В ходе этой передачи «генетической» информации и разыгрывается в России цивилизационный конфликт. Именно этот фундаментальный код стремятся заменить в последние двадцать лет. Исход этого конфликта и предопределяет облик России через двадцать лет.

Конструктивная роль государства в сохранении цивилизации выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно *воспроизводят* народ в его системных качествах. К таким институтам относится, например, народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей средневековой Европы в «буржуазные» нации современного Запада потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников. Эта школа стала «фабрикой субъектов» — специфического человека западной цивилизации. Превращение бывшей советской школы именно в такие «фабрики» и составляет суть школьной реформы в России. Дети и подростки России в настоящий момент получают в семье, в школе и через СМИ противоречащие друг другу или даже *взаимоисключающие* установки относительно главного для цивилизации вопроса — «Что есть человек?».

Надо подчеркнуть, что резко нарушено *системное* воспроизводство народа, а общественное сознание акцентируется только на *количественных* параметрах демографических процессов. Идет деградация *структуры* народа, резкое сокращение или даже исчезновение системообразующих для современной цивилизации общностей (например, рабочего класса или научно-технической интеллигенции). В 90-е годы были резко прерваны программы сплочения и развития сообществ, составляющих каркас общества, не обеспечиваются персоналом необходимые для воспроизводства и поддержания цивилизации функции.

Кроме того, разрушается этническая система России, сложившаяся на сложной и специфической матрице. Прерван процесс социокультурной интеграции этнических общностей в гражданскую нацию. Так, резко сократилось число межэтнических браков, одного из главных инструментов ослабления этнических барьеров и сборки больших наций.

Идет неконтролируемое, кризисное передвижение по территории и перемешивание этнических общностей — этническая миграция, вызывающая болезненные процессы и повреждающая структуры цивилизации. Механизмы воспроизводства России в этой плоскости продолжают деградировать.

Из опыта последних 20 лет можно сделать вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции общества и демонтажа русского народа как ядра цивилизации. Это — главный смысл «новой культуры», ее вектор. Какие-то точечные достижения и творческие удачи — это нечаянные радости или тактические уступки.

В этом срезе прогноз *тревожен*. Угроза вырождения культуры России (а значит, и распада цивилизационной матрицы) воспринимается большей частью граждан как *вполне реальная*. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Многие в нынешней России смирились, поскольку питают иллюзию, что они лично (и их дети) попадут в число избранных и войдут в «мировую цивилизацию» (в «постчеловечество»).

Множественные структурные и ценностные мутации, которые производит нынешняя реформа в России как цивилизации, подрывают воспроизводство всех ее главных структур. Без целенаправленной защиты «генетического аппарата» и его «ремонта» Российская Федерация утратит признаки той цивилизации, которая была известна в мире как историческая **Россия**. Облик новых цивилизационных и культурных образований, которые возникнут на ее месте, пока не поддается рациональному предсказанию.

Хозяйство в цивилизации — не просто аналог двигателя и систем жизнеобеспечения корабля. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

После 1991 г. в России была провозглашена программа замены институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англосаксонской рыночной системы.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт *купли-продажи*, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой *цены*. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится **рынок**.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи — рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе **семья**.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или к провалу реформ, к острым идейным и социальным конфликтам.

В.В. Путин сказал о 90-х годах: «За время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Это — страшный удар по жизнеспособности. Следствием стала быстрая утрата населением России признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь — важный учебный материал. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом — за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства — почти в 3 раза. Это — индикатор жизнеспособности. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г. (это до кризиса конца 2008 г.), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этот уровень достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причины фундаментальны, и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX веке получил возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этих источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве является *проедание капитальных фондов*, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных богатств, предназначенных для жизнеобеспечения *будущих* поколений. Такой

хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как *аварийная краткосрочная мера*, с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты *паразитической*, а значит, каким-то образом будет переформатирована.

Состояние «личного состава». Цивилизация жизнеспособна, когда весь ее «личный состав» ощущает себя ее строителями и защитниками, все связаны узами ответственности и «горизонтального товарищества». Демонстративный отказ власти или сословий выполнять этот негласный договор подрывает связность народа или нации и лояльность населения.

Мотивация населения на личные усилия по *сохранению* цивилизации может упасть почти до нуля (это наблюдалось в Риме периода упадка, в Византии, в Российской империи в 1917 г. и в СССР в 1991 г.). И сейчас мы видим, как жизнеспособность нынешней России снижалась в 90-е годы из-за падения мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988-1989 гг. она была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70-80%). Но уже в 1993 г. от службы уклонилось 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 г. Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников.

Подрыв легитимности государства в какой-то мере обязан продолжающейся психологической войне против России, но все же в большей мере утрата авторитета государством вызвана его дезертирством с многих его «постов», традиционно предписанных нормами цивилизации.

Вот вывод социологов в 2004 г.: «В период 1993-1997 гг. все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка» [2].

Высока ли живучесть корабля с такой командой?

Государство отошло (еще не совсем, но уже слишком далеко) от выполнения своих служебных обязанностей в охране здоровья и образовании народа. Динамика показателей заболеваемости населения, включая новорожденных, детей и подростков, представляет собой *страшную* картину. Она такова, что удивляться надо именно стойкости населения, его *долготерпению* как *главному* сегодня фактору жизнеспособности России.

Но это долготерпение не может компенсировать утраты *квалификации*, которая необходима, чтобы нести ношу цивилизации. По данным Минобороны, до 25% призывников из сельской местности России оказываются фактически неграмотными, а в 1997 году *полностью* неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД РФ, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 году не имел даже начального образования!

Вот удары реформы по жизнеспособности России. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 г. занимал 20-е место в мире. В 1995 г. Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств — в бедной части стран «третьего мира». Возникновение в начале XXI века значительного контингента подростков и юношей, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового, неведомого нам социокультурного типа. Он уже не может вернуться к культуре общинного крестьянина, он заполняет *цивилизацию трущоб*, особую экстерриториальную цивилизацию капитализма, экзистенциально враждебную любой *локальной* цивилизации.

Теперь кратко выскажу гипотезу, которую подсказал последний эпизод кризиса («финансовый», которым нас «заразили»). Это обострение кризиса побудило поднять вопрос, на кого Россия может опереться в трудный период. Кто определяет нынче ее

жизнеспособность? Какая общность станет локомотивом, который вытащит Россию из кризиса? На кого делает ставку государство? Оказывается, на *средний класс*. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть.

Называть, как сделал В.Ю. Сурков, период 2000-2008 гг. *эпохой среднего класса* — гротеск. «Гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

Чтобы оценить символический эффект образа этого среднего класса, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот образ. Каков может быть этот памятник? Монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими советский культурный тип. Это фигура «Рабочий и колхозница», памятник «Воину-освободителю» в Трептов-парке. Такое сравнение для «среднего класса» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это — «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него возлагается миссия спасения страны.

Ясно, что сам *классовый* подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная общность, которую Н.Я. Данилевский назвал «*культурно-исторический тип*» [3].

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* — народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов — «колонизации», «прививки» и «удобрения».

Колонизация — механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора *прививки* трактуется негативно — «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится *средством* для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно — это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный». Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого «великана» (хотя бы и маленького) в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В книге «Закат Европы» (т. 2, раздел «Исторические псевдоморфозы») он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации». О. Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры

Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот — ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе...

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы... Народ, назначением которого было — в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути» [4].

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно сказать, что она — псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки — и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (*особый путь*) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского-Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

История XX века заставляет отказаться от концепции Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX века с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию.⁶

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных

противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полном конформизме населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ.⁷

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада.⁸

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень — последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сникать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

К 70-м годам оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 50-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано (см. [6]).

Суть философии мещанства — «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин — это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это — духовный вектор.

Анτισоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов) оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов — все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело».⁹ Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами — и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы — целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом — важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали первым делом на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 60-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1 %) свободного времени. К 1997/98 г. таких осталось 2,3% [7].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 70-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное.¹⁰ Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10-15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаet на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними — актуальный вопрос национальной повестки дня России. В полной мере цивилизационного переформатирования России в этот раз достичь, скорее всего, не удастся. Способность к регенерации поврежденных структур у России очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватит ни экономических, ни культурных ресурсов. Хотя, очевидно, изуродуют сильно.

Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.

Глава 3. ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Наше государство и общество переживают длительный глубокий кризис, но ни сами граждане, ни ученые-обществоведы, ни организованные политические партии до сих пор не могут дать ясного изложения его природы. Общество больно, но каков диагноз? Какие органы и ткани повреждены сильнее всего, где коренится болезнь? Мы угасаем, хотя гордо смотрит двумя головами наш орёл, проводятся шумные праздники — то на Неве, то в Казани. Что произошло с нами?

Чаще всего на первый план выдвигается описание *социальных* последствий кризиса — захирело хозяйство, много бедных, трудно прокормить ребенка. То есть, болезнь общества трактуется в понятиях *классового* подхода — производительные силы и производственные

отношения, собственность и распределение дохода. Но почти очевидно, что протекающие на наших глазах процессы — следствие какой-то более глубокой причины. Да, меняется состояние стабильных ранее социальных групп (например, идет *деклассирование* рабочего класса), но разве можно этим объяснить противостояние на Украине или войну в Чечне, политическую пассивность обедневшего большинства и его равнодушное отношение и к приватизации, и к перераспределению доходов?

Надо преодолеть ограничения подходов, загоняющих всю жизнь общества за узкие рамки интересов социальных групп, и посмотреть, что происходит со *всей* системой связей, объединяющих людей в общности, а их — в общество. Тогда мы сразу увидим, что гораздо более фундаментальными, нежели классовые отношения, являются связи, соединяющие людей в *народ*. И главная причина нашего нынешнего состояния заключается в том, что за двадцать лет демонтирован, “разобран” главный субъект нашей истории, создатель и хозяин страны — *народ*. Все остальное — следствия. И пока народ не будет вновь собран, пока его расчлененные части не будут окроплены «мёртвой водой», а «живая вода» не вернёт ему надличностных памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса. Не кризис это, а *Смута*, особая национальная болезнь, которая нефтедолларами не лечится.

Идея *разборки* и *создания* народов нам непривычна, нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. Зарождаются в природе *виды* растений и животных, так же естественно зарождаются и развиваются *народы* у людей. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Это — явления культуры, а не природы.

Надо ли понимать термин *демонтаж народа* как метафору, как будто народ разбирают, как машину? Если сравнивать с машиной, то да, метафора. А если считать машину всего лишь наглядным и не слишком сложным примером системы, то слова *демонтаж народа* придется принять как нормальный технический термин. Потому что народ — именно система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей так, что целое обретает новые качества, несводимые к качествам его частей.

Связи эти поддаются целенаправленному воздействию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно “разобрать”, демонтировать — так же, как на наших глазах демонтируется рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. И если какая-то влиятельная сила производит демонтаж народа нашей страны, то исчезает общая воля, а значит, теряет силу и государство — *государство остается без народа*. При этом ни образованный слой, мыслящий в понятиях классового подхода, ни политические партии, “нарезанные” по принципу социальных интересов, этого даже не замечают.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали», чтобы угасали их память, разум и воля? Не просто бывало, а и всегда было причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. В большинстве случаев нам неизвестны причины таких катастроф, историки лишь строят их версии. Сами же современники бывают слишком потрясены и подавлены бедствиями момента, чтобы вникнуть в суть происходящего.

Почему римляне равнодушно отдали свою империю и свой великий город варварам, которые в техническом и организационном плане стояли гораздо ниже римских инженеров, военных и администраторов? О производительных силах и говорить нечего. Куда делась империя скифов, соединившая земли от Алтая до Дуная? Как собрались монголы в огромный народ с огромным творческим потенциалом и почему он был «разобран» всего через триста лет? Почему русские, за короткий срок построившие державное Московское царство и присоединившие Сибирь, в начале XVII века пережили приступ *самоотречения*, посадили себе на престол молоденького авантюриста, а царь прятался от польских патрулей где-то в костромских болотах?

Почему, наконец, великая Российская империя в феврале 1917 г., по выражению В.В.

Розанова, «слиняла в два дня»? Кучка петербургских масонов виновата? Да она всего лишь воткнула нож в спину обессилевшим «самодержавию, православию и народности». И бессилие это готовилось, уже на стадии необратимой деградации, целых десять лет. 24 июля 1908 г. Александр Блок написал:

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!
...
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома.

После 1907 г., когда старая государственность не смогла вобрать в себя энергию революции, а просто подавила ее, кое с какими косметическими улучшениями, начался быстрый демонтаж старого имперского народа — и в Феврале полк личной охраны государя, набранный исключительно из георгиевских кавалеров, нацепил красные банты.

Историк Г.П. Федотов, в юности марксист и социал-демократ, вспоминал: «Мы не хотели поклониться России — царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее» [24].

А ведь Печерин — это конец 30-х годов XIX века! Считается, что это о нем Пушкин писал в 1836 г.:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел.
И нежно чуждые народы возлюбил
И мудро свой возненавидел.
...
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда разбитые полки бежали вскачь
И гибло знамя нашей чести.

Когда ж Варшавы бунт раздавленный лежал
Во прахе, пламени и в дыме,
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

Как любая большая система, народ может или развиваться и обновляться, или деградировать. *Стоять* на месте он не может, застой означает распад соединяющих его связей. Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (горячей или холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники внутри народа — какие-то курбские, масоны, диссиденты. И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что скрепляет народ. Повреждение этого механизма, по возможности глубокая разборка народа — одно из важных средств войны во все времена. В наше время в западных армиях возник даже особый род войск — для ведения *информационно-психологической* войны. Но мы в это не верили и на уроках прошлого не учились...

Раньше и сами «люди из народа», и государи это прекрасно знали и о сохранении

народа как целого непрерывно пеклись, охраняли его связность. Потом мы увлеклись западными идеями, точнее, их дешевой версией, производимой на экспорт — одни уперлись в идею классов, другие — в идею гражданского общества. О народе просто забыли.¹¹ А ведь связи, соединяющие людей в народ, можно порвать и народ демонтировать — как демонтировались на наших глазах в 90-е годы рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа.

Во второй половине XX века народ России существовал как *советский народ*. Когда с середины 70-х годов была начата большая программа, определенно направленная на демонтаж советского народа, наше общество в целом, включая все его защитные системы, восприняли это как обычную буржуазную пропаганду, с которой, конечно же, без труда справится ведомство Суслова.

В момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса советского народа была направлена большая культурная программа. Демонтаж народа проводился сознательно, целенаправленно и с применением сильных технологий. Предполагалось, что в ходе реформ удастся создать новый народ, с иными качествами (“новые русские”, “средний класс”). Это и был бы *демос*, который должен был получить всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть *демоса*, а гражданское общество — “республика собственников”! “Старые русские” (“совки”), утратив статус народа, были бы переведены в разряд охлоса, лишенного собственности и прав.

Выполнение этой программы свелось к холодной гражданской войне этого наспех сколоченного нового народа (“новых русских”) со старым (советским) народом. Новый народ был все это время вблизи от рычагов власти. Против большинства населения (старого народа) применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности (“приватизация” земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате экономической и информационно-психологической войн была размонтирована “центральная матрица” мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. Защитные системы советского государства и общества не нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 г. советский народ был в большой степени “рассыпан” — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Социологи пишут: «В 1992-2002 гг. по общероссийской выборке фиксировались изменения в социальном самоопределении российских граждан или ответах на вопрос, кого опрашиваемые считают «своими» группами и общностями... Ближайшее окружение — семья, друзья, коллеги — образует устойчивый базовый комплекс социального

самоопределения. Идентификации с большими общностями нестабильны... Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают *доверие и чувство защищенности* » [23].

В этом состоянии у населения России отсутствует ряд качеств народа, необходимых для выработки проекта и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным.

За вторую половину XX века процесс разборки и строительства народов стал предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонтировать». Но против нее можно и совершать диверсии — подтачивать, подпиливать, взрывать.

У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается просто при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесплезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями.

Применение этой технологии против нашего народа — *главная угроза* для России в настоящий момент и в ближайший период.

Сохранение народа и жизнеспособность государства

Внешние атрибуты державы, и вообще независимой страны — сильная государственность и наличие национального проекта, понятого и поддержанного большинством общества. Но за ними стоит главное — существование *народа*. В народе, в отличие от населения, люди, семьи, общности связаны так, что «целое больше суммы частей». Здесь возникает мнение народное, народная сила, которых нет даже в сотнях миллионов «свободных индивидов», они — как куча песка.

Народ и государство — две ипостаси страны, два лица ее держателя. Они и болеют вместе, хотя и по-разному. Народ рассыпается, детей не рожают, к горю близких равнодушны — «и пьяные с улицы смотрим, как рушатся наши дома». Государство утрачивает авторитет (легитимность), чиновники распродают страну по частицам. Обязанность и народа, и государства — *беречь* друг друга.

Одним из губительных дефектов нашего общественного сознания стала убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Считается, что для его исчезновения требуются по меньшей мере подобные по силе проявления божественных или природных воздействий — такого масштаба, что мысли и дела самих людей повлиять на это не могут.

Это представление принципиально ложно. Народ, в отличие от биологических популяций живых существ, возник не в ходе естественной эволюции. Это творение культуры, причем недавнее, требующее для своего существования уже сложной общественной организации. Когда, например, возник русский народ? Совсем недавно — за XIV-XVI века. А ведь уже до этого у восточных славян была своя государственность, общая религия и развитая культура. Но чтобы собрать их в народ, требовалось создать еще множество особых связей между людьми — так, чтобы большая общность, расселенная на обширной территории, почувствовала себя огромной *семьей*. Мы — русские. Но ведь эти связи можно и порвать!

Разве когда-нибудь мы задумывались о том, что народ надо сохранять? Разве говорилось нам в школе, вузе, в СМИ, что для этого необходимы такие-то и такие-то усилия

и средства? Нет, мы получили народ от предков как *данность* и даже не думали, что он нуждается в охране, уходе, «ремонте». С 1991 г. народ России стал таять количественно. Объявили о *демографической* катастрофе, но при этом речь шла не о народе как целом, а о «*населении*». Из заявлений на демографическую тему вовсе не следует признания того факта, что существование народа может быть под угрозой, даже если население, как совокупность *индивидов*, прирастает. А ведь это именно так — население может сохраниться и увеличиться, но при этом лишиться качества народа как субъекта истории.

На деле жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это — особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа деградирует, иссыкает и утрачивается. Народ жив, пока все его части — власти, воины, поэты и обыватели — непрерывно трудятся ради его *сохранения*. Одни охраняют границы «родной земли», другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухоли преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за «универсумом национальных символов» — не позволять, чтобы недалекие политики озорничали около него, меняя то праздники, то Знамя Победы.

Эту работу надо вести как непрерывное строительство, как постоянное *созидание* этнических и национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение — задачи все же во многом разные. Здесь таится опасность ошибки. Возникает иллюзия, что каждодневное применение тех самых инструментов, при помощи которых был *собран* народ, гарантирует и его *сохранение*. На деле это не так, в чем мы могли не раз убедиться.

Сохранение народа или обеспечение безопасности всех систем, связывающих людей в народ, есть процесс *непрерывный* и *динамичный*. Это не сохранение чего-то данного и статичного, это постоянное воспроизводство всех этих систем в меняющихся условиях. Драма советского народа в конце XX века произошла во многом потому, что государство и общество укрепляли привычные, уже существующие структуры безопасности, неадекватно оценивая возникающие угрозы нового типа.

И окружающий мир, и сам народ непрерывно изменяются. Значит, должны меняться и инструменты, и навыки. Это — процесс творческий и чреватый конфликтами. И попытка его «заморозить» (консерватизм), и попытка его радикально «освободить» («убрать все завалы на его пути») могут привести к катастрофическому ослаблению или разрыву связей.

В конце XX века в России возникли условия, в которых сохранение народа не обеспечивается. Опасность исчезнуть с лица земли уже не является алармистской метафорой. Однако изучение всех тех ударов, которые наносились по всей системе связей народа, показывает, что в перестройке и реформе *сознательно* велся демонтаж нашего народа как хозяина великого богатства. В ходе ее выполнения эта задача неизбежно переросла в программу уничтожения всех вообще этнических и межэтнических связей народов СССР и главного скрепляющего их ядра — русского народа. Обойтись без этого реформаторам было невозможно.

В этом смысле схожа судьба складывавшейся нации Российской империи и вполне уже сложившегося советского народа. Обе эти общности обладали большой энергией и переживали период быстрого развития. Но социальные и культурные условия стали тормозить это развитие — и начался распад связей, который был использован заинтересованными политическими силами (антиимперскими в прошлом и антисоветскими в наше время) для активного *демонтажа* народа. Ослабление связности народа — средство любой холодной войны, что прямо отражено даже в наставлениях и руководствах (например, США).

В начале XX века кризис был взорван «снизу», и в России оказалось достаточно организованных сил, чтобы произвести пересборку народа и подгонку отвечающих его чаяниям условий. При назревании очередного кризиса в конце XX века инициатива была перехвачена альянсом «верхов» (части номенклатуры), «низов» (преступного мира) и

внешних сил (геополитических противников СССР на Западе). Разрушение страны (СССР как «империи зла») с необходимостью означало и разрушение ее народа. «Рассыпание» народа, как раз и стало главной причиной глубокого затяжного кризиса.

Доктрина демоса и охлоса

К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации СССР при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. эта программа была продолжена с некоторой потерей темпа вследствие нарастания стихийного, неорганизованного сопротивления «контуженного» перестройкой народа.

Прочтение, уже «после битвы», основных текстов доктрины перестройки показывает, что ликвидация советского народа как особой полиэтнической общности была целью *фундаментальной*. А.С. Панарин пишет: «Анализ либеральной идеологии показывает, что у нее на подозрении оказывается народная субстанция *как таковая* — советский народ здесь не является каким-то особым исключением. Исключительность его роли не в том, что он выражал нечто, не укладывающееся в нормы стихийного морального сознания любого народа, а в том, что он позволил этим стихиям вырваться из подполья, преодолеть цензуру либеральной современности, олицетворяемую господствующими силами Запада. Именно совпадение коммунистического этоса советского типа с народным этосом как таковым вызвало величайшую тревогу Запада перед *русским вызовом*» [18, с. 156].

Эта операция велась в двух планах — как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Интенсивно разрабатывался тезис, что никакого советского народа (нации) не существует и что обитающие в СССР народы общностью не являются. Как выражался один из авторов «Независимой газеты», доктор исторических наук из Института Востоковедения АН СССР А. Прусаускас, Россия представляла собой «своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств *Homo sapiens* и искусственно созданных бедствий» [22].

А.С. Панарин указывает на эту связь между настойчивым применением антисоветскими западными политиками в отношении СССР термина «империя» и утверждениями идеологов перестройки о том, что советский народ был не нацией и не народом, а конгломератом этносов, насильственно удерживаемых в империи. Он пишет: «Запад сохранил за собой право на понятие *политической нации*, в рамках которой этнические различия не могут иметь политического статуса и давать повода для «этносуверенитетов»... Что же касается Востока — начиная с постсоветского пространства и кончая Китаем, — то Запад проецирует на него негативное понятие империй, которые, в соответствии с правом на демократическое национальное самоопределение, должны распасться» [2, с. 172].

Но исподволь в кругах антисоветской элиты стала культивироваться еще более фундаментальная мысль, — что население СССР (а затем РФ) вообще не является *народом*, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство. Когда она стала высказываться демократами начиная с середины 80-х годов, эти рассуждения поражали своей *недемократичностью*, но подавляющее большинство просто не понимало их смысла. Точно так же не поняло оно и смысла созданного и распространенного в конце 80-х годов понятия «*новые русские*». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя изначально разрабатывалось как обозначение *нового народа* — тех, кто отверг «дух Отечества». Точнее, при введении самого термина «новые русские», было сказано, что это те, кто отверг «русский Космос, который страшнее Хаоса».12

Политики, которые конструировали этничность «новых русских», определенно считали

их нацией. В газете «Утро России» (февраль 1991 г.), органе партии Демократический союз (В. Новодворской), ее главный редактор В. Кушнир писал в статье «Война объявлена, претензий больше нет»:

«Рано или поздно, осыпаемые оплеухами, мы перейдем наш Рубикон и тогда все изменится. Вот почему я за войну... После взрыва, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации».

Ненависть возникающего в революции-перестройке «нового народа» к прежнему народу была вполне осознанной. Один такой «новый» гражданин писал в статье «Я — русофоб» в элитарном журнале перестройки: «Не было у нас никакого коммунизма — была Россия. Коммунизм — только следующий псевдоним для России... Итак, я — русофоб. Не нравится мне русский народ. Не нравится мне само понятие «народ» в том виде, в котором оно у нас утвердилось. В других странах «народ» — конкретные люди, личности. У нас «народ» — какое-то безликое однообразное существо» [21].

Собирание в новый народ всех таких русофобов предполагало подрыв этнических и гражданских связей большинства населения и изъятие у него прерогатив, прав и обязанностей народа. К 1991 г. самосознание «новых русских» как народа, *рожденного революцией*, вполне созрело. Их лозунги, которые большинству казались абсурдно антидемократическими, на деле были именно *демократическими* — но в понимании западного гражданского общества. Потому что только причастные к этому меньшинству были *демосом* (то есть народом), а остальные остались «совками».13

Это самосознание нового «народа России» пришло так быстро, что удивило многих из их собственного стана — им было странно, что это меньшинство, боровшееся против лозунга «Вся власть — Советам!» исходя из идеалов демократии, теперь «беззастенчиво начертало на своих знаменах: «Вся власть — нам!» Ничего удивительного, вся власть — им, потому что только они и есть народ. Так и понимался смысл слов *демос* и демократия.

Историк этнографии С.А. Токарев еще в 1964 г. предлагал ввести в антропологию наименование *демос* для обозначения основного типа *этнической* общности рабовладельческой формации — свободных людей, рабовладельцев. Некоторые опасения вызывало неопределенное отношение к новому порядку будущих «рабов». Отношение к тем, кто новую власть признавать не желал, с самого начала было крайне агрессивным. В «Московском комсомольце» поэт А. Аронов писал об участниках первого митинга оппозиции: «То, что они не люди — понятно. Но они не являются и зверьми. «Зверье, как братьев наших меньших...», — сказал поэт. А они таковыми являться не желают. Они претендуют на позицию третью, не занятую ни человечеством, ни фауной» [20].

Респектабельный интеллектуал из Института философии РАН, выступая в «Горбачев-фонде» перед лицом бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС, говорил такие вещи: «Британский консерватор скорее договорится с африканским людоедом, чем член партии любителей Гайдара — с каким-нибудь приматом из отряда анпиловцев» [19, с. 63]. Вдумаемся: философ, который считает себя *демократом*, на большом собрании элитарной интеллигенции называет людей из «Трудовой России», которые пытались, чисто символически, защитить свои ценности (причем именно демократические ценности человеческой солидарности), *приматами*. Чтобы не замечать чудовищности своих высказываний, требовалось действительно возмнить себя *демосом* и в глубине души отказать большинству (охлосу) в правах человека.14

Доктрина такой сегрегации населения излагалась еще до краха советского государства. Предполагалось, что на первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10% населения). В *демократическом* (в понятиях данной доктрины) государстве именно этому демосу и будет принадлежать власть и богатство. Ведь *демократия* — это власть *демоса*, а гражданское общество, как писал Локк, — «республика собственников»!

Прежде такое представление о народе не приходило в голову, на Западе же проблематика гражданского общества, в котором население разделяется на две общности, собранные на разных основаниях и обладающих разными *фактическими* правами, и поныне продолжает быть предметом политической философии.

Критерии «выделения» из населения общности *граждан* разрабатываются и в марксистской методологии, о чем пишет А.С. Панарин, обсуждая последний труд Ю. Хабермаса: «В своей новой книге «Вовлечение другого. Очерки политической теории» (СПб, 2001) Ю. Хабермас сталкивает два понятия: «нация граждан» и «нация соотечественников». Под «нацией соотечественников», собственно, и скрывается знакомый и привычный нам исторический персонаж — народ... Хабермас полагает, что до сих пор Европа жила с амбивалентным сознанием, в котором «дореклексивно» уживались эти два гетерогенных начала гражданственности и народности» [18, с. 141, 142].

Согласно, Хабермасу, получается, что узы, скреплявшие политическую нацию вокруг ее ядра, с расширением охвата населения гражданскими правами ослабевали — и в конце концов произошла инверсия. Статус гражданина усреднился и перестал играть консолидирующую роль, но зато складывается новое ядро — *народ соотечественников*. Этот процесс таит в себе признаки регресса, отхода от идеалов Просвещения и демократии.

Вот слова Хабермаса, приведенные Панариным: «Своим историческим успехом национальное государство обязано тому обстоятельству, что оно заменило распадавшиеся корпоративные узы раннего новоевропейского общества солидарной взаимностью между гражданами государства. Но это республиканское завоевание оказывается в опасности, если интегративная сила гражданской нации сводится обратно к дополитической данности народа, возникающего естественным путём, то есть к чему-то, что не зависит от формирования общественного мнения и политической воли самих граждан» (цит. в [15, с. 142]).

Не будем здесь обсуждать утверждение Хабермаса, будто народ возникает «естественным» путем, без «формирования общественного мнения и политической воли». Подчеркнем лишь тот факт, что и в момент Французской революции, и в марксизме середины XIX века, и сегодня западная политическая философия включает в народ лишь *часть* (причем иногда очень небольшую) населения страны. Именно этой части принадлежат особые права, на основании которых она и отделяется от остального населения более или менее жестким барьером.

Эту же мысль развивает В.А. Тишков в статье «О российском народе»: «Общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть только *согражданство*, территориальное сообщество, то есть *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями» [17].

Эта конструктивистская формула утверждает, что в России «интеллектуальная элита вместе с властями» формирует *демос*, «которому принадлежит это государство». Демос будет составлять зажиточное меньшинство, а остальная часть населения превращается в «некое коллективное тело и даже социально-биологический организм».

Доктрина выделения из всего населения небольшого демоса вовсе не ушла в историю с «проектом Ельцина». В. Новодворская пишет в 2009 г.: «Либералы должны усвоить, что демократия — это не народовластие. Народовластие может привести и к фашизму, и к коммунизму. Демократия — это власть просвещенного народа, который готов собраться под святое знамя либерализма. Декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, американская Конституция — вот Евангелие западника, российского либерала».

Она даже готова к тому, что российским либералам, которые уверовали в это

«Евангелие западника», придется, как ранним христианам, придется пережить в катакомбах торжество охлоса: «Долгие годы, может быть, десятилетия либералам придется наблюдать торжество хамского, охлократического порядка, ибо путинская диктатура — это диктатура черни по мандату черни» [1].

А в «путинской диктатуре» статус демоса приписывается «среднему классу», численность которого в России оценивается в 7-12%. 28 ноября 2008 г. программное заявление сделал В. Сурков. Он сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков подчеркнул: «Помочь среднему классу пережить следующий год без серьезного ущерба. Поддержать уровень занятости и потребления... Потому что российское государство — это его государство. И российская демократия — его. И будущее у них общее. Нужно позаботиться о них. Россия — их страна. Медведев и Путин — их лидеры. И они их в обиду не дадут».

В настоящий момент защищать средний класс «его государство» предполагает экономическими средствами. В начале реформ защищать зажиточное меньшинство от бедных (от *бунтующих люмпенов*) должна была реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. *Охлос*, лишенный собственности, предлагалось держать под жестким контролем и понемногу рекрутировать из него пригодных людей для пополнения демоса. По своей фразеологии это была типичная программа ассимиляции *национального меньшинства*.

Весной 1991 г., еще при советской власти, в типичной статье «Рынок и государственная идея» была дана формула этой доктрины: «Демократия требует наличия демоса — просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего слоя», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологием с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, — говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос» [16].

Сразу же была поставлена задача изменить тип государства — так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью может быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, то есть «республику собственников».

Д. Драгунский объяснял: «Мы веками проникались уникальной философией **единой отеческой власти**. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям — семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами — от «царя-батюшки» до «братской семьи советских народов»... Только появление суверенного, **власть имущего** класса свободных собственников устранил противоречие между «законной» и «настоящей» властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная — узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления» [15].

Изменились ли эти установки околоставной элиты? Нет, в социальном плане — нисколько. Вот недавние откровения «демократа», прораба перестройки, многолетнего декана экономического факультета МГУ, сегодня ректора одного из университетов

профессора — Г.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [36].

Никаких возгласов возмущения из тех кругов, в которых вращается Г.Х. Попов, это не вызвало, он так же уважаем студентами, преподавателями, журналистами и политиками.

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию — сразу же была поставлена задача создать наемную армию. Для этого надо было превратить армию из «защитницы трудового народа» в армию карательного типа. Когда мы читали эти тексты в элитарных журналах в 1991 г., они казались бредом сумасшедшего, а на деле говорилось о программе, над которой долго корпели «лучшие умы» мировой элиты.

Д. Драгунский пишет: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [«может быть, только одна десятая населения»]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным — он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия...»

Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сирых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее — защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...» [14].

О составе этого нового народа, демоса, поначалу говорилось глухо, смысл можно было понять, только изучая классические труды западных идеологов гражданского общества, но мы их не изучали. Картину можно было составить из отдельных мазков — коротких статей, выступлений, оброненных туманных намеков, — но этим анализом не занимались. Однако примеры привести можно. Вот развернутое рассуждение Г. Павловского о «его народе», интеллигенции:

«Русская интеллигенция вся — инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Её не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великоруссов» едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужил ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа — даже большинством его — пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ...

Что касается моего народа — русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, — ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны — блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная — ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа» [13].

Сейчас Павловский занимает другую, антилиберальную позицию, но это неважно, он высказал в 1991 г. стратегические идеи, в них и надо вникать, они воплощаются в жизнь.

Говоря об этом разделении, его сторонники в разных выражениях давали характеристику того большинства (охлоса), которое должно было быть отодвинуто от власти и собственности. Прежде всего — низкое *качество* «совков».

Анна Политковская в «Новой газете» радовалась тому, что в Братиславе Буш и Путин «встретились на пару часов вместо четырех, зато Ющенко и Буш провели вместе целый день». Объясняла она это так: «Качество народа — вот что главное в сегодняшнем мире... Вы — из Киева? Пожалуйста: вы победили советское прошлое. А мы — не победили. Более того, опять в него зарылись на глазах у всего мира... В ходе европейского турне Буша России было предложено довольствоваться местом после Украины, страны с более высоким качеством населения» [37].

Охлос — это те, кто жил и хотел жить в «русском Космосе». Г. Померанц пишет: «Добрая половина россиян — вчера из деревни, привыкла жить по-соседски, как люди живут... Найти новые формы полноценной человеческой жизни они не умеют. Их тянет назад... Слаборазвитость личности — часть общей слаборазвитости страны. Несложившаяся личность не держится на собственных ногах, ей непременно нужно чувство локтя... Только приоритет личности делает главным не место, где проведена граница, а легкость пересечения границы — свободу передвижения» [12].

Здесь — отказ уже не только от культурного Космоса, но и от *места*, от *родной земли*, тяготение этого нового народа к тому, чтобы включиться в глобальную общность «новых кочевников». Связь конструктивистской доктрины новой этнической структуры России с глобализацией сильно влияла на идеологию реформ. Известно, что глобализация, как она замыслена правящей политической и финансовой верхушкой Запада, требует резкого ослабления национальных государств и, соответственно, народов как носителей национальной государственности.

А.С. Панарин пишет об этой необходимости «устранения народа как самостоятельного субъекта истории и носителя суверенитета»: «Без всемерного ослабления и дробления такой исторической субстанции, как народ, невозможно добиться ни подчинения бывших национальных элит глобальной финансовой власти, ни тотализировать отношения купли-продажи, подчинив им все сферы общественного бытия, все проявления человеческой активности. Что же скрепляет эту субстанцию? Ее основанием служит: единство *территории* (месторазвития), *истории*, образующей источник коллективной культурной памяти, и *ценностной нормативной системы*, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения. Все это выражает язык, непрерывно актуализирующий все три единства в сознании данного народа» [8, с. 29].

В случае России без глубокого демонтажа народа было бы невозможно выполнить и промежуточную задачу — создания того *демоса*, который взял бы на себя функцию контроля за населением и «цивилизованной» передачи национального достояния глобальным хозяевам. По выражению А.С. Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» [8, с. 31].

Надо подчеркнуть, что эта доктрина порывает с нормами Просвещения и сдвигается к рациональности постмодернизма, не признавая отодвинутое от собственности большинство народом. А.С. Панарин отмечает: «Технологическая система современной демократии отвергает само понятие народа как устойчивой коллективной личности, проносящей через все перипетии истории, через все изменения политической конъюнктуры выпуклые национальные качества» [8, с. 260].

В конце 80-х и начале 90-х годов речь шла о том, что в постсоветской России будет сконструирован один демос, заменивший «размонтированный» прежний народ. Сейчас некоторые аналитики склоняются к тому, что будет создаваться множество новых малых народов (и «переформатированных» прежних этносов), которые и станут разрывать Россию. Так, Р. Шайхутдинов прогнозирует, что «оранжевая» революция в России пойдет по пути

создания целого ряда новых народов, в разных плоскостях расчленения общества — так, что легитимность государства Федерации будет подорвана. Он предположил, что лидеры «прозападного» народа потребуют от российской власти: «Отпусти народ мой» (так обращались евреи к фараону). Куда отпустить? В Европу [11].

Надо вспомнить, что на завершающей стадии перестройки идея *исхода* вовсе не была ветхозаветной метафорой. Она уже была «активирована» и стала действенным политическим лозунгом, так что СССР вполне серьезно уподоблялся Египту (главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдшмидт даже доказывал, обращаясь к Гематрии, разделу Каббалы, что «сумма значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинакова»).

Традиция, имитация и связность народа

Мощный удар по связности народа нанесла радикальная реформа 90-х годов, в основу которой было положено отрицание традиционных форм жизнеустройства и создание новых («цивилизованных») форм посредством *имитации* западных институтов.

Сохранение этнической общности достигается лишь при определенном соотношении *устойчивости* и *подвижности*. Перекос в любую сторону ведет к разрыхлению связей. Роль консервативного начала в кризисе народа как этнической общности видна меньше, чем роль активных агентов *изменений*, но надо видеть их взаимосвязь. Консерватизм подавляет способность народа приспосабливаться к внешним воздействиям, отвечать на *вызовы*. Да, в позднее советское время «железный занавес» нас защищал от духовных вызовов, но одновременно наш народный организм утратил сопротивляемость. Чуть этот «занавес» приоткрыли — и нас обобрали, как наивных дикарей. Чаще всего вызовом становится нечто, исходящее от иной этнической общности (племени, народа, нации). Вторжение может происходить в самой разной форме — групп иммигрантов (или колонизаторов), чужих вещей и товаров, идей и художественных стилей.

Антрополог А. Леруа-Гуран представил этот процесс в общем виде, годящемся и для племени, и для нас сегодня, когда мы раскрылись западному влиянию. Для него этнические группы — это «сгустки» культуры, обладающие самобытностью. Концентрация культуры и происходит потому, что народ вынужден спланиваться под воздействием внешнего воздействия *иных*. Если равновесие нарушается и народ не может «переварить» посторонние элементы или закрыться от них, он «теряет свою индивидуальность и умирает», то есть утрачивает свою этническую обособленность.

Непосредственная опасность гибели возникает вследствие избыточной *подвижности*, которая нередко возникает после периода застоя. Чтобы устоять перед натиском, нужны механизмы, которые антропологи называют *инерцией* и *пережитками*. Это необходимые средства для сохранения народа. Леруа-Гуран пишет: «Инерция по-настоящему бывает видна лишь тогда, когда [этническая] группа отказывается ассимилировать новую технику, когда среда, даже и способная к ассимиляции, не создает для этого благоприятных ассоциаций. В этом можно было бы видеть самый смысл личности группы: народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

Вот поразительный вывод крупного ученого: «народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам»! Нам бы его услышать во времена перестройки...

Более того, история культуры показала, что именно пережитки («традиция») являются и условием *подвижности* народа. Традиции — это тот фонд, который позволяет следующему поколению народа экономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов. Традиции позволяют передать следующему поколению весь массив техники и знаний, избавляя его от бесполезных опытов. Сыновья могут идти вперед, имея прочный тыл. Вот над чем следовало бы задуматься нашему правительству, которое заговорило об инновационном пути развития для России. Этот путь возможен только с опорой на наши национальные традиции, а не как имитация западных приемов.

Значение *традиции* как неперемennого условия сохранения народа доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Можно сказать, что они вывели «общий закон» этнологии. Он гласит: «Традиция есть форма коллективной адаптации народа к среде обитания. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания».

Отсюда, кстати, выводится общее правило *уничтожения* народов: хочешь стереть с лица земли народ — найди способ подрыва его традиций.

Таким образом, массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию, создает угрозу для существования народа. Инерция культуры, сохранение традиции, которое часто кажется признаком отсталости, есть выработанный историческим опытом способ сохранить жизнеспособность народа. Способ этот обычно неосознанный, и его легко осмеять и опорочить. Сохранение традиций и недопущение тотальных перестроек — залог сохранения народа.

Перемена устоявшихся порядков — всегда болезненный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это создает обстановку «гибели богов» и наносит народу столь тяжелую травму, что его сохранение ставится под вопрос. А.Н. Яковлев, ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Ельцина, обращался к интеллигенции: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь» [26].

Что поползла, мы и сами заметили. Важно, что было открыто признано: рушили вовсе не коммунизм, а *тысячелетнюю Россию*. Народ не просто ввергали в бедность, — ломали его *вековые привычки*, из-под ног выбивали земную твердь. Это и предопределило тип кризиса.

Кризисы, как и болезни у человека — неизбежная и необходимая часть жизни народов. Но иногда кризис принимает такую конфигурацию, что обновление механизмов созидания связей подавляется, а их ослабление и разрыв продолжаются. Признаками такого незаметного вначале распада большого народа служит обострение этнического чувства малых общностей — при ослаблении защитной силы большого народа люди мобилизуют этничность близкого окружения.

При этом происходит «разукрупнение» народов, они как бы возвращаются на уровень племенных союзов. Одновременно начинаются интенсивные поиски древних корней, споры о происхождении, попытки возрождения язычества. Элементы *национального* сознания народа вытесняются сознанием *племенным*. Народ смотрит в будущее и непрерывно себя *строит*. Племя как продукт распада народа «смотрит в прошлое». Эти процессы идут сегодня во многих народах на постсоветском пространстве.

Разделение СССР как государства советского народа резко ослабило связность и тех осколков, которые возникли после его развала. По ряду этих новых государств прошли войны — или между разными этносами, или даже между частями уже, казалось бы, единого народа (как в Таджикистане), или между региональными общностями (как в Приднестровье). Для небольшого народа быть частью СССР (или Российской империи) или частью их осколка — принципиальная разница. Абхазия была частью СССР, пусть и формально в Грузии, но абхазы не смогли примириться с пребыванием в этнократической Грузии, «освободившейся от иностранной оккупации».

Трещины пошли и по Российской Федерации. Например, конституция Татарстана определила его как «суверенное государство, субъект международного права», а «Закон о недрах» объявил недра Татарстана исключительной собственностью республики. Более того, как и после Февраля 1917 г., проявились сепаратистские поползновения местных элит и в областях, населенных русскими. Как сообщает С.Е. Кургиян, в 1990 г. один народный депутат РСФСР с трибуны процитировал такие стихи:

Не упрекай сибиряка,
Что держит он в кармане нож.

Ведь он на русского похож,
Как барс похож на барсука.

Были и практические попытки. Так, в октябре 1993 г. Свердловская область приняла конституцию Уральской республики. Такое же намерение высказывалось в Вологодской области. Кризис породил процесс демонтажа не только «большого народа» (СССР и России), но и крупных этнических общностей — таких народов, как, например, мордва или чуваш. Так, мордовское национальное движение раскололось на эрзянское и мокшанское. Поначалу, в середине 90-х годов, это приняли как «политическое недоразумение». Но радикальные националисты заявили, что мордвы как этноса не существует и надо создать эрзяно-мокшанскую республику из двух округов. При переписях многие стали записывать свою национальную принадлежность посредством субэтнических названий.

Чуть позже похожие процессы начались среди марийцев — при переписи 2002 г. 56 тыс. назвали себя «луговыми марийцами», а 19 тыс. — «горными». Горные были лояльны властям Республики Марий Эл, а остальные ушли в оппозицию. В том же году одно из движений призвало северных коми при переписи записаться не как «коми», а как «коми-ижемцы». Половина жителей Ижемского района последовала этому призыву.

Средством подавления традиций стал курс на *имитацию* социальных форм Запада. Проектирование, то есть выстраивание образа будущего, требует соединения рационального мышления с памятью и творчеством. Когда эти способности иссыхают и деградируют, то резко сужается “горизонт будущего”, подавляется творчество и альтернатив не остается — мы верим в идею-фикс. *Иного не дано!*

К имитации склоняются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени, это служит признаком упадка и часто принимает карикатурные формы. Так у нас ввели английскую должность мэра, французскую должность префекта, а в Москве и немецкую должность статс-секретаря. Знай наших, мы недаром стали членом восьмерки!

Примечательно, что имитируют всегда подходы и структуры *передовых чужеземцев*, имитация всегда сопряжена с *низкопоклонством*. Это слово, смысл которого был обесценен идеологическими кампаниями, вдруг опять стал актуальным. Именно низкопоклонство! Казалось бы, всегда можно найти объект для имитации и в собственном прошлом — но нет, само это прошлое мобилизует память и неизбежно втянет твой разум в творческий процесс. Имитатор, подавляющий разум и творчество, вынужден быть антинациональным.

Скопировать с Запада пытались даже важнейший механизм собирания и воспроизводства народа — государство. Его рассматривали как машину, которую можно построить по хорошему чертежу. Понравился «западный» чертеж — двухпартийная система с ее «сдержками и противовесами». Долго бились, чтобы построить «систему с мощным правым центром, с левым центром в виде социал-демократической идеи». Ничего не вышло с социал-демократией — как ни пытались Горбачев, Рыбкин, Селезнев и даже Фонд Эберта.

То же с административной реформой. Выделили из министерств «агентства» — зачем? Президент фонда «Единство во имя России» В. Никонов объяснил: «Идет вестернизация, американизация структуры правительства, число министерств в котором почти совпадает с американским». Именно так — «американизация структуры правительства». Ирония? Нет, всерьез.

Экономист В.А.Найшуль пишет: «Рыночный механизм управления экономикой — достояние общемировой цивилизации — возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению — в Италии, а праву — в Англии».

Надо, мол, найти «чистый образец» — и учиться у него. Это кредо имитатора, по нынешним временам просто нелепое. Копирование больших систем невозможно, оно ведет к подавлению и разрушению культуры, которая пытается «перенять» чужой образец. При освоении чужих достижений необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на

собственной культурной почве.

И рынок, и право — большие системы, в огромной степени сотканые *особенностями* конкретного общества. Обе эти системы настолько переплетены со всеми формами человеческих отношений, что идея «научиться» им у какой-то одной страны находится на грани абсурда. Почему, например, праву надо учиться в Англии — разве во Франции не было права или Наполеон был глупее Дизраэли? А разве рынок в США лучше или «умнее» рынка в Японии или в Сирии?

Да и как вообще можно учиться рынку у США, если сиамским близнецом этого рынка, без которого этого рынка просто не могло бы существовать, является, образно говоря, «морская пехота США»? Это прекрасно выразил Т.Фридман, советник Мадлен Олбрайт: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется наземные, морские и воздушные Вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США».

Учиться у других стран надо для того, чтобы понять, почему рынок и право у них сложились так, а не иначе — чтобы выявить и понять суть явлений и их связь с другими сторонами жизни общества. А затем, понимая и эту общую суть явлений, и важные стороны жизни *нашего* общества, переносить это явление на собственную почву (если ты увлечен странной идеей, что в твоей стране ни рынка, ни права не существует). Но для этого как раз необходимо изучить право и в Англии, и во Франции, и в Византии — да и у Ярослава Мудрого и Иосифа Виссарионовича Сталина поучиться. Не для того, чтобы копировать, а чтобы понять.

Реформы в России стали огромной программой *имитации Запада*. Это было признаком духовного кризиса нашей интеллектуальной элиты, а затем стало и одной из главных причин общего кризиса. Отказавшись от проектирования будущего, взяв курс на самую тупую имитацию, наши реформаторы подавили и те ростки творческого чувства, которые пробивались во время перестройки.

Пробегите мысленно все стороны жизнеустройства — везде реформаторы пытались и пытаются переделать те системы, которые сложились в России и СССР, по западным образцам. Сложилась в России своеобразная *школа* — в длительных поисках и притирке к социальным и культурным условиям страны, с внимательным изучением и зарубежного опыта. Результаты ее были не просто хорошими, а именно блестящими, что было подтверждено объективными показателями и отмечено множеством исследователей и Запада, и Востока. Нет, эту школу было решено кардинально изменить, перестроив по специфическому шаблону западной школы.

Сложился в России примерно за 300 лет, своеобразный тип современной армии, во многих чертах отличный от западных армий с их идущей от средневековья традицией наемничества (само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значит «нанятый за плату»). Российская армия, особенно в ее советском обличье, показала высокую эффективность в оборонительных, *отечественных* войнах. Никто не отрицает, что такая армия стране нужна и сейчас — но ее сразу стали ломать и перестраивать по типу западной наемной армии (даже ввели нашивки с угрожающими символами — хищным орлом, оскаленным тигром — то, что всегда претило русской военной культуре).

Сложилась в России, за полвека до революции, государственная пенсионная система, отличная и от немецкой, и от французской. Потом, в СССР, она была распространена на всех граждан, включая колхозников. Система эта устоялась, была всем понятной и нормально выполняла свои явные и скрытые функции — нет, ее сразу стали переделывать по неолиберальной англо-саксонской схеме, чтобы каждый сам себе, индивидуально копил на старость, поручая частным фирмам «растить» его накопления.

Культурная травма

Результат информационно-психологической войны заключается в нанесении народу тяжелой *культурной травмы*. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение *культурного времени-пространства* (по выражению М.М. Бахтина, *хронотопа*; сам он называл такие культурные травмы «временем гибели богов»). Теория культурной травмы возникла именно в ходе анализа нарушений *национальной идентичности*.¹⁵

Культурная травма — это именно агрессия, средство *войны*, а не *реформы*. По словам П.А. Сорокина, реформа «не может попирать человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа — это укорененные в подсознании фундаментальные ценности, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали казаться «естественными». Изменения в жизнеустройстве народа в России именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства населения.

Многие народы пережили культурные травмы, и это надолго определяло их судьбу. В теоретическую модель культурной травмы хорошо вписывается русская Смута начала XVII в. Тогда же в обиход вошли понятия, точно соответствующие сути современной теории. Автор первого на Руси трактата «Политика» хорват Ю. Крижанич ввел тогда слово *чужебесие* как смертельно опасное для народа внедрение чужих нравов и порядков. Он писал: «Ничто не может быть более губительно для страны и народа, нежели пренебрежение своими благими порядками, обычаями, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка, и желание стать другим народом» [10, с. 635]. В России 90-х годов чужебесие было не болезнью народа, а специально занесенной ему инфекцией.

Культурная травма, нанесенная народу, привела к культурному шоку. Он вызвал тяжелый душевный разлад у большинства граждан. В начале 90-х годов 70% опрошенных относили себя к категории «людей без будущего». В 1994 г. «все возрастные группы пессимистически оценивали свое будущее: в среднем только 11% высказывали уверенность, тогда как от 77 до 92% по разным группам были не уверены в нем» [9]. Летом 1998 г. (до августовского кризиса) на вопрос «Кто Я?» 38% при общероссийском опросе ответили: «Я — жертва реформ» (в 2004 г. таких ответов 27%).

Надо подчеркнуть, что 90-е годы ослабили и постсоветскую государственность. Тот народ, который в здоровом советском обществе был *вместе с Отечеством*, что и придавало легитимность и силу государству, просто исчез, когда государство объявило себя не Отечеством, а либеральным «ночным сторожем». В таком состоянии оно уже не может и обратиться за помощью к старому народу, у него уже нет для этого соответствующего языка. В 1991 г. советский народ еще был дееспособен, но он не понимал, что власть потеряла дееспособность, и ее надо спасать.

Актом войны государства против народа стало в 90-е годы планомерное массированное разрушение *универсума символов*, которые армировали национальное самосознания. Уже это по своей разлагающей силе было сравнимо с эффектом экономической войны.

А.С. Панарин пишет о России 90-х годов: «Ясно, что новая экономическая среда — это пространство экономического геноцида. Но не менее агрессивна в отношении населения «этой» страны и господствующая духовно-идеологическая среда. Ее репрессивная бдительность направлена против любых проявлений здравого смысла народа, его культурно-исторической памяти и традиций. Господствующая пропаганда опустошает национальный пантеон, последовательно оскверняя образы национальных героев, полководцев (от Суворова до Жукова), писателей (вся великая русская литература заподозрена в грехе опасного морального максимализма, связанного с сочувствием к униженным и оскорбленным), создателей национальной музыки, живописи, зодчества» [8, с. 294-295].

Символы занимают особое место в мире культуры, в котором живет человек. Они — отложившиеся в сознании образы (призраки) вещей, явлений, человеческих отношений, которые приобретают *метафизический* смысл. Мы в мире символов живем духовно, под его влиянием организуем нашу земную жизнь. Каждый из нас “утрачивает” свою личную биографию через символы, с их помощью она укладывается в то время и пространство, где нам довелось жить. Мир символов легитимирует жизнь человека в мире, придает ей смысл и порядок. Он упорядочивает также историю народа, страны, связывает ее прошлое, настоящее и будущее. Символы создают нашу общую память, благодаря которой мы и становимся народом. Через них мы ощущаем нашу связь с предками и потомками, что и позволяет человеку принять мысль о своей личной смерти.

Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, свое место в мире, понятия о добре и зле. Разрушительный шторм символов был учинен в России в 80-90-е годы. Конечно, прочность мира советских символов стала подрываться раньше, чем пришел Горбачев — с 60-х годов действовала “партия антисоветской трансформации”. Однако масштабы разрушений стали видны в 90-е годы. В 1996 г., перед выборами президента, 13 банкиров в своем известном «Открытом письме» обещали, в качестве уступки: “Оплевание исторического пути России и ее святынь должно быть прекращено”. Радикальные западники даже бравировали своим бесстрашием в манипуляции с символами, в солидных журналах прошел поток публикаций на эту тему. Жизнь без символов, без опоры, в пустоте стала выдаваться за образец.

Перечень символов, которые были сознательно лишены святости (десакрализированы) в общественном сознании, обширен. Дело не ограничивалось теми, которые непосредственно связаны с политическим строем или вообще государственностью Руси, России и СССР (Сталин, затем Ленин и т.д. вплоть до Александра Невского и князя Владимира). Примечательна передача программы “Взгляд”, в которой утверждалось, что Юрий Гагарин не летал в Космос и весь его полет был мистификацией. Большие усилия были предприняты для снятия символического значения образа *земли*, превращения ее в товар (как известно, “не может иметь святости то, что имеет цену”).

Сильнодействующим средством разрушения было осмеяние, идеологизированное острословие, имеющее своим объектом именно скрепляющие общество символы. Фрейд в монографии “Острословие и его отношение к бессознательному” писал, что тенденциозные остроты служат “оружием атаки на великое, достойное и могущественное, внешне и внутренне защищенное от открытого пренебрежения им”. Целый ряд эстрадных юмористов стали влиятельными реальными политиками.

Осмеяние символов государственности было тотальным, в публикациях “Огонька”, “Столицы”, “Московского комсомольца” тех лет сквозила радость по поводу любой аварии, любого инцидента. На это было направлено, например, устройство концерта поп-музыки на Красной площади именно 22 июня 1992 г. Красная площадь — один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений. Это прекрасно знали идеологи, потому и устроили тут концерт. И чтобы даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор телевидения объявил тогда: “Будем танцевать на самом престижном кладбище страны”.

Известно, что важнейшим для нашего национального самосознания был обобщенный символ Великой Отечественной войны. Разрушение этого символа в течение целого десятилетия было почти официальной государственной программой. Возник поток литературы и передач, *релятивизирующих* предательство, снимающих его абсолютный отрицательный смысл. Сложился популярный жанр *предательской* литературы. Это не только книги Резуна, но и масса “научных” книг. Известные и хорошо документированные события войны излагались российскими “историками” на основании немецких архивов и мемуаров, причем печатались даже фальшивки, давно разоблаченные в ФРГ. В целом это была большая и хорошо финансируемая программа вытеснения из нашей коллективной

исторической памяти образа Отечественной войны. Когда мы утратим верный образ своей войны, связность народа снизится еще на один уровень.

Масштаб этой угрозы виден из того факта, что интенсивность усилий по разрушению символического образа Великой Отечественной войны несколько не снизилась после ухода Ельцина. Напротив, она в последние годы резко усилилась.

М.А. Гареев пишет: «Начиная со времен перестройки и особенно в последние годы все перевернулось вверх дном. Большинство СМИ, литература, школьные и вузовские учебники и особенно телевидение почти полностью переключились на искажение важнейших событий и пересмотр итогов второй мировой войны в целом... Настоящие историки или ветераны войны почти лишены возможности выступить в СМИ, сказать свое слово. Книги В. Суворова (Резуна) и других фальсификаторов издаются миллионными тиражами. Западные спонсоры и отечественные издательства этому способствуют...

В учебнике по литературе для старших классов¹⁶ из всех писателей, писавших о войне, рекомендованы только два: Иосиф Бродский (стихотворение «На смерть Жукова») и Георгий Владимов («Генерал и его армия»). В одной из детских энциклопедий выдающимися полководцами второй мировой войны названы Монгмери, Гудериан и Власов...

Министерство образования и науки РФ лишь имитирует свою деятельность в области преподавания истории. Что будут знать выпускники средних школ, например, о том, «какие изменения произошли в Красной Армии в ходе войны» (об этом написаны сотни томов), если в качестве правильного ответа на этот вопрос ЕГЭ им предлагается такой: «были введены погоны, появились гвардейские части и заградительные отряды»? [36].

Генерал М.А. Гареев строго соблюдает правила политкорректности. Здесь можно сделать уточнения. Минобрнауки РФ не *имитирует деятельность*, а участвует в информационно-психологической войне против России. И важно не то, что школьникам рекомендовано «только два» произведения о войне, важно **какие это** произведения. Прочитаем, что пишет И. Бродский в стихотворении «На смерть Жукова»:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? “Я воевал”.

Какие чувства бушуют в этих стихах? Каждый скажет: глухая, зрелая ненависть к Жукову и солдатам. И Неизвестный солдат, и вслед за ним Жуков, по мнению Бродского, приговорены к вечным мукам в аду.

А в чем смысл романа Владимова? О каком генерале там речь? Это, как сказано в аннотации, роман, «посвященный истории войска генерала А.А. Власова, перешедшего в годы Великой Отечественной войны на сторону гитлеровских войск... Он буквально «расколол надвое» и литературно-критическое сообщество, и историков, и читателей». Это и требовалось — расколоть общество посредством апологии предательства. За это в 1995 году, к юбилею Победы, роман «Генерал и его армия» и был удостоен Букеровской премии.¹⁷

Особое место занимало разрушение образов, которые вошли в национальный пантеон как *мученики*. Показательна кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Она была *мученицей*, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха, народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. Ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа. Цель кампании была подрубить эту опору культуры и морали.

Очень быстро идеологи стали перенимать, “один к одному”, западные технологии разрушения символов, например, искажения смысла праздников. Тут “инженеры культуры”

дошли до пределов пошлости. Они стали называть 1 Мая — праздник, стоящий на крови, — “Днем весны и труда”. 7 ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил “отныне считать Днем Согласия”. Спектакль этот был поставлен с целью профанации праздника, который вошел в жизнь подавляющего большинства народа и давно уже утратил свой идеологический смысл, стал национальным.

Способом убийства праздников является и профанация, неявное издевательство или доведение до абсурда. Кто-то придумал праздновать 7 ноября «годовщину военного парада 7 ноября 1941 года». Парад в честь годовщины парада! А в честь чего был тот парад, говорить запрещается. Никто не обмолвился, с чего это вздумали в 1941 году устроить парад на Красной площади именно 7 ноября.

Важный метод вторжения в мир символов и одновременно создания “нервозности” в обществе — осквернение могил или угроза такого осквернения. Этот метод регулярно применяется политиками уже более десять лет. Вдруг начинается суeta с угрозами в отношении Мавзолея Ленина. Через какое-то время эта суeta прекращается по невидимому сигналу. Возня вокруг Мавзолея всегда инициируется людьми образованными. Они не могут не понимать, что Мавзолей — сооружение культовое, а могила Ленина для той трети народа, которая его чтит, имеет символическое значение сродни религиозному.

Уже один из первых теоретиков информационной войны Г. Лассуэлл в своей «Энциклопедии социальных наук» (1934) отметил важную черту психологической войны — она «действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка». Этничность и национальность и являются главным выражением «традиционного социального порядка» народа или нации. А главным смыслом его «уз» и является соединение людей в народ.

Образ Запада и связность народа России

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами и культурами, которые оказывают наибольшее влияние на их судьбу. Начиная с XVI в. главными *иными* для русских стали народы Запада, в целом — Западная цивилизация. С Запада приходили теперь захватчики, представлявшие главные угрозы для существования России. К Западу же русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи, технологии и общественные институты. По поводу отношения к Западу в среде самих русских шел непрерывный диалог и возникали длительные конфликты, так что в XIX в. оформились даже два философских и культурных течения — западники и славянофилы.

Самосознание русских никогда не включало ненависть к Западу в качестве своего стержня. От такого комплекса русских уберегла история — во всех больших войнах с Западом русские отстаивали свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы. Это укрепило не только этнические связи русского ядра, но и ту полиэтническую нацию, которая складывалась вокруг этого ядра в XIX и XX веках. Кроме того, самосознание русских в их сравнении с Западом укреплялось успехами в культурном строительстве — большинство русских чувствовали себя, в главном, на равных с Западом. За исключением небольшой части интеллигенции, в сознании русских, в общем, не было комплекса неполноценности по сравнению с Западом.

К середине 80-х годов XX в. русские и в целом советский народ подошли с совершенно определенным представлением о Западе, и особенно США, которые его олицетворяли, как к образу *инога*, задающего координаты для самоосознания. Эти представления сложились за два века и соответствовали центральной мировоззренческой матрице русских. Таким образом, Запад и его наиболее «чистое» воплощение — США — были для русских важнейшей системой координат, в которой они понимали сами себя.

В 70-е годы эта система координат вступила в кризис, который возник в сознании элитарной части интеллигенции. А.Д. Сахаров, признанный духовный лидер нашей демократической интеллигенции, в холодной войне встал на сторону Запада против СССР

категорически и открыто. В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г.

В 1979 г. Сахаров пишет писателю Бёллю о том, какая опасность грозит Западу: «Сегодня на Европу нацелены сотни советских ракет с ядерными боеголовками. Вот реальная опасность, вот о чем нужно думать, а не о том, что вахтер на АЭС нарушит чьи-то демократические права. Европа (как и Запад в целом) должна быть сильной в экономическом и военном смысле... Пятьдесят лет назад рядом с Европой была сталинская империя, сталинский фашизм — сейчас советский тоталитаризм» [8, с. 481].

Ясно, что когда государственная идеологическая машина (СССР, а затем России), а также множество уважаемых интеллектуалов вдруг потребовали от советского и русского народа принять Запад как идеал гуманизма, демократии и прав человека, это сразу нанесло тяжелейший удар по мировоззренческой матрице народа. Рушились ориентиры нравственности и совести, критерии различения добра и зла. То, что люди считали у Запада для нас неприемлемым — без всяких фобий и комплексов — теперь от них требовали считать образцом для подражания. Вся конструкция национального самосознания рушилась.

Тяжелый кризис народного самосознания был вызван тем, что тот Новый мировой порядок, который США стали лихорадочно строить после 1990 г., был одобрен государственными деятелями России и даже официально самим российским государством. Этот порядок был противен совести нашего народа и главным устоям русской культуры, так что его одобрение сразу создавало непримиримый конфликт между этой совестью и государством, что разрушало другую важную систему «народообразующих» связей.

С середины 80-х годов эта программа стала частью официальной идеологии. Один из «прорабов перестройки» И. М. Клявкин утверждал: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» (см. [7, с. 21]). Психологическое воздействие этих заявлений не только сбивало с толку людей, вовсе не мечтающих о том, чтобы отказаться от своего исторического пути, но и соблазняло влиятельную часть общества ложной перспективой быть «принятыми» в Запад. Когда подобные утверждения стали литься на головы людей в тысячах разных словесных и художественных форм, был ослаблен или разрушен целый важный пучок связей этничности и национального сознания.

На фоне тех потрясений, которые обрушились на нашу страну с самого начала 1991 г., позиция советского государства в отношении американских бомбардировок Ирака прошла почти незамеченной. Но затем ее разрушительное действие стало возрастать. В 1993 г. США совершили действия, которые во всем мире были восприняты как заявка США на установление своего монопольного «права сильного» и полный отказ от норм международного права — они нанесли ракетный удар по Багдаду под смехотворным предлогом. И эту акцию одобрило государство Российская Федерация! МИД, которым руководил А. Козырев, заявил: «По мнению российского руководства, действия США являются оправданными, поскольку вытекают из права государства на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН».

А 12 октября 2006 г. был обнародован доклад комиссии, которая по заданию ООН произвела подсчет числа жертв, которые понесло население Ирака в результате войны, начатой США в 2003 г. под предлогом необходимости ликвидировать оружие массового уничтожения, якобы созданное режимом Саддама Хусейна. В этом докладе сказано, что в Ираке погибло 665 тыс. человек (подсчет проводился по официально принятой в США методике). При этом никаких следов ядерного и других видов оружия массового уничтожения в Ираке, как известно, обнаружено не было.

Эта кампания не только разрушала тот устойчивый образ главного *иного*, который соединял народ, но отрицала и сам статус России как самобытной цивилизации. Она разрушала *хорологическое* видение России в человечестве как системе культур и

цивилизаций. Люди чувствовали себя русскими, а потом советскими, потому что «с небес» было видно: вот Запад, а вот Россия (СССР).

Население России было подвергнуто жесткой идеологической кампании, которая убеждала принять именно *этот* Запад за образец при перестройке мировоззренческой матрицы нашего народа. Это стало средством *демонстрации* народа, подрыва его связности.

Народ и образ родной земли

История становления современного представления русских о *пространстве* России довольно хорошо изучена. Землепроходцы, казаки и мореходы прошли огромные расстояния, вступили в интенсивные контакты с множеством народов, и постепенно устоялось видение России как Евразии. Об этой концепции имеется большая литература, ее смысл выражен в художественной форме великими поэтами, этот смысл принят массовым сознанием. Понятно, что идеологическая кампания по разрушению этого образа создала множество трещин в сознании и русских, и других народов России.

Вот, в журнале «Вопросы философии» излагается навязчивая идея начала 90-х годов: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия» [6]. Как это должны понимать русские — Сибирь не Россия, а часть Российской империи? А Приморье чье будет? Как это должны понимать якуты — они из России изгоняются и места в Европе лишаются? Ведь эта статья, а таких было множество, — одна из множества бомб психологической войны против России.

В 80-е годы, пока связность советского народа была еще весьма сильной, большой психологический эффект производили разговоры высокопоставленных деятелей о возможности уступок *территории*. Образ *родной земли*, включающий в себя священную компоненту, служит важной частью национального сознания и скрепляет людей общим отношением к земле. К подрыву этого образа подбирались постепенно. Конкретно речь шла о том, чтобы уступить японским притязаниям на Курильские острова. Сейчас эта проблема стала привычной, и на фоне потрясений 90-х годов ее психологическое воздействие сильно ослабло. Но начатая в годы перестройки кампания вызвала сильный душевный разлад.

С началом разговоров о «новом мышлении» группа обозревателей прессы и телевидения (А. Бовин, В. Цветов и О. Лацис) стали высказывать свои «личные мнения», расходящиеся с курсом на то, что «территориального вопроса» в отношениях с Японией не существует. В 1989 г. в Японию приехал один из лидеров Межрегиональной депутатской группы Ю. Афанасьев и сделал сенсационное заявление, что «перестройка как историческая реальность представляет собой конец последней империи, именуемой Советский Союз» и что ее целью должна стать ликвидация системы международных отношений, сложившейся на основе Ялтинских соглашений. В заключение он обратился к правительству СССР с призывом безотлагательно «возвратить Японии четыре южных Курильских острова».

Всего через несколько дней в Токио прибыл депутат Верховного Совета СССР А.Д. Сахаров и заявил: «Я понимаю, что для Японии с ее очень высокой плотностью населения и не очень богатой, по сравнению с СССР, природными ресурсами, каждый квадратный километр имеет огромное значение... Я считаю, что вообще правильным принципом было бы сохранение тех границ, которые существовали до второй мировой войны».

Еще через несколько дней, в Москве, дал интервью Гарри Каспаров: «А почему бы нам не продать Курилы Японии? Откровенно говоря, я не уверен в том, что эти острова принадлежат нам. А ведь требующие их японцы могли бы заплатить нам за них миллиарды долларов» [5, с. 685-687]. В 1990 г. пропаганда «возврата Курил» в академических кругах и в прессе в Москве стала вестись открыто.

Раскол народа: богатые и бедные

Если в духовном плане соединение в народ требует наличия общего культурного ядра (мировоззрения, понятий о добре и зле), общего образа «благой жизни», то в плане материальном требуется общий для народа «образ жизни», принадлежность к одному типу цивилизации. Иными словами, не должно быть слишком глубокого расслоения по доступности основных благ, как в социальном (между группами и классами), так и в национальном плане (между народами и народностями России). Это — те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России обе эти плоскости всегда были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску — и наоборот. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы.

Сегодня самым глубоким расколом население России считает разделение между *богатыми* и *бедными*. Это надежно установленный социологами факт. Да и без социологов этот разлом видят все — богатые и бедные. Это разделение — необходимая тема в национальной повестке дня России. Одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа *образ жизни*. Иными словами, когда социальное расслоение народа достигает «красной черты», социально разделенные общности начинают расходиться и приобретают черты разных народов.

Такое наложение и сращивание этнических и социальных признаков — общее явление. *Этнизация* социальных групп — важная сторона политических процессов. Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни, отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX веке в конце концов «рассек народ на части» — вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга.¹⁸

В начале XX века на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения — так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами пожить за счет «низшей расы». Этот резкий разрыв с традиционным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.¹⁹

Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом и называли себя *новыми русскими*. Но «этнизация» социальных групп происходит не только сверху, но и *снизу*. Реформа делит народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах — на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не произошел окончательно, но мы уже на краю пропасти. От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности — «социальное дно», составлявшее в 2003 г. около 10% городского населения или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% — высшее.

Отверженные были выброшены из общества с демонстративной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, их жизнь не изучает наука, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*. Так, им фактически

отказано в праве на медицинскую помощь, при этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70% беспризорников. Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства — но именно этих простых вещей им не дает нынешнее российское общество.

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. К концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. **официально учтенных** бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Для сравнения вспомним, что в 1913 г. на 1,5 млн. жителей Москвы было 150 богаделен и несколько десятков ночлежек — и при этом российское общество тяжело переживало зло бездомности.

«Дно» непрерывно «перемалывает» втягиваемую в него человеческую массу (смертность бездомных составляет 7% в год при среднем уровне для всего населения 1,5%). Столь же непрерывно оно засасывает в себя пополнение из бедной части населения. Сложился слой «придонья», в который входят примерно 5% населения (7 млн. человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться [29].

Это — пропасть, отделяющая от народа общность изгоев в размере около 18 миллионов человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство меняется, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с традиционной культурой. Вся бедная часть по мере истощения унаследованных от советского времени ресурсов начинает отделяться от «среднего класса» и сдвигаться вниз, в цивилизацию трущоб. Россия обретает черты двойного общества, в котором практически складываются нормы апартеида.

А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс — регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 10-12 раз означает разрыхление народа и страны, даже если она формально не расчленяется.

Имеет ли еще смысл пытаться выстроить язык и логику для диалога частей расколотого народа? Я считаю, что пока не пересекли красную черту, эти попытки надо продолжать. Однако положение очень серьезно — разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Институт социологии РАН с 1994 г. ведет мониторинг «социально-экономической толерантности» в России. Ведутся регулярные опросы с выявлением субъективной оценки *возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми*. После ноября 1998 г. установки стали удивительно устойчивыми. В ноябре 1998 г. они были максимально скептическими: отрицательно оценили такую возможность 53,1% опрошенных, а положительно 19% (остальные — нейтрально). Затем от года к году (от октября 2001 г. до октября 2006 г.) доля отрицательных оценок колебалась в диапазоне от 42,1% до 46%. Оптимистическую оценку давали от 20 до 22% [37].

Угроза утраты «коммуникабельности» со временем нарастает. Чтобы этот процесс затормозить и повернуть вспять, требуются специальные усилия по созданию структур диалога. Пространство общественного диалога видится как система *рациональных* умозаключений, выводимых в однозначно трактуемых понятиях на основе наблюдаемых фактов. Другими словами, это — пространство, автономное от этических ценностей. Участники такого диалога на время откладывают в сторону свою совесть, а представляют друг другу свои проекты будущего. Затем оппоненты оценивают последствия реализации этих проектов и угрозы, которые они порождают. Именно здесь, в оценке угроз, и находится небольшое пространство общих интересов. Здесь и может возникнуть поиск компромисса, а значит, понемногу можно будет вводить в рассуждения и совесть.

Разговор предстоит трудный. В той части, которая приняла доктрину реформ, расколовшую народ, собрались не только те, кто надеется попасть в глобальную элиту. Но они согласны с тем, чтобы продолжилась селекция населения России, которая была начата реформой Гайдара. Она означает выбраковку большинства населения, избыточного по отношению к потребности «новой России» в рабочей силе. Эта выбраковка имеет тенденцию к ускорению вследствие того, что за 16 лет реформ сильно подорвано здоровье обедневшей части населения, резко снизились стандарты жизнеобеспечения этой части и уровень образования рожденных в этой части детей.

Эти признаки уже наглядно проявляются в работе многих систем и общественных институтов. Например, СМИ обслуживают исключительно *благополучную* часть населения, изредка давая этнографические зарисовки «из жизни бедных», сделанные согласно социальному запросу именно благополучной части. Здравоохранение «для бедных» — это нечто совсем иное, чем для «благополучных». Все, о чем говорится в речах и Посланиях — школьный Интернет, ипотека, нанотехнологии — предназначено для тех, кто отобран для жизни в «новой России». Следов этой селекции множество, они уже вошли в обыденную культуру и обыденный язык.

Тут и таится первая и главная опасность для России — продолжается демонтаж народа.

Актуальное состояние

С точки зрения этнологии, в результате реформ в России возникла патологическая система: большинство населения «съежилось» и было низведено до положения *бесправного меньшинства*. В рамках демократических процедур (например, выборов) это «меньшинство» и не может отвоевать и защитить свои права. Тот факт, что в численном отношении этот «бывший» народ находится в большинстве, при демократии западного типа не имеет значения — как в США в XVIII веке не имела значения численность индейцев при распределении собственности и политических прав.

Состояние бывших советских граждан как этнического меньшинства даже не противоречит нормам права. Специалист по правам человека К. Нагенгаст разъясняет смысл ярлыка «меньшинство»: «В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишенные при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами» [4, с. 179]. Другой антрополог, Дж. Комарофф, специально отмечает: «Я заключаю слово «меньшинства» в кавычки, поскольку во многих случаях подобные группы обладают фактическим численным большинством, но при этом относительно безвластны» [3, с. 68].

Именно так и обстоит дело в РФ — *на практике* численное большинство в государстве лишено возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами. Практика эта определена тем, что и собственность, и реальная власть целиком принадлежат представителям *другого народа* — того самого демоса, о котором говорилось выше. Именно эти представители диктуют экономическую, социальную и культурную политику. Большинство населения — против монетизации льгот или смены типа пенсионного обеспечения, но власть не обращает на это внимания. Большинство страдает от программной политики телевидения, выступает против смены типа российской школы или ликвидации государственной науки — на это не обращают внимания. Большинство не желает переделки календаря праздников, не желает праздновать День независимости — на это не обращают внимания. И все это вполне законно, потому что в созданной политической системе это численное большинство — охлос, пораженный в правах.

Конечно, ярлык «меньшинство» — не более чем символ, но это символ, который отражает реальность. Ведь в социальных процессах важна не численность общественной группы, а ее «мощность», аналогично тому, как в химических процессах важна не

концентрация агента, а *активность* .²⁰ Этот ярлык узаконивает политическую практику в глазах демоса.

Социальные инженеры и политехнологи, которые конструировали постсоветское пространство и его жизнеустройство, мыслили уже в категориях постмодерна, а не Просвещения. Они представляли общество не как равновесную систему классов и социальных групп, а как крайне неравновесную, на грани срыва, систему конфликтующих *этносов* (народов). Действительно, все эти программы и политическая практика никак не вписываются в категории классового подхода, но зато хорошо отвечают понятиям и логике современного учения об этничности — *конструктивизма* .

Реформы в России должны были параллельно решить две задачи, формулируемые в понятиях конструктивизма — произвести демонтаж старого советского народа (и прежде всего его ядра, русского народа) и сборку небольшого демоса («новых русских»).

О первой задаче А.С. Панарин писал: «Так народ из естественной и самодостаточной субстанции, которая прежде просто не ставилась под сомнение, превращается в сложную составную конструкцию, подлежащую последовательной «деконструкции». Либеральная аналитика демонстрирует специфическую зоркость, недоступную прежнему «народническому» восприятию, к которому, мол, все с детства приучены. Для нас, русских, это особенно интересно, ибо, как оказывается, русский народ сегодня выступает олицетворением той самой народности, которую либеральные деструктивисты исполнены решимости разъять окончательно. Стратегическая гипотеза современного мирового либерализма состоит в том, что русские являются *последним оплотом народности как всемирно-исторического феномена* , враждебного западному индивидуализму» [2, с. 240].

Доктрина демонтажа народа России эмоционально подтверждена В.И. Новодворской уже в 2009 году: «Нам предстоит освободиться от самих себя, от ордынской и византийской традиций, от холопства, искательства и зверства, от имперского безумного жлобства, от славянской левой коммунитарности, от тщеславия и стремления поучать. Не надо предлагать народу колбасу вместо свободы. Ничего не надо предлагать кроме свободы и прав человека. А еду надо заработать. Нет права на еду.

А пока либералы не должны не только сотрудничать с властью, но и здороваться с ней. И должны помнить, что в мире нет других ценностей кроме либеральных и никакого другого пути кроме западного.

Народ должен изжить в себе имперскую болезнь и стать очень скромным — как стали скромными и приличными немцы, не мечтающие более о рейхе. Смирение, покаяние, ненависть к советскому прошлому, к ложным победам, к Сталину и СССР — вот тот учебник, который либералы должны принести в тот класс, которым станет кающаяся Россия» [1].

Что же касается «сборки» демоса, то утверждалось, что в ходе реформы произойдет консолидация индивидов, «освобожденных» от уз тоталитаризма, в классы и ассоциации, образующие *гражданское общество* . Этому должны были служить новые отношения собственности и система политических партий, представляющих интересы классов и социальных групп. Должны были быть реформированы и механизмы, «воспроизводящие» народ — школа, СМИ, культура и т.д. На первый взгляд, вышедший на арену и созревший в годы перестройки демос за 90-е годы добился успеха. Ему удалось в значительной мере ослабить патерналистский характер государства и произвести экспроприацию собственности у большинства населения, перераспределив соответственно и доходы.

Но в главном план оказался утопическим и выполнен не был. Созданный социально-инженерными средствами квази-народ («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и неспособным к строительству в социальной и культурной сфере. Состояние, в которое был приведен народ России, превратило кризис начала 90-х годов в *Смуту* . Это — положение более тяжелое, чем кризис. Это хаос, не обладающий творческим потенциалом. Связи, соединявшие людей в народ, подорваны или ослаблены настолько, что люди не могут договориться между собой о

главных вещах, а значит, не могут и выработать проекта совместных действий. Возникла патологическая социальная система — старый народ наполовину «разобран», а новый никуда не годен.

Демонтаж народа и распад социокультурных общностей

В результате описанных выше процессов совокупность социальных общностей, как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При этом была утрачена и скрепляющая народ система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали все общности как часть их «внутреннего скелета» и как каналы их связей с другими общностями.

Например, Россия как следствие демонтажа народа утратила *национальное информационное пространство*. Она не располагает информационной системой, в которой должен вестись низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня.

Современный русский народ в большой мере создан печатным станком, и в советское время достраивался до нации с помощью связующей силы русской литературы, учебников, прессы. Чтобы демонтировать наш народ, в самом начале 90-х годов сразу был разрушен «русский печатный станок» (как общественный институт) — пресса, условия литературно-издательской деятельности, система распространения. Телевидение этой функции выполнять не может, это канал политической рекламы.

Сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса как раз и заключается в том, что в России продолжается процесс *распада всех общностей* (кроме, возможно, криминальных). Этот процесс запущен реформами 90-х годов, маховик его был раскручен в политических целях — как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этого маховика, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 года не удалось (если такая задача вообще была поставлена).

После 1991 г. было остановлено и, в основном, ликвидировано большинство механизмов, сплачивающих людей в общности, сверху донизу. Ликвидированы даже такие простые исторически укорененные социальные формы, как *общее собрание трудового коллектива* (аналог сельского схода в городской среде).

Мы видим, как быстро деградирует системообразующая для России большая специфическая общность — *интеллигенция*. Она замещается «средним классом» — новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда около 600 тыс. таких суррогатных интеллигентов — при численности выпускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям 26 тыс.

Быстро вызывает угрозу утраты профессиональной общности *промышленных рабочих* (шире — *работников промышленного производства*, рабочих и ИТР) с выпадением России из числа индустриально развитых стран. Эта угроза возникла вследствие принятия правительством реформаторов программного положения о *деиндустриализации* России.

В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н. Яковлев предложил доктрину — *Семь «Д»*. Это те семь магических действий, которые, по его концепции, надо совершить, чтобы в РФ возникла демократия и рыночная экономика на базе частной собственности. Четвертым «Д» у него как раз стоит деиндустриализация.

В сознании российской элиты культивировалась утопия «постиндустриализма», при котором человечество якобы будет обходиться без материального производства — промышленности и сельского хозяйства. Ей, например, был подвержен Г. Греф, Министр по

делам экономического развития РФ. В апреле 2004 г. на научной конференции, он сделал такой вывод, который живо обсуждала пресса: «Могу поспорить, что через 200-250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

Академик Н.П. Шмелев сократил срок с 200 до 20 лет. В важной статье 1995 г. он так трактует экономические перспективы России: «Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2-3% в традиционной промышленности и 1-1,5% в сельском хозяйстве) — значит, это и наша перспектива» [31].

В этом умозаключении имеет место тяжелое нарушение логики. Почему, «если *в наиболее развитой части мира* » в материальном производстве будет занято не более 5%, значит, это «*и наша перспектива*»? На каком основании Россия в результате деиндустриализации попадет в наиболее развитую часть мира, а не в «загон для рабов»? Где она возьмет авианосцы, чтобы заставить бразильцев и малайцев осуществлять для нее «материальное производство»?

Но здесь мы обсуждаем тот факт, что деиндустриализация означает и *деклассирование* рабочих, утрату огромного «человеческого капитала». Об этой стороне дела никто не заикнулся при прохождении закона о приватизации и после нее. А ведь в любой промышленно развитой стране контингент квалифицированных рабочих считается особо ценным национальным достоянием. Сформировать его стоит большого труда и творчества, а восстановить очень трудно.

В России в ходе реформы контингент занятых в промышленности сократился к 1998 г. на 10 млн. человек (на 41%), а численность промышленных рабочих сократилась относительно больше — вдвое, также на 10 млн. человек.

Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования сократился с 1378 тыс. в 1985 г. до 680 тыс. в 2006 г. При этом выпуск рабочих для техноемких отраслей производства все больше уступает место профессиям в сфере торговли и услуг. В 1995 г. еще было выпущено 10,5 тыс. квалифицированных рабочих для химической промышленности, а в 2006 г. только 0,6 тыс. Резко сократился приток молодежи на промышленные предприятия, началось быстрое старение персонала. Если в 1987 г. работники в возрасте до 39 лет составляли в числе занятых в промышленности 59,8%, то в 2007 г. их доля составила 45,3%.

Резкое ухудшение демографических и квалификационных характеристик *рабочего класса* России — один из важнейших результатов реформы, который будет иметь долгосрочные последствия.

В разгар реформы Н.П. Шмелев пишет (1995), что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности *работников* : “Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно”.

Вдумаемся в эти слова: “в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно”. Как это понимать? Что значит “в этой отрасли *все занятые* — *излишни абсолютно* ”? Что значит “быть излишним абсолютно”? Что это за отрасль? А ведь Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит “в городе N все занятые — излишни абсолютно”? Что это за города и районы?

Все это печатается в социологическом журнале Российской Академии наук! И ведь эта мысль о лишних рабочих России очень устойчива. В 2003 г. Шмелев написал: “Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12-13% безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних” [32].

Как пишут социологи, рабочий класс «исчез из общественного поля зрения».

Значительная часть выброшенных с предприятий рабочих опустилась на «социальное дно». Но даже чисто прагматической оценки этой стороны реформ не было дано.

На деле рабочий класс исчез также из поля зрения социологии. Предпочтительными объектами социологии стали предприниматели, элита, преступники и наркоманы. Обществоведение практически ушло от этой проблемы, хотя задачей обществоведения как раз является анализ общества как системы, получение достоверного представления о *структуре* этой системы, какими бы терминами ни обозначались разные структурные единицы в зависимости от идеологической доктрины, положенной в основу методологии (классы, сословия, страты, социальные группы и пр.).

С 1990 г. сама проблематика классово-структурной была свернута в социологии (тогда еще советской). Контент-анализ философской и социологической отечественной литературы, проведенный за трехлетние периоды 1981-1983, 1987-1989 и 1990-1992 гг., показал, что в 16,2 тыс. документов термин «*классовая структура*» встретился лишь в 22 документах [33]. Социологи практически прекратили изучать структуру общества через призму *социальной однородности и неоднородности*, употребление этих терминов сократилось в 18 раз — как раз в тот момент, когда началось быстрое социальное расслоение общества. В социологической литературе стало редко появляться понятие «*социальные последствия*», эта тема стала почти табу [33].

При первом приближении обществоведения к структуре социальной системы логично делать объектом анализа наиболее массивные и социально значимые общности. Так, в индустриальном обществе объектом постоянного внимания обществоведения является *рабочий класс*. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, попросту неадекватно структуре его предмета.

Именно такая деформация произошла в постсоветском обществоведении — рабочий класс России был практически исключен из числа изучаемых объектов. Между тем, в этой самой большой общности экономически активного населения России происходили драматические изменения. Деиндустриализация и *деклассирование* рабочих — социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, колоссальный эксперимент, который мог дать общественным наукам большой объем знания, недоступного в стабильные периоды жизни общества. Это фундаментальное изменение социальной системы, в общем, не стало предметом исследований, а научное знание об этих изменениях и в малой степени не было доведено до общества.

В короткий срок состав промышленного рабочего класса России сократился вдвое. Что произошло с 10 миллионами рабочих, в среднем весьма высокой квалификации? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный статус промышленного рабочего в России, престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? Что произошло с системой профессионального обучения в промышленности? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные и «фольклорные» сведения.

Сегодня ни общество, ни государство не имеет ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата промышленных рабочих как профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики.

Аналогично складывалась судьба большой профессиональной общности квалифицированных работников сельского хозяйства. «Антиколхозная» кампания не опиралась на убедительные рациональные аргументы и не давала никаких оснований ожидать создания новых, более эффективных производственных структур. Однако к ликвидации колхозов и совхозов общество отнеслось с полным равнодушием, хотя было очевидно, что речь идет о разрушении огромной системы, создать которую стоило чрезвычайных усилий и даже жертв.

Не менее очевидно было и то, что разрушение крупных механизированных предприятий, которые были центрами жизнеустройства деревни, будет означать

колоссальный регресс и даже архаизацию жизни 40 миллионов сельских жителей России.

В 2008 г. С. Лисовский (бывший соратник Чубайса, член Совета Федерации РФ) сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо же вдуматься в эти слова! За годы реформы Россия утратила свой золотой капитал — 7 миллионов организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства. Их осталось 2,5 млн. и еще 0,3 млн. фермеров. И темп сокращения этой общности не снижается (как и темп сокращения тракторного парка, потребления электричества в сельском производстве и т.п.).

И до сих пор этот странный провал в сознании не вызвал никакой рефлексии. Общество его не замечает и сегодня.

На другом краю спектра — точно такое же отношение к отечественной науке. Достаточно было запустить по СМИ поток совершенно бездоказательных утверждений о «неэффективности» науки, и общество бросило ее на произвол судьбы, равнодушно наблюдая за распадом большого научного сообщества. К 1999 г. по сравнению с 1991 г. численность научных работников в РФ уменьшилась в 2,6 раза.

Работа в науке на много лет стала относиться к категории *низкооплачиваемых* — в 1991-1998 гг. она была ниже средней зарплаты по всему народному хозяйству в целом.

В 2002-2004 гг. в шкале престижности профессий в США наука занимала первое место (член Конгресса 7-е, топ-менеджер 11-е, юрист 12-е, банкир 15-е). В России ученые занимали в те годы 8-е место после юристов, бизнесменов, политиков. В США 80% опрошенных были бы рады, если сын или дочь захочет стать ученым, а в России рады были бы только 32% [30].

Новая угроза: создание квазиэтносов

Отметим кратко тот факт, что развитие, на основе современных знаний антропологии, технологий *демонстрации* народов сопровождалось разработкой способов форсированного созидания «новых народов» с заданными свойствами. Опытнo-экспериментальным применением этих способов стали «оранжевые» революции.

Важным результатом этих революций-спектаклей было не только изменение власти (а затем также и других важных в цивилизационном отношении институтов общества), но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. В результате таких программ возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р. Шайхутдинов пишет о том, что происходило в ходе «оранжевой» революции на Майдане в Киеве и на что с ошеломлением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очарование спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим — не признающим её — народом!» [34].

Создание «нового народа» (или даже новой нации) в ходе подобных революций — один из ключевых постулатов их доктрины. Таким образом, «оранжевые» революции, как революции эпохи *постмодерна*, отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплавляющий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплавляли своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и, можно сказать, маскировали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями.

Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать (что и показали, например, события конца 80-х и 90-х годов в Средней Азии, на Кавказе и в Югославии).

В ряде случаев сдвиг к рациональности постмодерна провоцирует нежелательную этнизацию и архаизацию обществ, как это происходит, например, в развивающихся странах, переживающих новый всплеск трайбализма, усиления родо-племенного сознания и организации. Но чаще всего агрессивное этническое сознание разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

На эту способность духовной матрицы постмодерна провоцировать и искусственно интенсифицировать этногенез, указывают антропологи. Дж. Комарофф задается вопросом, не используется ли эта способность как средство утопить борьбу за разрешение социальных противоречий в хаосе межэтнических столкновений. Он пишет: «О нашем времени часто говорят как о периоде множественности форм субъектности, расплывчатости чувства индивидуальности, как о времени антитоталитарных сил, благодаря которым многое в нашей жизни оказывается непредсказуемым, непоследовательным и полифоничным. Однако неомодернистская политика самоосознания обнаруживает прямо противоположную направленность на такое устройство мира, при котором от Узбекистана до Юкатана, от Анкориджа до Карфагена и от Порт-Морсби до Порт-Элизабет этничность и национальный статус используются как основы для складывания тоталитарных, сплоченных и высоко централизованных субъектов как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Возможно ли считать, что постмодернистское увлечение полиморфизмом является всего лишь извращением, то есть что оно — некий результат этноцентричного евро-американского буржуазного сознания, отражающего собственную политику безразличия по отношению к требованиям и защите прав обездоленных?» [3, с. 38].

Не будем здесь углубляться в этот вопрос, но отметим лишь, что антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в огромной степени и с большой эффективностью опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Видимо, в недалеком будущем с крупномасштабным применением этого оружия придется столкнуться и Российской Федерации.

Отсюда видно, что эффективно проведенная «оранжевая революция» означает фундаментальное событие в судьбе общества — разрыв непрерывности. Часть населения, подчинившись гипнозу спектакля, выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества — «перепрыгивает в постмодерн». Но при этом она разрывает и свою связь с реальностью страны, ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу. Будет ли эта реальность меняться так, чтобы прийти в соответствие с новыми ценностями — или всей этой «оранжевой» молодежи придется пройти через период тяжелой фрустрации и вернуться на грешную землю в потрепанном виде? Проблема в том, что сама «рациональность постмодерна» исключает

сами эти вопросы и возможность предвидения — один спектакль сменяется другим, и человек не замечает, как становится зрителем-«бомжем», без традиций и без почвы.

Ни государство, ни наука, ни общество России к этой угрозе нового типа не готовятся, хотя материал для создания таких квазиэтнотопосов уже готовится в довольно широких масштабах.

Глава 4. РАЗРУШЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Круг явлений, охватываемых понятием «угроза», простирается от сиюминутных мелочей до вселенских бедствий. Это может привести к спорам об иерархии и классификации угроз, о причине и следствии, о курице и яйце. Чтобы избежать изнурительной схоластики, постараемся при обсуждении конкретной угрозы указывать и на ее предпосылку. Это условия, которые сделали возможными зарождение и развитие данной угрозы. Их можно было бы считать угрозой более низкого, фундаментального уровня — менее явной и оформленной, нежели выбранная нами для обсуждения.

Сейчас, по истечении двадцати лет нынешней Смуты (в ее «открытой» фазе), проявилась и стала осязаемой угроза утраты многих черт и качеств России. Если эти угрозы реализуются в полном масштабе, Россия перестанет существовать в ее привычном и близком для нас образе.

Понятно, что страны не гибнут в буквальном смысле слова, но могут катастрофически измениться — так, что происходит разрыв непрерывности в их бытии. Сегодня некоторые философы говорят, что Россия не исчезнет, поскольку она уже вбросила в мир свои вечные ценности (литературу, музыку, автомат Калашникова). Они будут жить, даже если исчезнет русский народ — как живут ценности Древней Греции, хотя нынешние греки уже совсем другой народ, чем в античности.

Чтобы спокойно рассуждать о жизни русских культурных ценностей без русского народа, надо быть философом. Для нас же сама возможность утратить любую ипостась России (народ, территорию, государство, культуру) — угроза неприемлемая. Строго говоря, смертельный удар по любой из этих ипостасей означает гибель целого, пресечение исторического пути страны, цивилизации, государства. Одной из важных ипостасей России является созданный в ней за несколько веков способ совместной жизни множества народов — в одном государстве и на огромной территории.

Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная» страна). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплывило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Российская империя как государственно-национальная система строилась на других основаниях, чем другие большие государства Европы. По выражению кадета П.Н. Милюкова, до XVI века это было *военно-национальное* государство — феодалы и племенные вожди принимали российское подданство как средство избежать порабощения более опасными агрессивными соседями. В XVI-XVII вв. на южных и юго-восточных границах России войны происходили каждый год, на западных — примерно каждый второй год. Главная угроза шла с Запада.

Во время войн отвоёвывались захваченные другими государствами территории. Устойчивость жизни на вошедших в Россию территориях резко не менялись, они управлялись с помощью местной знати. Чаще всего она и ставила вопрос о присоединении к России, которое нередко признавалось в столице уже после того, как происходило де-факто на местах. Правящая элита Российской империи с самого начала складывалась как многонациональная. По переписи 1897 г. только 53% потомственных дворян назвали родным языком русский.

Каждая большая страна уникальна и неповторима. И Россия самобытна во всех ее проявлениях. Здесь мы скажем об одном ее творческом открытии — особом типе общежития

народов, о ее многонациональной «цветущей сложности». Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ создать на огромном пространстве империю *неколониального* типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Элита этих народов, даже покоренных военной силой, автоматически включалась в дворянство, которое было правящим сословием всей России. Так, сын имама Шамиля, взятого в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это — вовсе не военная хитрость и не обычная в мировой политике вещь. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска не за деньги и не из страха. Оно обрусело, для него Россия уже стала *их* страной. Но так построить государство — надо было много ума и духовной широты. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии (в том числе и с применением военной силы), индийские наблюдатели вели очень интересные сравнения с тем, как действовала английская администрация в Индии. Замечали, среди прочего, что в России такой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и оба командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови», — писала индийская газета.

И. Солоневич писал об империи: «Россия завоевала Кавказ. Не следует представлять этого завоевания в качестве идиллии: борьба с воинственными горскими племенами была упорной и тяжелой. Но ничья земля не была отобрана, на бакинской нефти делали деньги «туземцы» — Манташевы и Лианозовы, «туземец» Лорис-Меликов стал русским премьер-министром, кавказские князья шли в гвардию, и даже товарища Сталина никто всерьез не попрекал его грузинским акцентом...

Русский «империализм» наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, правило заключались в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности. Министры поляки (Чарторыйский), министры армяне (Лорис-Меликов), министры немцы (Бунге) в Англии невозможны никак. О министре индусе в Англии и говорить нечего. В Англии было много свобод, но только для англичан. В России их было меньше, но они были для всех. Узбек имел все права, какие имел великоросс, и если башкирское кочевое хозяйство было сжато русским земледельческим, то это был не национальный, а экономический вопрос: кочевое хозяйство есть роскошь, которая сейчас не по карману никому» [1, с. 149].

В общем, за пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Его принципам следовала и верховная власть, и местные начальники, и элита, и сами народные массы — что-то поправляя, что-то обновляя, учась предвидеть и гасить конфликты, находить компромиссы. Чем этот тип отличался от других известных «моделей»? Отличия сразу видны.

Царское правительство принципиально отказалось от политики планомерной ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия (как произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Слишком слаб был и капитализм для того, чтобы оказать свое унифицирующее воздействие. Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь — на Кавказе и в Средней Азии она практически совсем отказалась от проповеди.

Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тому, как очистили для себя Северную Америку англо-саксонские колонисты. Здесь не создавался «этнический тигель», сплавлявший многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии).²¹ Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (мы часто слышали об апартеиде ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида).

В России не было самого понятия *метрополии*, не было юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами, неправославное население было

освобождено от воинской повинности. Управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям».

В результате в Российской империи возникла очень сложная государственная система с множеством укладов, норм и традиций. В жизни подавляющего большинства населения господствовал общинный уклад, а по своим принципам жизнеустройства российское общество было *традиционным*, а не гражданским. Жесткого воздействия на этногенез народов России государство не оказывало.

В III Государственной Думе представитель мусульманской фракции заявил принципиальную вещь: «Между нашим национальным бытием и русской государственностью никакой пропасти не существует; эти две вещи совершенно совместимы».

Как отмечают сегодня специалисты, это — выраженная на современном языке максима этнополитики, исключительно высокая оценка государственности [2]. Какая уж тут «тюрьма народов»! Даже богатая часть евреев, интересы которой вступили в противоречие с нормами сословного общества и монархической государственности, вовсе не перешла целиком в лагерь противников Империи. Так, автором знаменитой фразы Столыпина «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!», которую так любят повторять наши «белые» патриоты, был видный еврейский деятель И.Я. Гурлянд. Он и писал речи Столыпину, а тот был прекрасным оратором и зачитывал их — всегда по тетрадке, никогда наизусть [3].

Высокая степень равноправия подданных разной национальности, отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У этих народов имелся общий *значимый иной* — русские. Они были с нерусскими народами в интенсивных и разнообразных контактах, шло распространение русского языка и русской культуры, что усиливало связи других народов не только с русским ядром, но и между собой. Эти связи уже имели длинную историю и вошли в этнические предания. Не будет преувеличением сказать, что для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба.

Как же можно определить тип межэтнического общежития, который сложился в России. По всем признакам, в ней складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Поэтому слово «нация» и не употреблялось в отношении подданных Российской империи, это слово подразумевало национализм и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. В формулу этой концепции входила «*народность*» — идея сохранения народов в единой семье.

Во внешнем мире Россия в конце XIX в. понималась именно как нация, как носитель большой и самобытной *национальной культуры*. Общероссийское сознание зрело и в массе населения. Народы России долго жили в одном государстве, пребывание в котором обеспечило им два важнейших для их национальной консолидации и самосознания условия — защиту от угрозы внешних нашествий и длительный период политической стабильности. Уже это стало источником высокого уровня *лояльности* государству и его символам. Красноречивым признаком ее был тот факт, что татары-мусульмане, не обязанные нести воинскую повинность, сформировали воинские отряды, которые принимали участие в Крымской войне против их единоверцев-турок. Даже во время польского мятежа 1863 г. лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров-поляков изменили присяге.

Однако созиданию российской нации противодействовал целый ряд процессов разрушения скрепляющих ее связей. Эти процессы преследовали разные цели, за ними стояли разные социальные силы, но объективно они сходились в главном — они вели демонтаж культурного ядра русского «имперского» народа и той своеобразной гражданской нации, которая возникала в начале XX века.

Демонтаж «имперского» русского народа (в терминах марксизма — «феодальной

нации») вели практически все западнические течения: и либералы, и революционные демократы, и социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства.

Национально-государственная конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости. В первой трети XIX века модернизация и европейское образование сделали популярными в элите *федералистские* идеи. Декабристы разрабатывали две программы государственного устройства, Пестель — унитарного и Никита Муравьев — федерального. В федерализме стала вызревать идея России как федерации *народов*. В целях обретения союзников в борьбе против имперского государства, прогрессивная интеллигенция со второй половины XIX в. вела непрерывную кампанию по дискредитации той модели межэтнического общежития, которое сложилось в России, поддерживала сепаратистские и антироссийские движения — в Польше и в Галиции. Миф о «бесправии» украинцев использовался для экстремистских нападок на царизм, но рикошетом бил и по русским как народу. В пропаганде применялся символический образ России как «тюрьмы народов».

Не будем здесь разбирать миф о «тюрьме народов» и «бесправных инородцах». Упомянем лишь такой общеизвестный факт, что «инородцы» нехристианских вероисповеданий вообще никогда не состояли в крепостной зависимости, а для крестьян прибалтийских народов крепостная зависимость были отменена еще при Александре I. В тот момент, когда в США шла борьба за отмену рабства насильно завезенным туда инородцам, в России происходило освобождение от крепостной зависимости большей части «*имперской нации*».22

Антиимперские настроения усилились с проникновением в Россию западного капитализма. Буржуазия, как и в Европе, тяготела к *национальному* государству. В начале XX века возникают национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками (например, армянская партия дашнакцутюн). Вообще, националистические антироссийские настроения культивировались в тончайшем слое этнических элит. Но пока монархическое государство было крепким, даже они предпочитали пребывать под его защитой и пользоваться его ресурсами.

Революция 1905-1907 гг. на время сплотила буржуазию и землевладельцев национальных регионов вокруг царской власти как самой надежной защиты. Классовый страх был сильнее естественного национализма буржуазии — из 164 депутатов IV Государственной думы, избранных от национальных окраин, 150 были сторонниками «единой и неделимой» России. Но как только монархия была ликвидирована в феврале 1917 г., империя рассыпалась — национализм этнических элит для этого уже созрел.

В либеральной элите антиимперские настроения были особенно сильны. Академик С.Б. Веселовский, «один из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV-XVII веков», либерал и даже социалист, пишет в дневнике в 1917 г.: «Еще в 1904-1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более, чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т.е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов» [5, с. 31].

После краха монархии в среде этнических элит стало преобладать стремление к «огосударствлению наций» — начался распад империи, вызванный не отпадением частей, а разрушением центра.

Государство в этом разрушительном повороте элиты встало на сторону привилегированных слоев — и углубило раскол народа, а затем и кризис этнического самосознания русских. Этот кризис, в начале XX века, самосознания «имперского» русского

народа отражен во многих текстах современниками. С.Б. Веселовский пишет в мае 1917 г.: «Одна из причин разложения армии — та, что у нее, как и у большинства русских, была уже давно утрачена вера в свои силы, в возможность победить... Вот уж подлинно, навоз для культуры, а не нация и не государство... Упадок уже наметился и стал для меня ясным в последнее пятилетие перед русско-японской войной» [5, с. 23-24]. Это подрывало всю конструкцию межнационального общежития.

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* февральской революции.

Прежде всего, сепаратизм поразил армию. Еще до Февраля 1917 г. были созданы национальные части — латышские батальоны, Кавказская туземная дивизия, сербский корпус. После Февраля был сформирован чехословацкий корпус, и вдруг «все языки» стали требовать формирования *национальных* войск. Командование и правительство не имели определенной установки и не были готовы к этому. Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов разрешил создание «Украинского полка имени гетмана Мазепы» (!). Началась «*украинизация*» армии (солдаты отказывались идти на фронт под хитрым предлогом: «*Підемо під українським прапором*»). В конце лета 1917 г. разгорелась борьба за Черноморский флот, на кораблях поднимали украинские флаги, с них списывали матросов-неукраинцев.

Начался территориальный распад. Польша и Финляндия (две территории с развитым национальным господствующим классом) потребовали независимости. Хотя Временное правительство декларировало курс на сохранение «единой и неделимой» России, вся практика способствовала децентрализации и сепаратизму не только национальных окраин, но и русских областей. Временное национальное управление мусульман внутренней России и Сибири провело всеобщие, прямые и тайные выборы в национальный парламент (милле меджлис), который должен был собраться 17 ноября в Уфе.

4 марта на собрании ряда социалистических партий в Киеве была образована Центральная рада, которая требовала территориально-национальной автономии Украины. 10 июня Рада провозгласила автономию, хотя позиции сепаратистов были слабы. Глава образованного Радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 г., признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 г. большевиками, а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации». Он добавляет, в упрек украинцам: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Как только рухнула монархия, подросшая национальная буржуазия стала рвать империю на куски, торопясь их «приватизировать». В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». Было разрушено здание межнационального общежития, рассыпана «симфония народов».

В этом деле не отставала и элита русских областей (например, Сибири). Резко усилилось сибирское «областничество» — движение за автономию Сибири. Конференция в Томске (2-9 августа 1917 г.) приняла постановление «Об автономном устройстве Сибири» в рамках федерации с самоопределением областей и национальностей, и даже утвердила бело-зеленый флаг Сибири. 8 октября открылся I Сибирский областной съезд. Он постановил, что Сибирь должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь Сибирскую областную думу и кабинет министров. Предусматривалась возможность преобразовать саму Сибирь в федерацию. Ожесточенными

противниками областничества были только большевики. После Октября 1917 г. Сибирская дума не признала советскую власть, и большинство ее депутатов были арестованы.

В ходе Гражданской войны рассыпанная империя была «пересобрана» на новой социально-политической основе — в форме СССР.²³ Возможность для этого была обусловлена тем фактом, что подавляющее большинство населения предреволюционной России было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 г. начали «снизу» сборку нового, уже *советского* имперского народа — обдумывали проект его жизни, в том числе национальной.

В сфере мировоззрения и теоретического знания большую роль сыграли большевики. Они не просто послужили организационной основой для выработки нового национального проекта России и подготовительной работы по сборке советского народа. Они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития — но по некапиталистическому пути. Так на целый исторический период была закрыта цивилизационная пропасть в российской элите — между западниками и славянофилами.

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [6].

А.С. Панарин писал, уже с опытом развала СССР: «И западническая, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в «русском марксизме» и примирились в нем... Советский человек, таким образом преодолевший «цивилизационную раздвоенность» русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение... Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом — без всяких изъянов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» [7, с. 140].

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

Мирного времени для этой работы не хватило — матрицу для пересборки страны пришлось достраивать в Гражданской войне, когда разные проекты проверялись абсолютными аргументами — кровью. Февральская революция была *антиимперской*. В ходе ее в разных частях России возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Большевики с самого начала видели Россию как легитимную исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали *общероссийскими* масштабами (в этом смысле их идеология была «имперской»). В 1920 г. нарком по делам национальностей И.В. Сталин сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо.

Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии, всегда рассматривались красными как явление *гражданской* войны, а не *межнациональных* войн. Красная Армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была, по выражению Л.Н. Гумилева, той пассионарной группой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Территория СССР была защищена обустроенными и

хорошо охраняемыми *границами* . И эта территория, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве (в том числе, в песнях, ставших практически народными), и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство *советского пространства* было в русском ядре советского народа.

Даже В.Д. Соловей в своей антиимперской книге признает: «Принципиально новым явлением была сформированная Советами русская идентификация со всем советским пространством, чувство ответственности за Советский Союз, который русские стали воспринимать как свою Родину. Именно среди русских союзная идентификация заметно преобладала над республиканской: социологический опрос в Москве осенью 1987 — зимой 1988 г. показал, что большинство респондентов (почти 70%) своей Родиной считали весь Советский Союз, а не РСФСР, с которой идентифицировали себя лишь 14% опрошенных. В целом среди русских уровень союзной идентификации был даже выше, чем в советской столице, составляя почти 80%» [8, с. 161].

В населении СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес») — общая ментальная карта. Территория всей страны была открыта для граждан СССР любой этнической принадлежности, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов и народностей СССР. Все это стало скреплять людей как граждан одной страны.

В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Важную роль в сборке страны сыграла *единая общеобразовательная школа* , давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и космического чувства традиционного общества). Через русский язык все народы СССР подключились к универсальной мировой культуре и осуществили быструю и мягкую модернизацию.

Согласно переписи 1979 г., 81,9% всего населения СССР (215 млн. человек) свободно говорили по-русски или считали русский родным языком.²⁴ В 1970 г. таких было 76% населения. При этом широкое использование русского языка сочеталось с устойчивым сохранением родного языка своей национальности: в 1926 г. свой родной язык сохраняли 94,2% населения, в 1970 г. 93,9% и в 1979 г. 93,1%.²⁵ Это значит, что в СССР сложилась специфическая *билингвистическая национально-русская культура* .

Выросшая из русской культуры советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР к *русской классической литературе* . Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России. А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирующих «лишних людей». Если сравнить это с типичным чтивом американского массового «потребителя культуры», контраст будет потрясающим» [7, с. 142].

Другим агентом такого собирания стала *Советская армия* , через которую с 30-х годов пропускалась большая часть мужского населения (при этом в армии было принято рассылать солдат в отдаленные от их «малой родины» места). Полиэтническими поселениями стали в СССР крупные города, которые превратились в центры интенсивных межнациональных контактов. Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую, идеологию и общий тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей).

Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое *народное хозяйство* . Оно изначально создавалось как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм как «общество принудительного и

безумного развития » — в начале XX века почти у всех народов России, и прежде всего у русских, было сильно ощущение, что в таком обществе жизнь для них станет невозможна (эти догадки, в общем, оказались прозорливыми).

Советское предприятие, по своему социально-культурному генотипу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это — уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*. Она возникла еще до советской власти, но свои классические *этнические* (советские) черты приобрела в 30-е годы во время форсированной индустриализации всей страны. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *многонациональный народ*.

Насколько эффективной была эта модель национально-государственного устройства, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг.

Таким образом, в советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии — формирование большой многонациональной «гражданской» *нации* с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Это и предопределяло прочность системы межнационального общежития.

В конце перестройки и в 90-е годы о советском народе наговорили много странных вещей — и справа, и слева. Сейчас идеологический накал снизился, в литературе появляются спокойные суждения специалистов. В.Ю. Зорин в книге «Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива» (2003) пишет об СССР и его правовой основе: «В его рамках действительно сформировалась новая полиэтническая общность со своей четко выраженной социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, ценностями и критериями духовной жизни» [32, с. 202].

Этой точки зрения придерживается и известный исследователь национального вопроса в СССР П. Кольстё. Он считает процесс становления гражданской нации в Российской Империи и СССР непрерывным. Согласно его точке зрения, дореволюционная Россия была надэтнической «сверхнацией», ядро которой составлял русский этнос, а верхушка обладала державным, имперским, но не национальным самосознанием. В СССР также сложилась надэтническая нация «советский народ».

Даже по мнению антисоветского социолога Ю. Левады «советский народ» — суперэтническая категория, синтезирующая идею государственности и национальной идентичности («семья народов»). По его словам, в советское время эта категория «подавляла и заменяла остальные социогрупповые идентичности, прежде всего этнические». Это сказано как обвинение, но речь идет о том, что в советском обществе этничность отдельных народов была выражена слабее, чем общегражданская идентичность — что и является признаком гражданской нации [13].

Строительство СССР было большим *цивилизационным* проектом мирового масштаба. В подобных проектах взаимодействуют массовое *обыденное сознание* («здравый смысл» народов), *теория* (в понятиях которой мыслит правящая элита) и *утопия* (идеальный образ будущего — «стремление вдаль, братающее нас»). Здравый смысл (преимущества совместной жизни в большой сильной стране) побуждал большинство поддерживать связность советского народа. Это проявилось на референдуме 1991 г. и во множестве последующих исследований. Утопия (братство народов в единой семье) также сохранила свою сплачивающую силу вплоть до ликвидации СССР. К несчастью, принятая в марксизме и унаследованная советским обществоведением теория этничности и нации была ошибочной и в принципе негодной для проектирования и строительства народа именно в Советском Союзе, где революция произошла «не по Марксу».26

Теоретические основания, по которым можно было узаконить понятие советской нации, имелись. Представление о советском народе как полиэтнической гражданской нации лежало в основе евразийства — целостной концепции будущего образа России, созданной в XX веке. Н.С. Трубецкой писал в 1927 г.: «Национальным субстратом того государства,

которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом... Это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским, т.е. евразийством... Только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности, без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех ее частей» [10].

Советское государство имело основания опереться на эту доктрину, т.к. она уже была укоренена в общественной мысли с конца XIX века во всех ее направлениях, за исключением либерального западничества. Да и фактически работа по созданию СССР велась с опорой на эту доктрину.

Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи — или преобразовать ее в федерацию республик. Задача состояла в том, чтобы *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собрание могло быть проведено или в войне с национальными элитами «кусков» — или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при “обретении независимости” национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови. Скорее всего, иного пути собрать Россию и кончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно.

Факт заключается в том, что большевики в октябре 1917 г. *унаследовали* национальные движения, которые вызревали уже в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя сумела преодолеть системный кризис 1905-1917 гг. и продолжить свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии и национальной интеллигенции неминуемо привели бы к мощным политическим движениям, требующим отделения от России и создания национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России.

Монархическая государственность с этим справиться бы не смогла, и Российская империя была бы демонтирована. Большевики в 20-е годы XX века нашли способ обуздать эти движения (а в конце XX века просоветская часть КПСС такого способа не нашла). Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять большевиков в том, что они не совершили невозможного, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо сильнее консолидированное, нежели Российская империя. Понять это необходимо потому, что нынешнее поколение, допустив расчленение СССР, стоит перед угрозой разрушения системы межнационального общежития и в Российской Федерации, которое обернется еще более тяжелой катастрофой.

Это знание сегодня необходимо несмотря на то, что опыт 20-х годов не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме. Мы, например, почти не обращали внимания на тот смысл, который придавался *социальной* идее как средства ослабления власти *национальных* элит. Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей силе идеи союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов России. А в практике государственного строительства СССР удалось добиться сосредоточения реальной власти в центре с таким перевесом сил, что вплоть до 80-х годов власть этнических элит была гораздо слабее центра.

Перестройка на десять лет лишила страну пространства для спокойных развернутых

рассуждений. По мере угасания антисоветского психоза оценки становятся разумнее. В работе конца 1997 г. в «демократической» газете уже читаем такое суждение: «В национальном смысле коммунисты не только остановили хаотический распад России, но и воссоздали единство и территориальную целостность страны, мобилизовали народ на построение великой державы, хотя и тираническим путем. Красная Империя стала иным способом существования Империи Белой» [11].

Надо учесть и оценки западных ученых, которые изучали историю национально-государственного строительства СССР. Согласно их оценкам, модель Советского Союза была *творческим* достижением высшего класса.²⁷ Укротить на целый исторический период силу радикального национализма — это труднейшая задача, которую в тот период советское руководство решило, и сегодня сваливать на него вину за то, что в 80-е годы удалось вновь разжечь этот радикальный национализм, чтобы разрушить СССР, — признак упадка нашей общественной мысли.

К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... Австро-Венгрия сжалась в своих границах до размеров ее германского ядра, некогда могущественное Османское государство, в течение многих веков занимавшееся «одомашниванием» находившегося в его пределах религиозного и этнического многообразия, сократилось до размеров своей внутренней турецкой цитадели, которая была затем перестроена по модели утвердившейся национальной идеи. И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм...

Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества» [12, с. 95-96].

Даже сегодня, на антисоветской волне, социологи отмечают тот факт, что нынешняя Российская Федерация унаследовала от советской системы прочный фундамент для сборки современной гражданской нации — прочнее, чем у моноэтнической Польши. Этот фундамент, однако, находится под угрозой. Е.Н. Данилова пишет: «Россия, будучи преемницей Советского Союза, идеалами гражданского проекта которого восхищались западные мыслители, в определенном смысле обладала более модернизированными по сравнению с Польшей позициями: у россиян были все предпосылки идти по пути современной общегражданской идентичности. Однако, вместо того в России может наметиться тенденция замыкания в этническом или местном сообществе» [13].

Итак, страну собрали как Советский Союз. Исходили при этом из реальных обстоятельств. Так была решена главная проблема момента — закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну. Это соответствует одному из главных правил здравого смысла — каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Понятно, что при такой сборке страны были заморожены и преобразованы проблемы, «посеянные» в Российской империи. Их урожай пришлось собирать будущим поколениям — в 80-е годы XX века. В решении этих проблем наши поколения оказались несостоятельны.

В России начала XX века капитализм «посеял» потенциал политизированной этничности, который со временем и *при определенных условиях* мог вырасти до непредсказуемых размеров. Так оно и вышло — никто не мог даже в середине 80-х годов предсказать, что через три года начнется война между Советской Арменией и Советским Азербайджаном. Это был провал обществоведения, но теперь-то надо учесть результаты последующего анализа.

Вот что пишут американские специалисты по национальным отношениям в СССР: «Парадоксально и вопреки ожиданиям коммунистов и большинства западных наблюдателей,

но в Советском Союзе образовались новые нации, более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли » [14]. Итак, процесс этот происходил «вопреки ожиданиям» большинства специалистов, то есть не был тривиальным и предсказуемым. Более того, ход его был *парадоксальным*, то есть, перед нами — необычная система с мощными и скрытыми синергическими эффектами. Движущие силы этого процесса были неустранимы, поскольку главной из них было «создание национального рабочего класса, новоурбанизированного населения, национальной интеллигенции и этнической политической элиты». Все это — необходимые условия развития страны.

Более того, из описания американских этнологов следует, что и политика форсированной индустриализации, и советская практика укрепления традиционного «семейного единства» *тормозили* развитие национализма в союзных республиках. Иными словами, действовала большая система разнонаправленных сил, и этой системой было нужно и можно *управлять*. В течение полувека этой системой управляли умело и в целях укрепления Союза, а с середины 80-х годов — в целях расчленения Союза (или катастрофически неумело). В этом суть дела.

Как любая большая система, нация может или развиваться и обновляться, или деградировать. Стоять на месте она не может, застой означает распад соединяющих ее связей. Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (вроде холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники внутри страны.

В СССР на ветви развития этничность занимала в сознании людей небольшое место — мысли и чувства были заняты теми перспективами, которые открывал прогресс общества во всех его проявлениях. Социальная и географическая мобильность, доступ к учебе, творчеству, культурным ресурсам не побуждал людей к тому, чтобы замкнуться в своем этноцентризме. Как писал А.С. Панарин, «парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил «советскому человеку» юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции — она принадлежала прогрессу» [7, с. 170].

Как только идея прогресса и единое социалистическое содержание национальных культур в СССР были в конце перестройки «репрессированы» идеологически, а затем и лишились своих политических и экономических оснований, на первый план вышла агрессивная политизированная этничность, и «архитекторы» взорвали ее мину под государственностью. Уничтожение социальной основы, на которой собиралась «семья народов» («приватизация» в широком смысле слова), разрушило все здание межнационального общежития. Сохранение его остатков в «постсоветских государствах» обеспечивается сохранением остатков советской системы. Таким образом, государство и население нынешней России оказались перед реальной *угрозой* обрушения страны как дома множества народов. Предотвращение этой угрозы или смягчение последствий катастрофы зависит от разумности стратегических решений и способности их реализовать.

Кратко вспомним этапы созревания этой угрозы. Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с *социальных* проблем на сферу *межнациональных отношений* было принято в стратегии холодной войны уже в 70-е годы. Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против *целого*. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Более того, они взяты на

вооружение в планах по устройству Нового мирового порядка. Автор нашумевшей книги-пророчества «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтон пишет: «Наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, не между бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [15].

В 70-е годы возник альянс антисоветских сил в СССР и его геополитического противника в «холодной войне». В годы перестройки уже с участием властной верхушки КПСС по советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезам — от хозяйственного до символического. Были использованы инструменты всех больших идеологий — либерализма, марксизма и национализма.

Рупором идеи разрушения Советского Союза стал А.Д. Сахаров. Предложенная им «Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии» (1989) означала расчленение СССР на полторы сотни независимых государств. Например, о нынешней РФ в ней сказано (ст. 25): «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций» [16, с. 272]. Примечательно, что в этой «конституции» Северный Кавказ в Россию не включен — он входит в «ряд других республик».

В «Предвыборной платформе», которую Сахаров опубликовал 5 февраля 1989 г., было выдвинуто такое требование: «Компактные национальные области должны иметь права союзных республик... Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик». Помимо полной (!) экономической самостоятельности эти «области» и даже части «республики Россия» должны были получить свои силовые структуры — предполагалась не только политизация этничности, но и ее вооружение.

Вот ст. 20 «конституции» Сахарова: «Вооруженные силы формируются на основе Союзного договора... республика может иметь республиканские Вооруженные силы или отдельные рода войск, которые формируются из населения республики и дислоцируются на ее территории». А вот ст. 23: «Республика имеет собственную, независимую от Центрального Правительства систему правоохранительных органов (милиция, министерство внутренних дел, пенитенциарная система, прокуратура, судебная система)» [16, с. 270-271].

В информационно-психологической подготовке политических акций принял участие весь цвет либерально-демократической элиты. Вот несколько кратких утверждений из огромного потока программных сообщений в широком диапазоне авторов. Историк Юрий Афанасьев: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Советник президента Галина Старовойтова: «Советский Союз — последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца II мировой войны... Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии».²⁸

Историк М. Гефтер говорил в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным. В. Новодворская: «Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами».²⁹ Писатель А. Адамович заявлял на встрече в МГУ: «На окраинах Союза национальные и демократические идеи в основном смыкаются — особенно в Прибалтике».

Довольно быстро обнаружилось, что подрыв легитимности Советского Союза предполагал свое продолжение в форме отрицания и постсоветской России. В 1992 г. популярный в кругах реформаторской элиты журнал «Век XX и мир» опубликовал большую концептуальную статью В. Каганского «Российское пространство: части сильнее целого». В ней сказано: «Советский Союз был не столько государством, сколько способом временной организации пространства, обреченного на распад. Восприимство Россией наследства СССР — наследование его судьбы. В России есть печатный станок обесценивающихся рублей и неисполняемых указов, военное командование с массой атомных бомб. Кроме того — масса

надежд, мифов и претензий. Больше, в сущности, нет ничего. Нет общего пространства нормы, закона, власти, силы, валюты, идеи... На административные ячейки распадается не Россия, но лишь одноименная административная ячейка бывшего СССР» [33].

Вспомним первые этапы реализации доктрины развала СССР во время перестройки. В июне 1987 г. Европарламент учредил «День памяти жертв геноцида в Армении». Началась череда торжественных церемоний в Ереване. К этому были приурочены публикации писателей З. Балаяна и С. Капутикян, в которых ненависть к туркам переносилась на соседей-азербайджанцев, которых называли не иначе, как «турками». Готовился кровавый конфликт — самое эффективное средство разрушения межнациональных отношений.

Генерал-майор КГБ В.С. Широнин, направленный в зону конфликта, пишет: «Первый сигнал к волнениям в Карабахе поступил к нам «из-за бугра». Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 года во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание узнать о том, что Карабах стал армянским. «Как экономист, — сказал академик, — я считаю, что он больше связан с Арменией, чем с Азербайджаном». Кроме того, в Москве широко распространились слухи о том, что Аганбегян сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой всемогущий генсек ЦК КПСС якобы сказал, что Карабах будет передан Армении. Поразительно, несмотря на этот чрезвычайно устойчивый слух, ни тогда, ни позже, даже в разгар карабахской войны, Горбачев ни прямо, ни косвенно его не опроверг. А ведь тот слух был вполне «материальным», он сильно подогрел события в Карабахе.

Заявление Абега Аганбегяна мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, для радиостанции «Айб» в Париже, а также армянских редакций радио «Свобода», «Голос Америки» и других... В результате прозвучавший в далеком Париже призыв к беззаконию стал по сути началом карабахского конфликта» [17, с. 256-257].

В Москве идею «исторической принадлежности Карабаха к Армении» сразу поддержал Сахаров. В письме Горбачеву он потребовал передачи НКАО в состав Армении и начал кампанию в прессе. Одновременно были созданы условия для вооружения боевиков Народного фронта Азербайджана³⁰ [17, с. 278].

Надо заметить, что, возбуждая агрессивную этничность, антисоветская интеллигенция заведомо жертвовала демократическим проектом — она открывала путь этнократическим режимам. Видный публицист А. Латынина писала: «Стратегия русской демократической интеллигенции потерпела сокрушительное поражение. Она поддержала этнократические движения в республиках, квалифицировав их как национально-освободительные» [18].

В 1991 г. был проведен референдум с провокационным вопросом — надо ли сохранять СССР. До этого сама постановка такого вопроса казалась абсурдной и отвергалась массовым сознанием. Теперь сам президент заявил, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения и надо бы этот вопрос поставить на голосование. Как мы помним, 76% проголосовавших высказались за сохранение Советского Союза.

В республиках со сложным этническим составом ценность системы межнационального общежития, созданного в СССР, ощущалась особенно остро. В голосовании на референдуме о судьбе СССР в Узбекистане приняли участие 95% граждан, из них за сохранение Союза высказались 93,7%, в Казахстане явка была 89%, «да» сказали 94%, в Таджикистане явка была 94%, «да» сказали 96%.

Но против СССР проголосовала элита двух привилегированных столиц. В западной прессе советник Ельцина, директор Центра этнополитических исследований Эмиль Паин в статье «Ждет ли Россию судьба СССР?» оправдывался: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю» [19].

Это наивная демагогия. Что за «коммунизм» надо было ликвидировать, ради чего не

жалко было уничтожить великую державу? Коммунизм Сталина? Нет — Горбачева и Яковлева. Знали и Паин, и его «интеллигенция», что от коммунизма у того “политического режима” осталось пустое название, которое он и так бы через пару лет сменил. Голосовали именно против Союза и его жизнеустройства.

В важной книге “Есть мнение” на основании многостороннего анализа опросов 1989-1990 гг. делается вывод, что в тот момент уровень политизации этнического чувства был еще очень низок: «Наибольшую значимость этих вопросов выразило население Прибалтийских республик (максимальное значение — 23%, минимальное — Украина — 6%)... [На Украине] кроме гуманитарной интеллигенции (писателей, журналистов, педагогов) этими вопросами мало кто встревожен... Проблематика «крови и почвы» волнует преимущественно националистические почвенные группы и носителей «фрустрированного» сознания. В целом это маргинальные группы, довольно оппозиционно настроенные к существующей официальной власти и ее планам... В целом их позиция мало значима для основной массы населения (на Украине этот пункт анкеты получил наименьшее число голосов — 1%; близкие данные по Казахстану — 2%)» [20, с. 198-199].

Но надо сказать, что одни только «западники» не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции развал страны, а значит, и поражение России в тяжелой холодной войне. Немалую роль тут сыграли и «патриоты», отвергавшие имперское устройство России. Исходя из представлений этнонационализма, они пытались доказать, что сплотившиеся вокруг русского ядра нерусские народы Российской империи, а затем СССР, истощают жизненные силы русского народа — грубо говоря, «объедают» его. Представители «правого» крыла разрушителей межнационального общежития СССР высказывали совершенно те же тезисы, что и крайняя западница Г. Старовойтова (иногда совпадение у них почти текстуальное).

Д.Е. Фурман пишет: «Несомненно, стремясь к сохранению Союза, в котором они видели продолжение империи, великое русское государство, «правые» [«патриоты»] тем не менее подготовили всю аргументацию, необходимую для его развала, и практически лишили себя возможности этому развалу сопротивляться. Для тех, кто хотел покончить с Союзом, нужно было только перехватить у них их лозунги и аргументы и довести их логику до конца и до практических действий.

Аргументация правых националистов сразу же была подхвачена литовскими, эстонскими и прочими сепаратистами... Но самое важное, что в конечном счете и решило судьбу Союза, эта аргументация и сама идея «отделения России» были подхвачены как раз теми, кто рассматривал националистов своим основным врагом, — российскими демократами» [21].

Так, сразу после роспуска СССР в Беловежской пуще И.Р. Шафаревич выступил с большой статьей «Россия наедине с собой» [22], где высоко оценил эту акцию, которая принесла народу такие беды. Кстати, само название статьи говорит о принципиальном отрицании имперской России — прежде ни монархисты, ни белые, ни красные не считали, что Россия «наедине с собой» расположена на территории нынешней РФ.

Что же хорошего видит И.Р. Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего, разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: «Мы освободились от ярма «интернационализма» и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств». Тут он грешит против исторической правды. Мы ни к чему не «вернулись», а переброшены в новое для России качественное состояние. «Ярмо интернационализма» возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда в государство изначально собирались этнически разные племена. Князь Игорь, герой русского эпоса — по крови на три четверти половец. Идея создания «нормального национального русского государства» просто скрывает в себе идею уничтожения исторической России.

И.Р. Шафаревич отвергает сложившийся за многие века принцип построения российского государства и предлагает взять за образец «нормальные» государства Запада

(ведь все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира».

Здесь опять мифология — дореволюционная Россия по своему устройству вовсе не была похожа ни на «подавляющую часть государств мира», ни на «нормальное национальное государство». Дореволюционная Россия была многонациональной империей, при этом непохожей на другие, колониальные империи. И вообще, ничего «нормального» в государственных устройствах нет ни в США, ни в Германии, ни в Монако — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически. Каждый государственный организм имеет множество своих, уникальных черт.

Как ответ И.Р. Шафаревичу можно напомнить слова другого патриота (до перестройки — критика СССР), А.С. Панарина, из его последней книги: «Только теперь, после наступления этого момента истины [реформы 90-х годов], все мы можем оценить, чем в действительности был для всех нас Советский Союз. Он был уникальной, не предусмотренной Западом для других народов перспективой самостоятельного прогресса и приобщения к стандартам развитости. Западная цивилизационная дихотомия: Запад и остальной мир, Запад и варварство, Запад и колониальная периферия — была впервые в истории нарушена для гигантского региона Евразии» [7, с. 173].

Философию и технологию развала Союза надо понять, поскольку Российская Федерация по своему национально-государственному типу — тот же Советский Союз, только поменьше. Никуда не делись ни философия развала, ни сами философы. Леонид Баткин, один из «прорабов» перестройки, сказал после ликвидации СССР, напоминая своим соратникам: «На кого сейчас рассчитана формула о единой и неделимой России? На неграмотную массу?..»

После ликвидации СССР антисоветский сепаратизм продолжал питать антироссийский национализм элиты постсоветских республик. Поскольку он продолжает оставаться важным фактором в системе угроз для России, его изучение остается актуальной задачей. Каковы достижения противников России на этом фронте?

За 90-е годы им удалось произвести два стратегических прорыва. Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из *«русоцентричного»* в *этноцентричное*. Ранее за русским народом безусловно признавалась роль «старшего брата» — ядра, скрепляющего все народы страны. С конца 80-х годов, наоборот, прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание — этнический национализм, обращенный вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России. Это резко затрудняет восстановление испытанных веками форм межнациональных отношений, создает новые расколы, замедляет преодоление кризиса из-за нагромождения новых, необычных задач.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели настроить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя *сепаратизма*, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Разделение СССР как государства советского народа резко ослабило связность и тех осколков, которые возникли после его развала. Та трещина, которая прошла по Украине, говорит о беде, зреющей во многих народах. Ведь соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, давным-давно осознавшие себя едиными, начинают расходиться на субэтноты.

Ослабление связности регионов. Этот процесс разделяет не только этнические общности, но и большие народы по административным единицам — *регионам*. Механизм разделения многообразен.

В ходе общего обеднения большинства населения России резко усилилось расслоение регионов по доходам населения. Одним из принципов советской социальной политики было постепенное выравнивание регионов по главным показателям благосостояния. В ходе реформы региональная дифференциация резко усилилась. Нарушились устоявшиеся,

стабильные соотношения в социальных индикаторах разных республик, краев и областей Федерации. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,53 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, а в 2006 г. составила 10,2 раза.

Да, положение улучшается, но стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны. Какова же программа действий государства? Зимняя олимпиада, свободные экономические зоны,... а в Ингушетии 70% населения — безработные. Какой тип культуры там вызревает? Связет ли Ингушетию со страной Интернет, который там проводят в каждую школу? Интернет — наш национальный приоритет...

Связующая сила национальной информационной системы резко ослабла уже просто из-за распада материально-технической базы этой системы. Это наглядно происходит в системе СМИ. Иногда говорят, что современные нации создал «печатный станок» — прежде всего, центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации. Реформа первым делом ликвидировала эту «скелетную» систему, превратив главные газеты в торговцев, конкурирующих на рынке. Кроме того, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете — разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз.

Но главное, газеты, якобы подчиняясь диктату рынка, стали нагнетать информацию, углубляющую все трещины и расколы, возникшие в обществе. Особенно это касается межнациональных отношений. Тут, как выражаются социологи, в СМИ господствует «язык вражды». В одном и том же номере науськивают подростков на «лиц кавказской национальности» — и представляют спровоцированных подростков «русскими фашистами».

Каковы тенденции в техносфере? Ведь она играет важнейшую роль в соединении людей и территорий. Большие технические системы — транспортные, энергетические, информационные, делают организм страны единым, как кровеносная система человека. В целом, мы видим деградацию систем, которые служили всем людям, и оживление той их части, которая обслуживает меньшинство.

Слабеет общественный транспорт — укрепляется парк личных автомобилей; в 4 раза сократились авиаперевозки пассажиров внутри России — но взмыли вверх перевозки в дальнее зарубежье; почта стала людям не по карману — но растет Интернет-сообщество. По российским рекам, которые соединяли десятки тысяч деревень и городков, поток пассажиров сократился в 5 раз. Не связывают теперь реки наши села и города. Сколько мы слышим о строительстве дорог — как будто и впрямь у нас строительный бум. Наконец-то! Но ведь в 1991 г. было построено 43 тыс. км дорог, а в 2005 г. 2 тысячи! И это число не растет.

Вещь банальная — пространственная связность страны. Наблюдается деградация не только общежития «большого народа» (СССР и России), но и крупных этнических общностей — таких народов, как, например, мордва или чуваш. Так, мордовское национальное движение раскололось на эрзянское и мокшанское. Поначалу, в середине 90-х годов, это приняли как «политическое недоразумение». Но радикальные националисты заявили, что мордвы как этноса не существует и надо создать эрзяно-мокшанскую республику из двух округов. При переписях многие стали записывать свою национальную принадлежность посредством субэтнических названий.

Чуть позже похожие процессы начались среди марийцев — при переписи 2002 г. 56 тыс. назвали себя «луговыми марийцами», а 19 тыс. — «горными». Горные были лояльны властям Республики Марий Эл, а остальные ушли в оппозицию. В том же году одно из движений призвало северных коми при переписи записаться не как «коми», а как «коми-ижемцы». Половина жителей Ижемского района последовала этому призыву.

Трещины пошли и по Российской Федерации в целом. Например, конституция Татарстана определила его как «суверенное государство, субъект международного права», а «Закон о недрах» объявил недра Татарстана исключительной собственностью республики. Проявились сепаратистские поползновения местных элит и в областях, населенных русскими. В октябре 1993 г. Свердловская область приняла конституцию Уральской

республики, такое же намерение высказывалось в Вологодской области. Это были пробные шары — поддержки населения эти маневры не получили, и о них предпочли забыть.

Огромный регресс в государственном строительстве постсоветских народов означало установление *этнократических* режимов. Они сразу разорвали множество связей, скреплявших межэтническое общежитие, культурные и хозяйственные отношения между народами, саму систему информационных каналов, соединявших этносы в нацию. В качестве признака этнократии называют *сверхпредставительство* на ключевых позициях в управлении народов, давших название республике. Так, в Адыгее, где адыги составляют 20% населения, они занимают 70% руководящих постов. В Татарстане до перестройки только 2% предприятий возглавлялись татарами, а в конце 1990-х годов — 65%. Это, в общем, ведет к снижению уровня управления в экономике. Этнократия ведет к архаизации государственной системы, возрождает клановость властных полномочий, претензии на власть родоплеменных образований.

Проявлением этнократических тенденций служат и территориальные претензии к соседним народам. Для этого используются исторические (часто «удревненные») источники, обвинения в адрес советской власти, даже риторика социального и этнического расизма. С этнократических позиций иногда выступают политические деятели национальных территорий, богатых нефтью и газом, пытаясь под лозунгами защиты народов Севера получить какие-то преимущества в своих групповых интересах. Этническая окраска часто лишь маскирует эти интересы, но при этом усиливает их деструктивный характер.

Связность России ослабевает в результате «лингвистического национализма» — этнократических манипуляций с языком.³¹ В некоторых республиках делались попытки перевести письменность с кириллицы на латинский алфавит или придать языку титульного народа статус государственного. По данным переписи 1989 г., в Хакасии на русском языке свободно говорило 91% населения, а на хакасском 9%. Тем не менее, в 90-х годах была сделана попытка вести школьное обучение на хакасском языке. Попытка не увенчалась успехом, как и аналогичная попытка с коми-пермяцким языком. Все это может показаться мелкими проявлениями дискриминации, но эти мелочи подтачивают межнациональные связи.

Еще один механизм демонтажа народов (в том числе русского) — конструирование *региональной* этничности. Выше уже говорилось об этническом разделении «горных» и «луговых» марийцев, о попытках выделить из народа коми население одного района (коми-ижемцев). Усилия в этом направлении не прекращаются. Так, в октябре 2006 г. в Ростове-на-Дону, в Ростовском государственном (!) университете прошла международная конференция, посвященная проблеме «формирования *южнороссийской* идентичности». Она была организована Американским советом научных сообществ и Международной гуманитарной школой. Спонсорами выступали организации США. Докладчики с Украины и из Польши обсуждали способы расколоть единое русское сознание [24].

В данном случае объектом было население юга России, но «региональная идея» обсуждается и в других местах. В Российском статистическом ежегоднике 2007 г. в списке национального состава России появилось два новых народа, отщепившихся от русских — *поморы* и *казаки*. Произошло этническое самоопределение достаточно большой части двух региональных общностей, чтобы официально внести их в список народов и народностей.

Программы по изменению этнического самосознания региональных общностей обычно являются лишь прелюдией к действиям в плане того или иного сепаратизма. Так, в начале 2008 г. казаки Нижне-Кубанского казачьего округа грозили отказом от российского гражданства [25]. Они мотивировали это коррупцией в Ставропольском крае, однако для выбора столь необычной формы протеста надо было сначала разогреть «политизированную этничность».

В июне 2007 года лидер «Областнической Альтернативы Сибири» М. Кулехов опубликовал на весьма посещаемом московском интернет-сайте обзор под заглавием: «Доживет ли Российская Федерация до 2014 года?» В разделе «*Что такое «сибирская*

нация»? » автор пишет: « По данным социологических опросов, проведенных в Иркутске и Братске иркутским рейтинговым агентством «Кто есть кто», за автономию Сибири выступают около 60% опрошенных, за ее государственную независимость — около 25%. На вопрос «кем вы себя считаете — «россиянином», «русским» или «сибиряком» 80% ответили — «сибиряком», и лишь 12% — «русским». При этом от трети до половины иркутян имеет бурятские или тунгусские корни. Можно вспомнить, что когда-то Забайкальское казачье войско на 80% состояло из бурят, и его составе были еще «конные тунгусы», напоминает Кулехов. Лидер ОАС считает себя именно **сибирским** националистом» [26].

Это — типичная конструктивистская программа «переформатирования» этнического сознания людей. Сибиряков, которые уже более полутора веков осознают себя русскими, побуждают искать «бурятские или тунгусские корни» их предков. Рядом такие же конструктивисты призывают бурят признать себя вовсе не бурятами, а потомками гуннов. В 2004 г. в статье «Потомки гуннов — объединяйтесь!» сообщалось: «Гуннский международный фонд — общественно-культурная организация, действующая в Бурятии, выступила с инициативой создания Союза гуннских родов Забайкалья. Члены фонда... считают, что только в Бурятии насчитывается 24 рода, которые ведут свою историю с эпохи гуннского царства» (см. [27]). Все это — элементы большой культурно-психологической операции по хаотизации этнического сознания населения нынешней России и демонтажа всей системы совместного проживания людей на ее территории. Это — большая война нового типа, к которой российское общество и государство не готовы и **не готовятся** .

Следует учесть, что все эти эпизоды возникают на фоне постоянного давления извне (со стороны США и Евросоюза) с требованием к России расширить права регионов и национальных меньшинств, снизить уровень централизации и «имперских» тенденций. Эти «геополитические партнеры» желают от России децентрализации и разрыхления, ослабления связности страны. Это — ползучая реализация доктрины Бжезинского, который заявлял о необходимости превращения России в «свободную конфедерацию, состоящую из европейской части, сибирской и дальневосточной республик».

Как мы видели со времен перестройки, все западные инициативы в отношении России быстро получают организационную базу и информационную поддержку внутри самой России (обзор таких программ самого последнего времени дан в [25]). Участвующие в этих программах организации поддерживают нужный тонус сепаратизма и в этнических, и в региональных общностях. Упомянутый выше М. Кулехов «от имени сибиряков» заявляет: «Мы этого [распада России] не боимся... Нас пугают тем, что, отделившись, Сибирь станет частью Китая. Но мы и так колония, нам ли бояться Поднебесной? Это всё равно, что тонущего пугать водой».

Установки «Областнической Альтернативы Сибири» он излагает так: «Мы не призываем к вооруженной борьбе, партизанщине и тому подобному. Боремся пока в рамках действующего законодательства. Статья 3-я Конституции РФ говорит: «Народ является единственным источником власти». Другая статья — что международные договоры и соглашения имеют приоритет перед национальным законодательством. А ведь существует резолюция Генеральной ассамблеи ООН №1514 о самоопределении колониально зависимых стран и народов. Сибирь как колония России имеет право на самоопределение вплоть до отделения» [26].

Заметим, что в работе по разделению России активно участвуют те же политические силы, которые в конце 80-х годов трудились над расчленением СССР — «империи зла». В программном заявлении предвыборного блока «За родное Приангарье», созданного в 2004 г. региональными отделениями СПС и Народной партии, говорилось: «У нас, сибиряков — пенсионеров и предпринимателей, учителей и офицеров — есть общие враги. Это те, кто вывозит заработанный в Сибири капитал за её пределы. Наша сибирская земля велика и обильна. Пора вернуть эту землю себе!» [25]. Очевидно, что интеллектуалы из Союза правых сил прекрасно понимали, что выдвигают банальный демагогический лозунг всех сепаратистов. Наверное, им и самим было противно говорить столь низкопробные вещи, но

служба есть служба.

Сепаратистские настроения региональных элит подогревают деятели Евросоюза. В. Жискард д'Эстен писал в своей книге (2000 г.): «Судьба России на геополитической карте еще не зафиксирована. Ее западная часть явно европейская. Но новый русский национализм, обостренный чувством потери статуса военной супердержавы, не готов отказаться от контроля над своими огромными азиатскими владениями, от Урала и до Тихого океана» (цит. в [25]). Эта «неготовность» России отказаться от Сибири представляется как временная, обусловленная уязвленным национализмом.

Для провокационных демаршей используются культурные мероприятия типа фестивалей и «съездов». В июне 2008 г. в Ханты-Мансийске прошел V Всемирный конгресс финно-угорских народов. Президент Эстонии в присутствии президента Д.А. Медведева обратился к представителям российских народов: «Наши поэты мечтали об эстонском государстве. И мы сделали выбор в пользу свободы и демократии. Многим финно-угорским народам еще предстоит сделать такой выбор» [25]. Это — лишь открытые публичные акции для постоянного поддержания напряженности. Но главная работа с «местными кадрами» ведется негласно и в деловом режиме. Она получает интеллектуальную и организационную поддержку и внутри России.

Активной интеллектуальной группой, которая разрабатывает проекты «региональной перекройки» России, стал Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФС). В 2000 г. он представил доклад «На пороге новой регионализации России». В нем выдвигается идея «надстроить» над старыми административными регионами новые — «культурно-экономические». Эта новая система должна иметь «лоскутный» характер и разрывать территорию старой России на манер «архипелагов» — так, якобы, строится ныне «Европа регионов» (или даже «Европа самоопределившихся муниципий»).³²

Эту идею поддерживает и Всемирный банк, который в докладе 1999 г. называет главной тенденцией начала XXI века «возрастание значения региональных и наднациональных институтов при значительной элиминации роли государства» (см. [25]). Советы России перейти к этой «новой региональной политике» даны Всемирным банком в его «Докладе об экономике России» (2005).

В 2004 г. был представлен доклад ЦСИ ПФС «Россия: принципы пространственного развития» (ред. В. Глазычев и П. Щедровицкий). В нем изложена стратегическая доктрина кардинального изменения всей системы расселения людей и размещения «производительных сил» на территории России. Здесь мы коснемся только предложений, непосредственно касающихся темы этой главы.

Начинается доклад с туманного предупреждения: «Множество западных источников указывают на относительное сокращение роли национальной государственной машины». Эти указания «западных источников», представленные как некий глас свыше, принимаются как исходный постулат Доклада.³³

Предлагая принципы тотальной переделки пространства России, авторы постоянно ссылаются на опыт Запада и его малонаселенных частей (Австралии и Канады). Но при этом они признают, что критерии подобия между Россией и этими образцами не соблюдаются. В Докладе сказано: «Исторический процесс формирования ландшафта России имеет лишь сугубо поверхностные признаки подобия с другими территориальными системами, будучи доказуемо уникальным. Мера одновременного разнообразия как ландшафтов, так и этноконфессиональной конструкции российского государства значительно превышает аналогичные характеристики иных государственных образований».

Вот как видят переформатирование России проектировщики ЦСИ ПФО: «Есть основания прогнозировать следующие изменения. Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни в ее искаженном советской эпохой формате — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев, где можно ожидать формирования агроиндустриальной схемы, управляемой крупными холдингами, базирующимися на сращении банков и региональной власти... В русских областях, в

отсутствие (маловероятного) притока иммигрантов из дальнего зарубежья, необходимо предвидеть исчезновение одного малого города из трех, так как на них всех не хватит населения... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит» [28].

Выделим в прогнозе, из которого исходят авторы Доклада, только то, что относится к этнической стороне жизнеустройства России. Главное утверждение касается русского населения: «Окончательное исчезновение останцев традиционной русской деревни... — повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев... Исчезновение русского сельского населения должно способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре за счет дальнейшей этнизации региональных элит».

Это — беспрецедентная в истории идея радикальной переделки межнационального общежития путем своеобразной «этнической чистки» всей сельской местности страны. «Исчезновение русского сельского населения» — вот какие «принципы пространственного развития» вынашиваются в российских центрах стратегических исследований! Какого же результата ждут стратегические исследователи? Это «исчезновение» приведет к «дальнейшей этнизации региональных элит». Такой принцип конструирования межэтнического общежития называется *апартеид*. Мы не имеем в виду его одиозные формы, какие были приняты в ЮАР. В данном случае речь идет о сельских поселениях. Русские оттуда перемещаются в города, а в сельской местности остаются нерусские народы. Как в Латинской Америке — в городах европейский модерн, а в сельской местности — традиционалистские индейские общины.

Надо подчеркнуть, что авторы Доклада видят стратегическое развитие России не как соединение всего населения в полиэтническую гражданскую нацию, а именно как цивилизационное разделение русского и нерусских народов. В их представлении ликвидация «останцев» русской деревни «должна способствовать усилению традиционалистских рисунков в региональной культуре».34 Иными словами, модернизации подлежат крупные города, куда будет стянуто русское население из деревень и малых городов, а в «региональной культуре» произойдет отступление к традиционному обществу (точнее, архаизация).35

Отношения «зон развития» с остальной территорией России авторы Доклада видят как отношения метрополии с колонией. Они ставят такую задачу: «Наращивание различий между территориями — как на межрегиональном, так и на внутрирегиональном уровне. Это позволит сохранить потенциал экономического развития, который поддерживается значительным различием на большом пространстве. Мировая деревня есть утопия социального равенства, следствием которого является социализм и далее — стагнация и упадок. Потенциал развития — в колониационной (теперь экономической) политике. Различия между территориями мы должны рассматривать наподобие различий между метрополией и колонией, из которых теперь следует вывозить не столько людей, нефть, золото и алмазы, сколько знания и умения, чистоту и красоту природы».

«Вывозить красоту природы» — красиво сказано, но реальность колониационной политики груба и жестока, красивыми словами ее не прикрыть. Авторы Доклада предлагают *срочный* и *чрезвычайный* проект перестройки всей страны по схеме «метрополия-колония». Для обеспечения устойчивости России они считают необходимым выделить в ней анклав («зоны развития») с плотностью населения не менее 50 человек на 1 кв. км. Временной горизонт решения этой задачи — десятилетие, средства — радикальные, хотя авторы допускают, что они могут быть и ненасильственными.

В Документе сказано: **«В ближайшие десять лет достичь подобной плотности можно только одним способом — осознанно пойти на депопуляцию периферийных районов в большинстве областей**. При том, что средний эффективный радиус расселения вокруг малого города составляет порядка 50 км, достижение искомой плотности осуществимо на территории порядка 3 млн. кв. км, сосредоточенной вокруг примерно 400

городов, против сегодняшних 1080. Разумеется, приведенный выше усредненный расчет сугубо условен... Условностью, разумеется, является и игнорирование сложностей, сопряженных с выработкой и реализацией ненасильственных действий, необходимых для реконструкции системы расселения».

В принципе проект исходит из необходимости ликвидировать региональные национальные автономии, хотя и не на основе культурного и цивилизационного сближения территориальных единиц России (проект предполагает ускоренную индустриализацию зон развития и «усиление традиционалистских рисунков в региональной культуре»). Однако некоторые автономные республики предлагается устранить немедленно.

В документе сказано: «На среднесрочную перспективу вполне целесообразно сохранить границы субъектов федерации как учетных единиц — отчасти по сентиментальным соображениям, во избежание излишних социальных напряжений. Единственным исключением могут стать те регионы, где по малолюдности и наследуемой, затяжной экономической слабости сохранение самостоятельной канцелярии чрезмерно обременительно для федерального бюджета. Среди таких — Псковская и Новгородская области, Ульяновская и Пензенская области, Марий-Эл и, возможно, Удмуртия».

Этот Доклад важен как ясное представление проекта принципиальной перестройки межэтнического общежития России. Речь идет об историческом выборе, и все альтернативы должны обсуждаться и оцениваться. Нельзя делать вид, что подобные проекты не разрабатываются и не формируют средства их культурной и политической поддержки. Фигуры В. Глазычева и П. Щедровицкого, под редакцией которых был опубликован данный проект, являются известными и влиятельными в экспертном сообществе.

СМИ как инструмент разрушения межнационального общежития

В гл. 2 говорилось, что средством демонтажа советского народа стала *информационно-психологическая война*. Главным видом оружия в ней стали СМИ. Пока что российское общество и государство не имеют ни экономических, ни культурных, ни политических ресурсов, чтобы быстро и эффективно разрешить эту созданную реформой проблему. Нет даже политической воли для того, чтобы ограничить или компенсировать контрпропагандой явно разрушительные действия значительной части СМИ и их заказчиков.

Вот вывод социологов: «В масс-медиа доминирует «язык вражды». Массированную пропаганду нетерпимости, агрессивности и ксенофобии, осуществляемую СМИ, назвали фактором проявления нетерпимости в России 40,9% опрошенных в пяти городах России» [27]. Напряженность создается и влиятельными «интеллектуальными» передачами, например, передачей В. Познера «Времена» на 1 канале телевидения. Здесь более или менее явно звучит лейтмотивом мысль, что русскому массовому сознанию присуща ксенофобия и чуть ли не расизм.³⁶

Провокационный характер пропаганды проявляется уже в том, что СМИ гипертрофируют в массовом сознании уровень нетерпимости и масштабы конфликтов между этническими мигрантами и местным населением, навязывая массовому сознанию эту тему чуть ли не как главную в нашей национальной «повестке дня» и таким образом возбуждают *этноцентричную* сторону этого сознания. И те же самые СМИ настойчиво представляют практически все конфликты и случаи насилия, большинство которых происходит на экономической и бытовой почве, как следствие ксенофобии и этнической нетерпимости — создавая абсолютно ложный образ «русского национализма» и даже «русского фашизма», якобы поднимающегося из недр России.

Вот общий вывод, в разной форме повторяющийся во многих работах социологов и этнологов: «Масс-медиа становятся едва ли не самым заметным системным фактором, провоцирующим межэтнические противостояния... Конфликтогенные публикации в печатных изданиях и соответствующие передачи в электронных масс-медиа становятся

неизбежным спутником, а порой и причиной практически всех крупных межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве» [29, с. 17].

Причина в том, что новый тип информационной среды как части всей созданной в ходе реформы социальной системы России моментально делает любой локальный конфликт предметом внимания почти всей совокупности людей, которые идентифицируют себя с вовлеченными в конфликт группами. Рыночные СМИ устроены так, что они *раскручивают* спираль конфликта. Они многократно усиливают этническую солидарность с конфликтующими группами и подавляют солидарность гражданскую. В результате огромные массы людей превращаются в «виртуальных» участников конфликта — вне зависимости от расстояния до зоны конфликта. Ксенофобия охватывает целые регионы и придает локальному конфликту, который без этого уже был бы разрешен, широкий характер.

Осенью 2003 г. был проведен детальный анализ публикаций за три месяца десяти самых многотиражных центральных изданий — пяти ежедневных и пяти еженедельных газет (понятно, что это — ведущие «демократические» издания). Все статьи, как-то связанные с этнической темой, оценивались по степени конфликтности согласно классификации и индикаторам, принятым в уголовном и гражданском праве. Беспристрастный отчет об этом исследовании [31] рисует картину преступной деятельности по стравливанию народов России. Одно дело, когда на глаза тебе попала возмущившая тебя статья, и другое дело — увидеть подборку из десяти главных изданий. Впечатление исключительно тяжелое.

Поражает подлость участвующих в этой программе журналистов — они не могут не понимать, что делают. А редакторы ухитряются даже к безобидному информационному материалу придумать подлый заголовок и набрать его крупным жирным шрифтом — как в «Комсомольской правде» (4.06.2003) к статье М. Борисовой «Проститутки и азиатов выгонят из Москвы». Примечательна изощренность, с которой негативные высказывания о каком-то народе вставляются в материал, никаким боком не связанный с этническими проблемами — есть, значит, «социальный заказ».

По словам автора исследования, «Московская правда» побила все рекорды среди десяти изученных изданий по числу публикаций, явно провоцирующих этническую вражду и ксенофобию».37 Корреспондент этой газеты Э. Котляр так пишет о трудовых мигрантах: «Москва буквально переполнена людскими отбросами со всего бывшего Союза. По большей части это масса отчаявшихся, изголодавшихся, доведенных до неистовства людей, способных за ничтожную добычу перерезать горло первому прохожему... «Басмачи» буквально наводнили Москву, пользуясь ее демократическим либерализмом, и отвечают на гостеприимство лютой средневековой ненавистью и завистью к ее жителям» (цит. в [31, с. 154]). Начинаешь думать, что москвичей ждет какое-то возмездие за то, что вскормили таких «демократических либералов», как этот журналист.

Свою работу, разрушающую межнациональные отношения в России, многотиражные СМИ ведут упорно, не реагируя на разъяснения. После терактов, совершенных женщинами-самоубийцами, «Московский комсомолец» поучал: «А чтоб знать, кого бояться, необходимо запомнить, что шахиды это скорее всего: мусульмане, молодые, одинокие, получившие религиозное образование, скорее всего женщины, лишившиеся близких родственников» (цит. в [31, с. 138]).

Все эти приметы ложные. Данных о конфессиональной принадлежности смертниц газеты не имели, религиозного образования, по данным МВД, у них не было (было неполное среднее и среднее). Все они служили орудием в руках бандитов, многие были в состоянии наркотического опьянения. А главное, они действовали вопреки нормам ислама и не могли быть названы «шахидами» («борцами за веру»). На этот счет были *многочисленные* объяснения специалистов-исламоведов, а также официальные заявления духовных лидеров мусульман России.

Вот, Председатель Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин опубликовал обращение, в котором призвал прекратить употреблять в отношении чеченских экстремистов религиозные термины «шахид» и «воин Аллаха», поскольку «использование этих понятий по

отношению к террористам направлено на дискредитацию ислама, а эта тенденция очень опасна для нашего многоконфессионального светского государства».

Спрашивается, из каких соображений многотиражные СМИ игнорировали этот призыв? Ведь это не шутки, за этим стоит важное политическое решение. На чьей стороне находятся владельцы и менеджеры этих СМИ в информационно-психологической войне, которая ведется против России?

Мониторинг десяти главных изданий показал, что не выполняются ни Федеральный Закон «О средствах массовой информации», ни законы, запрещающие пропаганду межнациональной розни, ни «Кодекс профессиональной этики российского журналиста». Объяснения, которые дают руководители СМИ, или откровенно циничны, или имитируют наивность.

Когда главного редактора «Московской правды» Ш. Муладжанова спросили, несут ли, на его взгляд, журналисты ответственность за то, что они публикуют, он ответил, что журналисты «вообще немного *безбашенные* . Это нормальное качество, которое необходимо журналисту, иначе от него толку мало будет» [31, с. 131].

Это и есть *политическая технология* , поскольку Муладжанов сформулировал критерий отбора кадров для нынешних СМИ — они должны быть «безбашенными», то есть людьми, не имеющими ни знаний, ни совести, ни убеждений. «Иначе от них толку мало будет»! Из этого и видно, какой «толк» нужен хозяевам СМИ. Именно таким людям начальство может задать самую подлую и антинациональную трактовку событий. Сегодня такой журналист подстрекает подростков к убийству «кавказцев», завтра с таким же пылом требует казни этих подростков как «русских фашистов», а послезавтра обвиняет чуть ли не в фашизме и саму власть, которая приговаривает этих подростков к «слишком мягкому наказанию».

В качестве оправдания говорится о невежестве журналистов в вопросах этнических отношений. Казалось бы, невежество в таких вопросах, особенно в момент острого кризиса межнациональных отношений в стране, должно было бы считаться признаком полного *служебного несоответствия* журналистов. Ведь они работают с опасными материалами. Представьте себе, что профессиональное сообщество врачей вдруг признается *невежественным* в вопросах медицины. Ведь это катастрофа для общества и государства, власть должна сразу объявлять чрезвычайное положение — ведь именно она выдает врачам *дипломы и лицензии* . Этот факт должен стать предметом политических дебатов и общественного диалога. В отношении сообщества журналистов — никакой реакции! Ни власти, ни профессионального сообщества, ни руководства самих СМИ.

Страна отдана во власть невежественной, но злобной профессиональной группы, которая охотно выполняет роль поджигателей «молекулярной» этнической гражданской войны. Эта группа владеет мощным информационным оружием и обращает его против всего общества. А государство обеспечивает этой группе режим наибольшего благоприятствования. Положение угрожающее. Конечно, СМИ — лишь один винтик в машине, которая блокирует процесс собирания гражданской нации в России. Но это винтик очень важный — когда людям непрерывно «капают на мозги», это незаметно действует на сознание практически каждого человека.

А силы, которые обязаны или даже стремятся сохранить национальный мир, в отступлении и не могут мобилизоваться.

Проект «русского этнического национализма»

Как было сказано в гл. 2, главной причиной нынешнего кризиса России является *демонтаж ее народа* . Народы России, собравшиеся вокруг русского ядра, уже складывались в большую полиэтническую гражданскую нацию. Но этот процесс дважды был пресечен — в начале и в конце XX века. Кризис конца XX в. загнал Россию в историческую ловушку,

выбраться из которой можно только вновь «собрав» ее народ как субъект истории, обладающий политической волей. Для этого необходим *русский национализм*. Как говорится, «национализм создает нацию, а не нация национализм».

Российское общество поставлены перед выбором — *какой* русский национализм предпочтительно обрести. Есть два вида национализма, враждующие между собой — «гражданский», собирающий народы в большие нации, и «этнический», разделяющий нации и народы на менее крупные этнические общности («племена»).³⁸ Этнонационализм консолидирует народ *образом врага* и коллективной памятью о нестерпимой *обиде* или *травме*, нанесенной этим врагом. Он обращен в *прошлое*. А гражданский национализм выстраивает этничность на иной мировоззренческой матрице, на общем *проекте будущего*.

В России за 90-е годы сумели подавить и опорочить *державный национализм*, который соединяет родственные народности в народы, а народы — в большую нацию. Взамен в массовое сознание «накачивают» этнонационализм, ведущий к разделению или даже стравливанию народов и к архаизации их культуры. Эта угроза, прямо связанная с операцией по демонтажу советского народа и его ядра — русских, — продолжает вызывать и порождать новые, производные от нее опасности.

Запад, захватывая колонии, везде стремился подавить местный *гражданский* национализм и навязать *этнический*. Трайбализм, идеология враждующих племен — творение колониальных администраций. В царской России церковь и государство усиливали у русских *гражданский* национализм. Благодаря этому была создана сложная конструкция полиэтнического государства с русским ядром. Она, как сказано выше, имела большие достоинства, но и была хрупкой — этничность сохраненных (неассимилированных) народов могла «взбунтоваться» и выйти из-под контроля, разрушая империю и государство.

Советская власть приняла эту конструкцию и положила ее в основу СССР — при полном понимании рисков. Изменить ее уже было невозможно. Созревший за полвека капитализма этнонационализм многих народов России можно было погасить только предложением строить СССР как «семью народов», причем даже с огосударствлением этничности. Русский народ был держателем всей империи (СССР). Это, как и раньше, накладывало на русских дополнительные тяготы, но давало преимущество в «большом времени».

Само существование русских как *большого* народа зависело от того взаимодействия с другими народами России, которое сложилось в Российской империи, а затем было достроено в СССР. Стать одним из десятка больших народов русские не смогли бы только за счет расширенного биологического воспроизводства. Вспомним, что в момент нашествия Наполеона русских было меньше, чем французов. Русский народ быстро вырос именно потому, что выстроил такую систему межэтнического общежития, в которой часть каждого народа России охотно и без принуждения *становилась русскими*.

Это происходило потому, что русские были *открыты* — они делились с другими народами тем, что имели. Это не только привлекало других, но и позволяло быстро устранить экономические и культурные барьеры, мешавшие представителям других народов влиться в число русских. Тот факт, что при этом «материнский» народ не подвергался ассимиляции, в большой мере способствовал этому процессу. Становясь русским, человек не оставлял свой народ в беде, не переживал трагедии его исчезновения, даже сохранял многое из своей этнической памяти. И при этом он через себя подключал свой народ к русской культуре, а через нее — к культуре универсальной.

Именно благодаря доработанному в СССР типу межнационального общежития кооптация в русский народ близких по культуре «этнически иных» стала процессом молекулярным, идущим непрерывно. Он стал выгоден *всем*, а значит, шел самопроизвольно. Усиление русского этнонационализма сразу блокирует этот процесс и даже может обратить его вспять — те, кто уже осознавал себя русским, может просто из чувства собственного достоинства отказаться от этого звания. В 1988 г. 16% русских мужчин и 17,2% русских женщин вступили в брак с людьми другой национальности. Большинство

детей от этих браков стали бы русскими, но наступление русского этнонационализма многих удержит от этого шага.

С опорой на массовую социальную и культурную лояльность советская власть могла жестко подавлять все проявления этнонационализма, вплоть до репрессий против элиты и даже целых народов. Плановая система хозяйства не допускала стихийной миграции и внедрения больших иноэтнических масс в стабильную среду. После краха СССР были ликвидированы социальные и культурные механизмы, которые раньше дезактивировали этнические «бомбы». Началась их сознательная активация — в идеологии, праве, экономике.

Из опыта последних лет видно, что одна из задач «холодной» гражданской войны на этом этапе — подрыв гражданского национализма русских и разжигание в них этнонационализма. Подрыв этот ведется в «кипящем слое» молодежи и интеллигенции. При слабости государства этого достаточно, чтобы подавить волю массы, не способной к самоорганизации. Сдвига большинства русских к этнонационализму пока не произошло, но к этому их толкают непрерывно. Важно, что изменились установки молодежи: в 90-е годы она была более терпима к иным этническим группам, чем люди старших поколений, а к 2003 г. произошла инверсия.

Русский этнонационализм набирает популярность в массах, однако, тяготение к этническому и гражданскому национализму находится в неустойчивом равновесии. В ближайшие годы, вероятно, произойдет сдвиг в ту или иную сторону.

Здесь мы не будем затрагивать всю программу, скажем о *трудовой этнической миграции*. Она мобилизует этнонационализм потому, что связанные с нею *социальные* проблемы легко, почти самопроизвольно, представляются как *этнические*. Конфликт, которому удастся придать форму этнического, по достижении критических точек (особенно гибели людей) входит в режим самовоспроизводства и самоускорения. Создание таких конфликтов требует очень небольших ресурсов, и эта технология отработана на огромном числе экспериментов в десятках стран.

В России важным этапом в развитии проблемы стали события в 2006 г. в Кондопоге (Карелия), и даже не столько сами события, сколько их идеологическое использование.

С небольшими вариациями СМИ дали тогда такую информацию о событиях: «Серьезные беспорядки на национальной почве произошли в минувшие выходные в Кондопоге после поминок по молодым людям, убитым в драке с чеченцами в минувшую среду. Местные жители разгромили и сожгли ресторан, рынок, магазины и палатки, принадлежавшие выходцам с Северного Кавказа. Порядок в городе был наведен лишь через сутки прибывшим из Петрозаводска ОМОНОм. Более ста участников погромов были задержаны. Практически все кавказцы, находившиеся в Кондопоге, эвакуировались в Петрозаводск. В субботу в Кондопоге состоялся стихийный митинг, участники которого потребовали от властей выселить всех нелегальных мигрантов из Кондопоги. Кроме того, митингующие приняли решение закрыть городской рынок и передать его лицам славянской национальности» (РИА-Новости).

События в Кондопоге были использованы *одновременно* и для усиления тезиса о наступлении «русского фашизма» (нацизма, ксенофобии и т.д.), и для пропаганды этнонационализма — как русского, так и антирусского. В целом эта идеологическая кампания усилила позиции этнонационализма и обнаружила некоторый рост его популярности. Как видятся его перспективы в свете событий в Кондопоге, которые стали модельными? Не будем заострять внимание на деталях, они затемняют суть дела.

Главная, массивная причина, которая прямо затронула более половины населения РФ, порождена реформой. Она подорвала хозяйство страны и ту систему, которая не допускала региональных социальных катастроф. Она сломала и административную систему, которая регулировала перемещение больших масс людей по территории страны, не допуская внезапного и неорганизованного межэтнического смешения.

Известно, что такое смешение *неизбежно* ведет к конфликтам, это определено самой природой *этноса* как типа человеческой общности. Вторжение в пространство такой

общности большой массы «иных», не успевающих (или не желающих) следовать нормам местной культуры, неизбежно вызывает кризис, всплеск национального чувства.

Это прекрасно знали в царской России и в советское время, но это игнорировала (или использовала) власть реформаторов 90-х годов. Более того, эта власть все сделала для того, чтобы отвлечь людей от разумного понимания причин тех болезней, которые породила миграция. Власть должна была бы объяснить, что если граждане приняли нынешнюю социально-экономическую систему, эти болезненные проблемы людям придется *терпеть*. Если терпеть немогут, то есть два выхода — или добиться изменения социально-экономической системы, порождающей эти проблемы, или начать «молекулярную» войну всех против всех — как вариант коллективного самоубийства.

До этого выбора дело пока не дошло, и за оставшееся время надо сделать усилия для осмысления ситуации. Кондопога — модель второго выбора.

Вот первый признак: участники митинга в Кондопоге, а затем и все интерпретаторы событий тщательно избегали соединения конкретного инцидента с контекстом массивных и долговременных процессов, идущих в стране. Отдать рынок лицам «славянской национальности»! Дело не в этом частном конфликте. Мы живем в особой аномальной *системе* — глубоком кризисе социальных и межнациональных отношений, который в самом лучшем случае придется преодолевать еще не менее десятка лет. Это надо понимать и в своих действиях по разрешению *сиюминутной* проблемы стараться не подорвать возможности разрешения проблем *фундаментальных*.

Вот реальность: ряд регионов РФ погрузился в социальное бедствие, которое вытолкнуло оттуда массы людей в поисках заработка. Когда в русской среде оказываются приезжие русские или похожие на них чуваша, этого почти не замечают. Появление общины с Кавказа вызывает болезненную реакцию даже независимо от сопутствующих факторов — таких, как экономическая конкуренция с местными, преступная деятельность «чужого типа» и пр. Возникает общая почва для конфликтов, и достаточно искры, чтобы он вспыхнул.

Уподобив общество организму, надо вспомнить, что даже ткани *одного* организма, все одинаково родные и необходимые, не должны «неорганизованно» проникать друг в друга. Когда это происходит при травме, возникает воспаление, их взаимное отторжение, чреватое гибелью организма. Даже несильный удар вызывает местную болезнь и ее видимое проявление — синяк. А реформа просто разорвала ткани страны, перекрутила ее сосуды и сухожилия. Мы сейчас тяжелобольная страна, и пытаться облегчить нашу боль, создавая образ врага из наших же регионов и частей нашего же большого народа — значит помогать прикончить Россию.

Социологи указывают на связь «роста ксенофобий в период «травматической трансформации» общества с разрастающимся комплексом социальных обид, принимающих, тем не менее, форму не социального, а *этнически* окрашенного протеста. Недоверие обществу компенсируется преданностью «своим», что нередко сопровождается ксенофобиями и враждебностью к «чужакам».

Вторжение «иных» сверх критической массы всегда вызывает болезненную реакцию. Но она многократно усиливается, если и местная общность переживает кризис. Когда в доме беда, не до посторонних, их присутствие ранит. Даже благодушных иностранных туристов не хочется видеть. А ведь из районов бедствия (особенно с Кавказа) приезжают люди в далеко не лучшем состоянии — настороженные, взвинченные, озлобленные страхом и, у большинства, зверской эксплуатацией со стороны своих же хозяев. Многие из них ушиблены той антирусской пропагандой, которой промывают им мозги уже двадцать лет.

Их самосознание определяют словом «гиперэтнизм», то есть, *перевозбужденная* этничность. Она отличается от традиционного этнического сознания в местах постоянного проживания в своей этнической среде. Это — особый культурный продукт рыночной реформы, и раз уж русский народ этой реформе не стал или не смог сопротивляться, приходится этот ядовитый продукт глотать (как и многие другие подобные продукты).

Гиперэтнизм, как пишут социологи, связан «с культурой нового типа —

плюралистичной, информационно-виртуальной, освобожденной от жесткого социального контроля, ориентированной на индивидуальное самовыражение... Подчеркиваются упрощенность, единообразие и делокализация новых проявлений этничности, конструирование и реконструирование новых традиций и образов этнического, только напоминающих старые, трансформация переработанной соответствующим образом этничности в один из продуктов массового потребления, который может быстро распространяться на рынке поп-культуры... Изобретенная традиция способна быстро снабжать человека суррогатом мировоззрения и групповой идентичностью, предоставлять свободу самовыражения, но одновременно удерживать человека под властью идеологических фантомов» [29, с. 13].

Перед нами — описание массовой душевной болезни, нового, непривычного и плохо изученного состояния целых социальных групп. Такова наша реальная обстановка — горячий и взрывчатый материал с обеих сторон. И множество теней прыгает наготове, с запалами и керосином.

Как же, *в целом*, ведут себя наши люди, вышедшие из советского строя? Они проявляют такой уровень терпимости, разумности и достоинства, какой и не снился «цивилизованным» обществам Запада. СМИ, которые раздувают миф о ксенофобии русских (а тем более *преступный* миф о «русском фашизме»), ведут сознательную информационную войну против России. Кондопога — локальный перескок на другую траекторию.

В отношениях местного населения и мигрантов всегда возникает выбор: способствовать интеграции двух общностей — или их взаимной изоляции («геттоизации» мигрантов). Но интеграция не идет *самопроизвольно*, по доброму желанию сторон. Это — «строительство», требующее творчества, усилий и ресурсов. Самопроизвольно возникает как раз «закрытость», создающая конфликтогенную среду».

В Кондопоге процесс пошел по пути изоляции. В этом промышленно развитом городе есть, очевидно, структуры т.н. гражданского общества. В ходе событий они никак себя не проявили. События осени 2006 г. — итог довольно длительного развития. Вот сообщение: «07.08.2003, Республика Карелия. *Мусульмане требуют прекратить расистские погромы в Кондопоге*. Председатель Духовного управления мусульман Карелии муфтий Висам Али Бардвил посетил город Кондопогу, на рынках и улицах которого уже в течение нескольких дней продолжаются нападения на людей с неславянской внешностью».

Исследования миграции и сопряженных с ней проблем ведутся интенсивно и системно. Вывод таков: в России возник новый узел противоречий и порочных кругов, причем тенденции запущенных процессов неблагоприятны.

Вот некоторые выводы: «Анклавные рынки [труда] создают возможность быстрого накопления капитала и выступают привлекательными, высоко криминализированными социальными пространствами, действующими преимущественно в городах России, вокруг и внутри которых сталкиваются интересы многих противоборствующих субъектов... Характер конфликтов создает редкостную по своей напряженности атмосферу, в которой довольно высоки риски столкновений на межэтнической, расовой, религиозной основе. Это предопределено экономической моделью анклавного рынка, его «идеологией», которые создают «монополизацию» шансов для мигрантов, позволяют им преуспевать, эффективно защищаться от нетолерантного окружения и претендовать на статус, не соответствующий их нынешнему месту в иерархической лестнице... У тенденции нарастающего насилия есть своя экономическая, ценностная, политическая, организационная, социально-психологическая и криминальная составляющие» [30].

Пока что российское общество и государство не имеют ни экономических, ни культурных, ни политических ресурсов, чтобы быстро и эффективно разрешить эту созданную реформой проблему. Реформа к тому же породила информационную среду, которая многократно усиливает этническую солидарность с конфликтующими группами. Массы людей превращаются в «виртуальных» участников конфликта — вне зависимости от

расстояния. Ксенофобия охватывает целые регионы и придает локальному конфликту, который без этого уже был бы разрешен, широкий характер.

Дискуссии в Интернете в основном прошли под лозунгом: «Поддержим Кондопогу!», то есть, тот способ действий, который был применен в Кондопоге. Там митинг требовал от власти провести маленькую этническую чистку конкретного района, применить наказание на коллективной этнической основе, ввести нормы «прямой демократии» (принятие правовых решений на митингах), дискриминацию по национальному признаку («выселить мигрантов *кавказской* национальности», а «рынок передать лицам *славянской* национальности»).³⁹

Показательна статья Дм. Стешина в «Комсомольской правде» 30.08.2007, которая вызвала горячее одобрение «в широких кругах интернет-сообщества». Начинается эта статья заставкой: «Подняв протест против нескольких хулиганов-чеченцев, жители карельского городка умудрились выжить всех кавказцев».

Каждое слово в статье взвешено. Читаем о событиях: «Власти по обыкновению делали вид, что ничего особого не произошло. И тогда люди вышли на улицы громить магазины и ларьки, принадлежащие кавказцам. Отведя душу, кондопожцы собрали народный сход, который определил требования к властям. Первым пунктом стояло *выселить из города в 24 часа всех кавказцев*».

Здесь четкая квалификация событий: люди устроили погром, они «отвели душу», «сход» потребовал «этнической чистки». Далее Штешин с одобрением пишет о действиях «власти» (мэра), после которых «почти все чеченцы уехали из Кондопоги. По словам Папченкова [мэра], он опирается на требования прошлогоднего народного схода. Из двух десятков чеченских семей, живших до прошлого августа в Кондопоге, уехали почти все».

Объективно это означает, что власть опирается не на закон, а на требования «народного схода». «Диаспора», которую народ требовал «выселить», насчитывала два десятка семей. Материал для антироссийской кампании подан на блюде.

Это о власти. А о «народе» у Штешина в «Комсомольской правде» читаем такое: «В Питере ждут машину с кондопожским шунгитом (камнем для облицовки зданий). Но загрузить ее некому — все бригады заняты. Заказчик предлагает привезти гастарбайтеров, пусть грузят камень. Юра в ответ кричит в трубку: «Вы не поняли, наш карьер в Кон-до-по-ге! Слышали про такой город? У нас через день годовщина погрома. Гастарбайтеров тут просто порвут». Заказчик все понимает мгновенно. И уже готов подождать несколько дней. Юра... сообщает: «Вот так и живем, чужих не кормим. Кавказцы почти все разъехались, даже грузины и армяне, хотя им никто слова худого не сказал».

Тут тоже умело отобраны штрихи, чтобы создать из Юры портрет «русского фашиста», к тому же дурака. «Чужих не кормим» — это о людях, которые за треть цены приехали бы грузить камень. Справляют в городе *годовщину погрома*. «Гастарбайтеров тут просто порвут» — это речь уже вообще не о преступниках, не о чеченцах, а о *социальной* группе. «Гастарбайтерами» бывают и украинцы, а завтра, может, станут и рязанские.

Юра якобы не понимает, что кондопожский шунгит покупается в Питере только потому, что его разгружают, поднимают на строительные леса и облицовывают им элитные дома те самые «гастарбайтеры». Штешин представляет нам спектакль: всеобщее ликование и одобрение вызывает погром, благодаря которому в одном небольшом городе удалось «выселить кавказцев», ничего не изменив в социально-экономической системе в целом.

Какой ценой этот спектакль оплачивает российское общество в целом? Поддержка депортации «мигрантов» означает легитимацию расчленения РФ. Ясно, что если населению запрещается по этническому признаку передвигаться по территории государства — притом, что созданный в нем порядок не позволяет вести хозяйство в своем регионе, — то эти регионы имеют моральное право и экономические мотивы для того, чтобы *отделиться от России*. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 15,6 раза, в ноябре 2005 г. составила 12 раз. Запретить в этих условиях миграцию — значит вообще подорвать в ряде регионов возможность ведения того образа жизни, который принят в стране, а это и есть шаг к ее

расчленению. Уже сейчас идет архаизация жизни многих регионов. С 1990 по 2005 г. разница между регионами в розничном товарообороте на душу населения выросла от 3,1 до 26,5 раз и в объеме платных услуг от 3 до 56,8 раза.

Выполнение государством противозаконных митинговых требований толпы означает переход от власти коррумпированной к власти криминальной, поскольку требование о депортации (*граждан РФ* !) и этнической чистке находится в радикальном конфликте с законами РФ и международным правом.

Требование этнической чистки в нынешних условиях — шаг к «молекулярной» этнической войне почти на всей территории РФ. При этом именно русские в такой войне будут нести неприемлемый урон. Если они и начнут мобилизоваться для такой войны, то под рукой организованной преступности, которая сама является *наднациональной*.

После событий в Кондопоге говорилось, что государство действует ошибочно — вместо закручивания гаек «потакает» преступникам. Но система противоречий, о которой идет речь — взрывчатый материал, с которым государство вынуждено обращаться очень осторожно. Требовать от него «решительных» действий вроде депортации может только провокатор — сознательный или по наивности.

Если оценивать действия государства в целом, то я бы считал, что в рамках рыночной реформы оно действует верно. Радикализация ситуации в Кондопоге была попыткой сломать равновесие. Пробный шар в виде погрома был ультиматумом государству: закрути гайки, иначе мы вырвем у тебя лицензию на насилие. Уже этот ультиматум означает утрату государством доли его легитимности. Уступить монополию на насилие означало бы полную утрату авторитета государства. Сильнее всего это ударило бы именно по русским.

Чтобы снять накал страстей, власти пошли в Кондопоге на уступку, приглушая политическую сторону события. Радоваться тут особенно нечему — в государстве, как и в семье, уступки, вырванные ультиматумами и шантажом, в перспективе обходятся очень дорого.

Наблюдения последних десяти лет позволяют предположить, что в России реализуется долгосрочная программа постепенного взращивания русского этнического национализма, который и должен стать главной преградой для восстановления межнационального общегития, выстроенного российской цивилизацией. Основным объектом идеологической пропаганды является молодежь постсоветской формации, ставшая одной из главных социальных жертв реформы.

В сплочении на основе этнонационализма эта молодежь находит отдушину, которая дает иллюзию борьбы против безысходности социального тупика. Рассуждения молодых приверженцев этого движения методологически беспомощны. Строя в воображении идеальный образ «России для русских», они мыслят так, будто перед ними чистая доска. На деле каждое поколение приходит в страну, которая в своем развитии прошла множество перекрестков с «неотменяемыми» выборами пути. Уже не отменить сложившегося в Киевской Руси симбиоза славян со степняками-тюрками и угро-финнами лесной зоны, не отменить крещения Руси, монгольского ига и создания Российской империи, индустриализации и русской революции, развала СССР и длительной аномалии нынешнего кризиса. Закрывая на все это глаза, этнонационалисты «грезят наяву». Это не политический проект, а профанация.

Планы этой молодежи «романтически гуманитарны». Они совершенно исключают инженерный подход. Для политического проекта это тупик, никакого «расчета сил и средств» в рассуждениях не просматривается. Хочу, чтобы было так, как я хочу! Предлагается грандиозный план окружить Кавказ колючей проволокой, но не говорится, откуда возьмется такая уйма проволоки и кто будет вдоль нее ходить дозором. Где эти «тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор»? Поминают депортацию чеченцев 1944 г. И мы, мол, так же поступим. Но не хотят видеть, что для этого надо иметь Сталина, Красную Армию и чеченцев образца 1944 г. А сейчас ничего этого нет.

Предлагают проект этнонационализма, но не желают и знать, что это такое и как они

будут блокировать присущие ему побочные процессы. Простой вопрос — как предлагается блокировать трайбализацию самого русского народа, его расползание на региональные субэтноты? А ведь этот процесс идет под самым носом «Русского проекта». Что русские этнонационалисты собираются делать со всеми этими проектами «южно-русской идентичности», «сибиряками», «поморами» и пр.? Их тоже «за колючую проволоку», или их пока считают «союзниками»?

Скорее всего, никакого политического проекта на основе русского этнического национализма не возникнет, однако как средство стравливания народов России и углубления расколов в русском ядре эта программа представляет актуальную и фундаментальную угрозу для России.

Глава 5. РАЗРУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Во время перестройки и реформы главным объектом воздействия было *культурное ядро* советского общества. При достаточной глубине его разрушения терял связность и волю советский народ, а значит, можно было ликвидировать СССР, сменить политическую систему и произвести передел собственности и кардинально перераспределить доходы.

Удар был нанесен столь сильный, что была повреждена культура России в целом, как система, во всех ее элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства и даже самоускорения. Этот процесс стал угрозой, чреватой перерастанием в *национальную катастрофу*.

Никакой программы блокирования этого процесса и восстановления поврежденных частей не выработано ни в государстве, ни в обществе. Сопротивление носит молекулярный неорганизованный характер, и шансы на его решающий успех невелики. Требуется программа и организация.

Рассмотрим инструменты разрушения и типы повреждений, которые нанесены российской культуре. Подойдем прагматически, видя в культуре систему, необходимую для существования народов России и самой России как стране.

Кризис культуры всегда связан с кризисом ее философских оснований. По ним и били. В центре любой национальной культуры — ответ на вопрос «*что есть человек?*»⁴⁰ Вопрос этот корнями уходит в религиозные представления, но прорастает в культуру. На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

Человек создан (преображен из животного) миром культуры. Первое дело культуры — заставить и научить нас быть *людьми*. Дело культуры — дать нам знания, умения и мотивы, чтобы жить в обществе и непрерывно создавать его. Культура дает нам *квалификацию* — быть членом общества. Она загоняет нас в рамки *дисциплины*, как при обучении рабочего, врача и пр. Культура вбивает в нас множество табу и запретов, подчиняет *цензуре*. Культура дает нам знания и умения быть частицей *народа*, а не соринкой в человеческой пыли. Это сложное обучение и трудное дело.

Тысячу лет культурное ядро России покоилось на идее *соборной личности*. Человек человеку брат! Конечно, общество усложнялось, эта идея изменялась, но ее главный смысл был очень устойчивым. К нам был закрыт вход мальтузианству, отвергающему право на жизнь бедным. И вдруг культурная элита в конце XX века кинулась вслед за идеологией в самый дремучий социал-дарвинизм, представив людей животными, ведущими внутривидовую борьбу за существование. **Конкуренция — это наше всё !**

Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с другими устоями данной культуры — люди теряют ориентиры, путаются в представлениях о Добре и зле. И вот, авторитетные деятели культуры России стали убеждать общество, что «*человек человеку волк*», а элита гуманитарной интеллигенции — прямо проповедовать *социальный расизм*. От того, что у нас наговорили, и кальвинисты остолбенеют.

Внедрение в массовое сознание антропологической модели социал-дарвинизма велось

как специальная программа. Целью её и было вытеснение из мировоззренческой матрицы народа прежнего, идущего от Православия и стихийного общинного коммунизма *представления о человеке*.

В разных вариациях во множестве сообщений давались клише из Ницше, Спенсера, Мальтуса такого типа: «Бедность бездарных, несчастья, обрушивающиеся на неблагоприятных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих «на мели и в нищете» — все это воля мудрого и всеблагого провидения».

Очень популярен среди интеллигенции был Н.М. Амосов (в рейтинге он шел третьим после Сахарова и Солженицына). Он писал в своем кредо: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [12].⁴¹

В прессе же самым обычным делом стали совершенно заявления в духе тяжелого социал-дарвинизма. Вот высказывание одного из первых крупных бизнесменов Л. Вайнберга, специально опубликованное в *День солидарности трудящихся*: «Биологическая наука дала нам очень необычную цифру: в каждой биологической популяции есть четыре процента активных особей. У зайцев, у медведей. У людей. На западе эти четыре процента — предприниматели, которые дают работу и кормят всех остальных. У нас такие особи тоже всегда были, есть и будут» [1].

Этот поворот был предопределен историческим выбором 80-х годов, сделанным частью номенклатуры в союзе с частью элитарной интеллигенции. Проект имитации общественных институтов Запада и отказ от цивилизационной траектории России требовали принять и западную антропологическую модель, которая лежит в основании идеологии буржуазного общества.

Пережив Средневековье, Возрождение и Просвещение, западная культура прониклась «духом капитализма». Здесь вспомнили и модернизировали римскую формулу: «Человек человеку волк». На языке науки человек был назван *индивидом*. Мы тоже привыкли к этому слову и забыли, что оно означает. *Ин-дивид* — это перевод на латынь греческого слова *α-том*, что означает *неделимый*.

Смысл «атомизации» человека был в разрыве всех общинных связей. Индивид, как идеальный атом, свободен, самодостаточен и находится в постоянном движении. Модель индивида в отношениях с другими людьми разработал Гоббс. Природное состояние людей-атомов — «*война всех против всех*». У цивилизованного человека, который живет в правовом государстве, эта война принимает форму *конкуренции*. Атомы равны друг другу, но вот в каком смысле: «Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе».⁴²

В русской культуре сложилось иное представление. Человек — не индивид, а личность, включенная в Космос и в братство всех людей. Она не отчуждена ни от людей, ни от природы. Личность соединена с миром — *общинной* в разных ее ипостасях, *народом* как собором всех ипостасей общины, всемирным *братством людей*.

Тут — главное различие культур Запада и России, остальные различия надстраиваются на это. На одной стороне — человек как идеальный атом, индивид, на другой — человек как член большой семьи. Понятно, что массы людей со столь разными установками должны связываться в народы посредством разных механизмов.

Например, русских сильно связывает друг с другом ощущение родства, за которым стоит идея православного религиозного *братства* и тысячелетний опыт крестьянской *общины*. Англичане, прошедшие через огонь Реформации и раскрестьянивания, связываются уважением *прав* другого. Оба эти механизма дееспособны, с обоими надо уметь обращаться.

Представление о человеке как о хищном животном на Западе то скрывалось, то выходило наружу. Ф. Ницше писал в книге «По ту сторону добра и зла»: «Сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более

слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация».

Так дошли до идеи высших и низших рас, а потом до «человекобожия» — культа сверхчеловека. Идеолог фашизма Розенберг уже писал: «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не *распятый* есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если он не может светить, то и Евангелия умерли... Теперь пробуждается *новая* вера: миф крови, вера вместе с кровью защищает и божественное существо человека. Вера, воплощенная в яснейшее знание, что северная кровь представляет собою то таинство, которое заменило и преодолело древние таинства... Старая вера церквей: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера» (см. [2]).

В споре с этими взглядами вырабатывалась православными философами в первой половине XX века «русская модель» человека как *соборной личности*. Она была принята за основу и советской антропологией (в других терминах). Когда во время перестройки начали со всех трибун проклинать якобы «рабскую» душу русских и требовать от них стать «свободными индивидами», это в действительности было требованием отказаться от своей культурной идентичности. Под давлением соблазнов и новой идеологии часть русских, особенно молодежи, пыталась изжить традиционное представление о человеке. Результатом становилось разрыхление связей русского народа (и даже появление прослойки людей, порвавших с нормами русского общежития — изгоев и отщепенцев).

Культура — это и есть те силы, что собирают народ. Представления о добре и зле, о человеке и его правах, о богатстве и бедности, о справедливости и угнетении — часть национальной культуры. Из этих представлений выводятся и принятые в нашей культуре нравственные нормы, ими же питается и искусство. Попытка смены смысла в ответе на главный вопрос культуры ставит под угрозу все остальные части культуры.

Растет ли или затухает угроза деградации культуры, инициированная изменением представлений о том, «что такое человек»? Видимо, динамика неблагоприятна, и нынешнее неустойчивое равновесие обманчиво. Тут наше национальное сознание дало сбой. Общество не смогло ни понять угрозы, ни организовать для защиты и укрепления важнейшего *культурного устоя*. Посчитало, что такие вещи в усилиях по их сохранению не нуждаются.

Нам казалось, что заданное нам культурой представление о человеке очень устойчиво, что в нем есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Специально об этом не думали, а теперь оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения. Культура — это огромная машина, которая чеканит нас в основном по чертежу, заложенному в нее сильными мира сего. Мы, конечно, сопротивляемся, подправляем чертеж, изменяем чеканку своей низовой культурой. Но диапазон угроз широк, возможностей от них уклониться часто не хватает.

В массе своей советские люди исходили из того представления о человеке, которым был проникнут *общинный крестьянский коммунизм* как версия «народного православия». Они считали, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу. Как говорилось, таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно. Была такая неосознанная уверенность.

Эта вера породила ошибочную в важной своей части антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа и братских народов России, которые были присущи им в период становления советского строя, были приняты за их *природные* свойства.

Считалось, что их надо лишь очищать от «родимых пятен капитализма». Задача «модернизации» этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4-5 поколений. Люди рождения 50-х годов выросли в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шел мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышло поколение, в культурном отношении очень отличное от предыдущих.

Если бы советское общество исходило из реалистичной антропологической модели, то за 50-60-е годы вполне можно было выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, Россия преодолела бы кризис и продолжила развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории культуры.

С этой задачей советское общество не справилось. Оно потерпело поражение и сдало страну «новым русским». Надо признать, что для этого были предпосылки, которые корнями уходят в XIX век, в то влияние, которое оказал на русскую интеллигенцию романтизм классической немецкой философии. В советское время это влияние было закреплено марксизмом. В результате в мышлении (точнее, в когнитивной структуре) советской гуманитарной интеллигенции был силен *эссенциализм* — вера в наличие в основе общественных явлений некоторой устойчивой сущности, отвечающей объективным законам исторического развития. Эта сторона нашей культуры, видимо, пока что не была глубоко изучена, но кризис 90-х годов побудил высказать важные суждения.

Так, Г.С. Батыгин писал: «Советская философская проза в полной мере наследовала пророчески-темный стиль, приближавший ее к поэзии, иногда надрывный, но чаще восторженный. Философом, интеллектуалом по преимуществу считался тот, кто имел дар охватить разумом мироздание и отождествиться с истиной. Как и во времена стоиков, философ должен был быть знатоком всего на свете, в том числе и поэтом... В той степени, в какой в публичный дискурс включалась социально-научная рационализированная проза, она также перенимала неистовство поэзии» [13, с. 43].

Это выразилось в том, что гуманитарная культура не смогла в должной мере интегрироваться с социально-научной рациональностью, вследствие чего после смены поколений в 60-70-е годы «мы не знали общества, в котором живем». Не знали — не могли и защитить.

Следствием этого срыва являются не только разрушение СССР и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания нашей культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория исторического развития опорожнена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутия идет сдвиг к *эгоцентризму* (к человеку-«атому»). Этот дрейф к утопии «Запада» как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону распада русского и других народов России. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

Пока что культура нынешней России находится в отступлении. В среде новой «элиты» возникли течения, следующие гротескному, болезненному нищезанятию. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать вместе с людьми потомства. Они предвидят «революцию интеллектуалов».

Что это значит? ИА «Росбалт» устроило в Петербургском университете проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге». Там делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Доктор философских наук А. М. Буровский ведёт там

такие речи: "Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. "Цивилизованные" людены всё дальше от остального человечества — даже анатомически, а тем более физиологически и психологически. Различия накапливаются, мы всё меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры" [22].

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов нашей Северной Пальмиры. Все эти "лидеры влияния" не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект "Постчеловечество", перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот статья В. Иноземцева в книге "Постчеловечество". Она называется "On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века".

Иноземцев пишет: "Государству следует обеспечить все условия для ускорения "революции интеллектуалов" и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями "низов", быть готовым не столько к уступкам, сколько к жёсткому следованию избранным курсом" [20].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики *постчеловека*. При этом сразу встаёт вопрос: а как видится в этих проектах судьба *человека*? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жёстких тезисах виды "постчеловек-человек" представлены как "кроманьонцы-неандертальцы". Помягче, это "злои-морлоки" (из фантазий Уэллса), совсем мягко — "людены-люди" (из Стругацких). А по сути, различия невелики.

Вот рассуждения А. М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: "Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку. Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что "когнитивное расслоение" будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив всё человечество на две самостоятельные расы: расу "генетически богатую", представляющую собой сообщество "управляющих миром", и расу "генетически бедную", обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство.

Современные "морлоки" с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения" [4].

Что ж, спасибо за откровенность. Если эта угроза не сдохнет сама, люди по крайней мере будут предупреждены и, скорее всего, снова на время успокоят "белокурую бестию", уж эти-то навыки имеются.

Пройдем по некоторым другим сферам культуры, которые подвергаются деформации на наших глазах.

Фундаментальный элемент культуры — **язык**. В нем записываются, воспроизводятся и развиваются все смыслы мировоззрения. Как говорят, «человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа». Поэтому та деформация языка, которую мы наблюдаем в последние двадцать лет — вовсе не следствие безграмотности. Это — операция той холодной гражданской войны, в состоянии которой мы находимся.

Язык обладает огромной силой: «Словом останавливали солнце, словом разрушали города». В русской культуре слово обладает святостью, и его использование сопряжено с большой ответственностью («Слово гнило да не исходит из уст ваших»). Тут есть латентный конфликт с идеей «свободы слова» в ее западном понимании.

Недавно по вагонам московского метро был расклеен плакат: «Язык дан человеку для

того, чтобы скрывать свои мысли». И подпись: Макиавелли, итальянский мыслитель. Это — замечательное признание наших новых духовных пастырей. Ведь Макиавелли заострил вопрос до предела, утвердив дезинформацию как важное средство власти. Он признался в одном письме от 17 мая 1521 г.: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить». Вот у каких «мыслителей» заставляют сегодня учиться народ России, для которого Слово всегда было свято.

Деформируется не только словарь языка, но и строение фразы, ритм. Послушайте многих телеведущих или дикторов радио — они говорят как будто уже не по-русски. Язык слабеет как средство взаимопонимания людей, их соединения через музыку речи, передачу тонких смыслов интонациями. Тургенев сказал о русском языке: «В дни сомнений, в дни тягостных раздумий *ты один* мне поддержка и опора...» Эту опору, данную нам культурой, можно утратить, угроза этого вполне реальна. Значит, надо язык защищать — сознательно и умело.

Нравственное чувство людей оскорбляла начатая еще во время перестройки интенсивная кампания по внедрению в язык «ненормативной лексики» (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном информационном пространстве вызывало общее чувство неловкости, разъединяло людей.

Это была важная диверсия в сфере языка. Ведь для каждого его средства есть своя ниша, оговоренная выработанными в культуре нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжелую болезнь всего организма культуры.

Опросы 2004 г. показали, что 80% граждан считали использование мата на широкой аудитории недопустимым [3, с. 258]. Но ведь снятие запрета на использование мата было на деле частью культурной политики реформаторов! Это был акт войны, сознательная диверсия против одной из культурных норм, связывающих народ. Недаром 62% граждан одобрило бы введение *цензуры* на телевидении [3, с. 80].

Произошел разрыв большей части художественной интеллигенции с траекторией русской культуры, с корпусом *художественных образов*, которыми питалось наше самосознание. Это фундаментальное проявление кризиса, но политики и деятели культуры сводят его к *нехватке денег*. Этот вульгарный материализм — плохой признак. Рвется связь с главной нитью мысли и душевного поиска Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова, Платонова и Шолохова! Оставить такое наследство ради чечевичной похлебki Ерофеева — какой духовный и эстетический провал...

Поднявшаяся наверх вместе с новой властью новая художественная элита исходила из небывалой в истории культуры установки необратимого разрыва непрерывности, полного отрицания культуры нескольких прежних поколений. Такие радикальные течения быстро подавлялись и распадались даже в больших революциях (как это произошло с Пролекультом и РАППом в русской революции). В антисоветской революции обрыв корней производился систематически при поддержке государства. В. Ерофеев в редкостной по ненависти статье «Поминки по советской литературе» пишет: «Итак, это счастливые похороны, совпадающие по времени с похоронами социально-политического маразма» [11].

Удивительна самонадеянность и детская радость В. Ерофеева от того, что значительная часть стариков (можно было бы сказать, «ветеранов войны и тыла») *страдает* от тех перемен, которые происходили в стране. Он пишет «о настоящей *шекспировской* трагедии, происшедшей с частью пожилого поколения, которое к семидесяти годам осознает бессмысленность своего земного существования, отданного ложным идеалам». О ком он это пишет? О поколении тех, кому в 1941 г. было по 20 лет. Они почти все полегли на фронте — и теперь посредственный литератор из номенклатурной семьи приписывает им «осознание бессмысленности своего земного существования». Удивительна наглость иных глупых людей.

Так началось лавинообразное обрушение всех структур культуры. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в катакомбы, диктовать стало *право сильного*. Оттеснили

на обочину, как нечто устаревшее, культуру уживчивости, терпимости и уважения. Мы переживаем реванш торжествующего хама — в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни — милиционера и чиновника, офицера и учителя... Все это — следствие культурной революции двух последних десятилетий.

Удар нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой был собран человек — носитель современной русской культуры XX века, **человек советский**.

Высокая русская культура, вобравшая в себя универсализм и Православия, и Просвещения, вошла в «симфоническое» взаимодействие с мечтой о Земле и Воле, выраженной в общинном коммунизме. Это породило необычный в истории культуры тип — *русского трудящегося* XX века. Сохраняя космическое чувство и эсхатологическое восприятие времени, он внес в идеал справедливости вектор реального действия, знания и воли.

Величие этого культурного типа, который возненавидела антисоветская интеллигенция, оценили виднейшие мыслители XX века — и Запада, и Востока (назову Грамши и Кейнса, Сунь Ятсена и Махатму Ганди).

Появление этого типа — не природный процесс, это результат огромной культурной программы. В России произошло то, чего до этого не наблюдалось нигде — культуру высокого, «университетского» типа открыли для массы трудящихся, их не стали отделять от элиты *типом* культуры. Это — именно то, о чем мечтали русские просветители. В советское время уже как государственная программа началось это «общее дело» — снятие классовых различий через освоение единого языка и мира символов. Теперь идет разделение народа на классы («расы») по культурному признаку — машина культуры этим и занята.

Втоптано в грязь массовое **художественное чувство**. Говорят, всему виною рынок. Неправда! Продукт «новой» культуры не может конкурировать как товар — ни с советскими, ни с западными продуктами. Почему посещаемость театров в России за годы реформы снизилась в три раза? Да потому, что по своему качеству театр никуда не годится, как люди ни тянутся к этому искусству. Сравните с советскими спектаклями, которыми нас иногда балует канал «Культура», и все станет ясно.

Средства, которые применялись при подавлении «старой» культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры — Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционные и большинство советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение культурной палитры, которое произвели «хозяева» России за двадцать лет — особый тип измены Родине.

За последние двадцать лет художественная элита России стала «играть на понижение». Как будто что-то сломалось в ее мировоззрении. В отношении внешних норм приличия российские СМИ «американизировались». Вот небольшой штрих. Долгие годы во всем мире пробным камнем, на котором проверялись нравственные установки политиков и газет, было отношение к войне США во Вьетнаме. Эта война трактовалась гуманитарной интеллигенцией как аморальная. Ее и представляли с этой точки зрения, как символ кризиса культуры.

С середины 90-х годов телевидение России стало предоставлять экран для голливудских фильмов, обеляющих и даже прославляющих эту войну. Почему? Разве узнали что-то новое о той войне? Нет, изменились критерии благородства. Стиль, конечно, свой, а тип тот же.

Дикторы телевидения заговорили с ёрничеством и улыбочками, программы наполнились невежеством и дешевой мистикой. По отношению к «чужим» для США фигурам (Кастро, Чавес, Лукашенко) — ирония и плохо скрытое хамство лакея. Наше телевидение стало говорить на том же языке, с теми же ужимками, что на Западе. Но там в

личных разговорах интеллектуалы сами признают, что с падением СССР Запад «оскотинился». Это понимание — шаг к выздоровлению. У нас такого понимания не видно. На телевидении возникла особая мировоззренческая и культурная система, работающая «на понижение». Экран испускает поток пошлости, в которой тонет проблема добра и зла. На этот поток нельзя опереться, в нем захлебывается сам вопрос о бытии. Произошло совмещение того, что должно быть разделено.

Телевидение крутит лицензионные игровые шоу типа: «Слабое звено», «За стеклом», «Последний герой». Каков идейный стержень этих программ? Утверждение социал-дарвинистских принципов борьбы за существование как закона жизни общества. Неспособные уничтожаются, а приспособленные выживают в «естественном отборе». Умри ты сегодня, а я завтра!

Социологи пишут, что в этих программах «знания и эрудиция участников все более уходят на второй план. Акцент делается на возможностях победы над противником через подкуп, сговор, активизацию темных, находящихся в глубине души инстинктов. Практически во всех программах прослеживается идея, что для обладания материальным выигрышем — т.е. деньгами, хороши любые средства. Таким образом, программы ориентируют зрителя на определенный вариант жизни, стиль и способ выживания» [4].

В отношении отодвинутой от «праздника жизни» половины населения России наша официальная культура ведет себя, как в отношении низшей расы. Ее просто не замечают, как досадное явление природы, а если и упоминают, то с «романтической» или глумливой подачей. Социальная драма миллионов людей не вызывает минимального уважения. Гастарбайтеры! Бомжи! Пьяницы! Колоритные фигуры российского телевидения.

Наш «средний класс» наконец-то переборол старые нормы чести и достоинства. Личная совесть, конечно, осталась, но она без социально контролируемых норм не столь уж действенна. Да, человек в душе раскаивается, а общество сползает в грязь. А ведь без того, чтобы восстановить обязательный минимальный уровень благородства, ни о каком сплочении для выхода из кризиса и речи быть не может.

Достоевский сказал странную фразу: «Красота спасет мир». Блаженная мысль? По трезвому расчету, да. И в то же время много в ней верного, если не понимать ее буквально. В ней надежда на то, что в последний момент невидимые и слабые силы поддержат человека, не дадут ему упасть.

Сейчас положение хуже, чем во времена Достоевского, красоте явно не справиться. Но вспомним и другие невидимые и слабые силы. Вместе они были бы для нас большой опорой. Но подлецы это как будто предвидели и начали загодя вытравлять их из общественного пространства, сживать со света. Но вспомнить о них надо, что-то ведь осталось. Есть такая вещь, которая когда-то была привычной и обыденной — *благородство*. Теперь о нем говорить не принято, это вещь чуть ли не реакционная.

Благородство укрылось на уровне личности, в виде совести, которая редко выглядывает наружу, а грызет человека ночью. Но о совести говорить не будем, это сущность тайная. Скажем о простой, внешней скорлупе благородства — элементарных нормах общественных отношений, о приличиях, без которых невозможен даже минимальный порядок.

Здесь с момента краха советской мировоззренческой системы, подкрепленной военным потенциалом СССР, в мире наблюдается поразительно быстрая и глубокая деградация. Просто распад. Похоже, что Запад к этому давно тяготел, да «двухполюсная» структура мира не позволяла расслабиться. Теперь препятствий нет.

Средством принижения человека стал в России и подрыв *культуры мышления*. Была проведена большая кампания по разрушению рационального сознания и механизмов его воспроизводства. Целенаправленное воздействие было оказано на все каналы социодинамики культуры — на школу и вузы, на науку и СМИ, на армию и искусство. *Невежество стало действенным*! Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия.

Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить. Он из тех, которые тянут на дно, как камень на шее — пока не сбросишь, не выплывешь. Речь о том, что элита присвоила себе **право на ложь**. Мораль затрагивать не будем. Важнее, что общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нем слепнут и поводьри.

Есть преуспевающие «пиратские страны», стоящие на принципе «Не в правде Бог, а в силе». В век Просвещения этот принцип был прикрыт ложью, ушел в молчание круговой поруки — ложь была направлена вовне, а не против своей же нации. У нас произошел другой поворот — элита стала лгать именно «своему» народу.

Стратегия реформ изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что «мы не знали». Уход от рефлексии загоняет болезнь все глубже, ложь формирует особый тип рациональности. Обман стал социальной нормой реформаторской элиты России — вот главное.

Кризис советской политической системы начался с XX съезда, когда верховная власть партии применила фундаментальный (в отличие от ритуального) обман как средство управления самой партией. Тогда в своём известном докладе Н. С. Хрущев пошёл на заведомый и сознательный подлог в заявлении о количественных масштабах репрессий сталинского периода. Это положило начало развитию *культуры лжи* в политической верхушке. При этом та часть номенклатуры, которая приняла эти нормы, сразу стала сдвигаться к антисоветизму.

А. Н. Яковлев писал в "Черной книге коммунизма": "После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды "идей" позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о "гениальности" позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому "плану строительства социализма" через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и "нравственным социализмом" — по революционаризму вообще" [16].

С тех пор по лестнице партийной (в том числе в общественных науках) иерархии быстрее всего стали продвигаться люди *двуличные*. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты.

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа Л. Н. Митрохина: "К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего "научного коммунизма"), уверявшей, что советский человек "проходит как хозяин по просторам Родины своей". ...Да, Федор Васильевич Константинов был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарём партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену...

Главное в том, чтобы важное отличать от несущественного, от мимолетных эмоций и слов. А состоит оно в том, что все вы (а список людей, причастных к рождению отечественной социологии, более или менее определен) выступали против духовного ГУЛАГа, против митиных и Константиновых" [17].

Кажется, это — небывавшая в истории культуры деформация сознания, произведённая перестройкой. Воспоминания Л. Н. Митрохина полны достоинства и уважения к самому себе. Но если ему "была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки", из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он "был заведующим сектором, секретарём партбюро Института", работал под началом "одной из самых мрачных фигур того времени"? Если он делал это из шкурных побуждений, то

зачем откровенничать, да ещё принимать благородную позу? Это ненормально. Ведь чтобы после этого себя уважать и на своём примере учить жизни молодёжь, должно же быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Но почему же он её не называет?

Я думаю, его сознание перевернуто перестройкой, и он теперь *стесняется* как раз того объяснения, которое в норме послужило бы разумным оправданием его поведения. Ну как с такой интеллектуальной элитой может не впасть в кризис страна? Интеллектуальные авторитеты, выведенные теперь на авансцену, передают обществу расщепление своего сознания. Мы не говорим о циничной части представителей номенклатуры, которые после 1991 года пустились во все тяжкие, занялись коррупцией и глумятся над доверчивыми людьми. У этих сознание не расщеплено.

Л. Н. Митрохин не раз возвращается к теме "двуличия" виднейших советских гуманитариев. Так, он пишет об академике Ю. П. Францеве, который очень много сделал для создания научных учреждений социологии в СССР: "Францев вступил в партию и стал делать быструю карьеру по линии МИДа. У меня, однако, сложилось впечатление, что она сопровождалась всё более мучительными переживаниями. С одной стороны, он (заместитель главного редактора "Правды", позже ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС) уже тогда видел убожество и догматизм официальной идеологии, порочность порядков, ею охраняемых. С другой, — понимал, что сознательно обрёл себя на служение этому строю, и продолжал настойчиво, порой просто талантливо, восхвалять мудрость ЦК КПСС".

Он представляет Францева почти как своего двойника. Но никакого объяснения тоже не даёт. Так хоть бы сказал, что здесь есть какая-то загадка, которую надо было бы разгадать. Это необходимо для выхода из нынешнего культурного кризиса. Можно было бы и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не "сопровождается всё более мучительными переживаниями"? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Де Токвиль писал: "Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство". Отсюда и переживания.

Но ведь даже и свобода на деле представляет собой вовсе не гармонический набор благ, а систему конкурирующих между собой и даже несоизмеримых свобод. Есть ситуации, в которых "не существует пристойного, честного и адекватного решения", и это не зависит от воли или склонностей [18]. Может ли политик пожертвовать адекватностью решения? Да, если он в этом конфликте выше адекватности поставит свою репутацию "пристойного, честного" человека. Но будет ли это честным?

Эти драматические ситуации — реальность, а "убожество и догматизм официальной идеологии" — шелуха на этой реальности. И академик Францев сделал честный и адекватный выбор — не обращая внимания на эту шелуху, он выполнял то, что считал нужным для укрепления страны — "служил строю" и "восхвалял мудрость ЦК КПСС". Было бы, конечно, ещё полезнее, если бы он смог преодолеть "убожество и догматизм" обществоведения, дать советскому строю хорошую теорию. Но, думаю, он трезво осознал, что такой возможности у него нет — не созрели для неё условия и запас знания, они только-только начинают появляться как продукт нашего кризиса.

Эта ситуация не была обдумана. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие впали и в *цинизм*.

Какую роль сыграл этот обман, вошедший в норму? Приняв **логику обмана**, элита отошла от рациональности. Позже стало можно игнорировать **фактическую информацию**, в том числе количественную. Общество утратило инструменты для познания реальности. Лжец теряет контроль над собой, как клептоман, ворующий у себя дома. Речь идёт о сдвиге в мировоззрении, подрыве жизнеспособности нашей культуры. Это произошло в самой доктрине реформ и за эти годы стало элементом "культурного ядра" общества. Это программа-вирус нашего сознания.

Большим и резким изменением в культуре стал тот факт, что в идеологическую борьбу активно включились учёные, обладающие "удостоверением" разумного, беспристрастного человека (иногда завоевавшего доверие и своей профессиональной работой). Это подрывало систему престижа, важную опору культуры.

Помню, началось в 1987 г. со статей юриста С.С. Алексеева в "Литературной газете", где он утверждал, что на Западе давно нет частной собственности, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корреспондент АН СССР, ведь он наверняка знает, что на тот момент в США 1% взрослого населения имел 76% акций и 78% других ценных бумаг. Эта доля колебалась очень незначительно начиная с 20-х годов.

Во время перестройки множество академиков, писателей и народных трибунов доказывали, что строительство "рукотворных морей" и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в важной книге: "Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель" [14]. Но это неправда! Водохранилища отнюдь не "поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель", зато позволили оросить 7 млн га засушливых земель и сделали их действительно плодородной пашней. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га — 0,35% всей пашни.⁴³

Эта ложь не отвергалась потому, что была вырвана из реального контекста. Честный человек должен был бы сообщить и такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объёмом более 100 млн м³), а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае — 24 119, в США — 6 389, в Канаде — 820, в Турции — 427 и в России — 62 [11]. Отставание России в использовании гидроэнергетического потенциала рек колоссально, но общество убедили в том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы.⁴⁴

Поток подобных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество просто контужено массивной ложью.

Тяжёлый удар по культуре нанесла ложь, которой был пропитан весь идеологический дискурс перестройки, представляющий её переходом к *демократии* и *правовому* государству. Для тех, кто лично общался с этими идеологами и читал их тексты, эта ложь стала очевидной уже в 1989-1990 гг., но основная масса населения искренне верила в лозунги и обещания — общество действительно доросло до общей потребности в демократии. Но стоило ликвидировать СССР и его политический порядок, как те же идеологи стали издеваться над обманутым населением с удивительной глумливостью.

Валерия Новодворская писала в 1993 г.: "Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила своё, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена) — не должны. Право — понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух" [16].

А.С. Панарин, говорит о катастрофических изменениях в жизнеустройстве и добавляет: «Но сказанного все же слишком мало для того, чтобы передать реальную атмосферу нашей общественной жизни. Она характеризуется чудовищной инверсией: все то, что должно было бы существовать нелегально, скрывать свои постыдные и преступные практики, все чаще демонстративно занимает сцену, обретает форму «господствующего дискурса» и господствующей моды» [5, с. 297].

Преобразование системы потребностей. Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть — мир *вещей*. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет

и пользуется. Вещи — символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам — один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние двадцать лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть, добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала возжелать западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». **Так жить нельзя!** — вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные ограничения.

В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку *объективно*, что они *естественны*. Человеку нужна пища, одежда, жилище и т.д. Слово «объективно» можно принять с оговорками — если учесть, что имеется в виду объективность социального бытия, выскочить далеко за рамки которого отдельный человек не может. Но «естественными» потребности человека считать никак нельзя. Это ошибочное представление.

Человек создан культурой, и его потребности — также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже «подавляются» культурой — большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

На самых ранних стадиях развития человеческого общества люди жили собирательством и охотой. Материальные потребности у них были еще неразвиты, и на их обеспечение было достаточно потратить около двух часов в день. Это был «век изобилия», и люди имели много времени для досуга, который использовали, чтобы созерцать мир, совместно создавать большие мифологические системы и музыку, заниматься наскальной живописью.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны *природой* человека, а были обусловлены социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент. Как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки».

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть людей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны — от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти «занимательные штучки», но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось — с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

Проблему потребностей глубоко изучал Маркс, создавая свою теорию революции. Из опыта буржуазных революций он сделал вывод: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей». Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к революционному изменению жизнеустройства, вплоть до *самоотречения* народа. Оно и порождает *смуты* как самые тяжелые кризисы.

Капитализм (рыночная экономика) — первая цивилизация, которая не может существовать без экспансии, как акула не может дышать, не двигаясь. Поэтому капитализм нуждается в непрерывном расширении и обновлении потребностей, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей и ненасытной. У себя дома Запад создал тупиковую ветвь культуры — «общество потребления».

Это очень необычный тип бытия. Будучи одержимо идеей прогресса, индустриальное общество создавало все новые и новые вещи и налаживало их массовое производство. Изучение их потребления показало, что здесь кроется мощный способ *господства*. Возникла технология *рекламы*, позволяющая внушить людям страстное желание иметь ту или иную вещь (был обнаружен парадокс: «ненужные вещи нужнее людям, чем нужные»). В молодом буржуазном обществе, в век Просвещения говорилось: «Я мыслю, значит, я существую». Сейчас, на нисходящей ветви жизненного цикла, в обществе потребления, говорят: «Иметь — значит быть».

Но для нас важнее тот факт, что буржуазное общество создало целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Доктрина этого экспорта была отработана в «опиумных войнах».

Потребности стали интенсивно экспортироваться Западом через разные механизмы — грубо говоря, и с помощью кино, и с помощью канонерок (теперь авианосцев). Разные народы по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса сказано: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Низкие цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под угрозой вымирания она заставляет все народы ввести у себя то, что она называет «цивилизацией», то есть самим стать буржуазными. Одним словом, она создает мир по своему образу и подобию».

Таким образом, «экспорт потребностей» — одно из важных средств в войне цивилизаций. «Слаборазвитость» и есть такое состояние культуры, когда элита становится «компрадорской», то есть тратит национальные ресурсы на покупку зарубежных товаров для собственного потребления, а массы с таким положением соглашаются, потому что надеются вкушать хоть немного от зарубежных благ.

Сейчас в России продолжается большая программа по превращению наших граждан в чахнувших аборигенов, начатая в перестройку. В ноябре 2000 г. президент В.В. Путин, выступая перед студентами Новосибирского государственного университета, сказал, что России «необходимо *открыть границы*. При этом части российских производителей станет неуютно под давлением более качественной и дешевой зарубежной продукции». Далее он пояснил, что идти по этому пути необходимо — иначе «мы все вымерем, как динозавры».

Это суждение почти буквально повторяет формулу из «Коммунистического Манифеста» — внушив страх перед «угрозой вымирания без западных товаров», буржуазия

заставит наш народ ввести у себя то, что она называет «цивилизацией», то есть самим стать буржуазными. Одним словом, она создаст Россию по тому образу и подобию, какой желает.

Тут Маркс ошибся, а В.В. Путин отнесся к нему не критически. «Китайские стены» буржуазия разрушала не товарами, а самой обычной артиллерией и подкупом элиты, а динозавры вымерли не от нехватки западных товаров, а от холода. Нам такая участь тоже грозит — не от нехватки иномарок, а от кризиса теплоснабжения.

В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную») систему потребностей, были сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг — он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты — у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты. Они были обрушены обвалью в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шак.

В ходе довольно длительной культурной кампании в наше общество были импортированы и внедрены в сознание потребности, якобы удовлетворенные на Западе. При помощи прямых подлогов и недоговорок было создано также убеждение, что этот комплекс потребностей может быть удовлетворен и в России — надо только «перестроить» наш дом, главные структуры жизнеустройства. В дальнейшем это убеждение обрушилось и превратилось в более хищную, но реалистичную формулу: **«кое-кто** в России может потреблять так же, как на Западе». Но потребности остались, они обладают большой инерцией.

Реальность нам известна: дом «перестроили» так, что отдали хозяйство на поток и разграбление. Выше говорилось, что за годы реформы в России в три раза сократилось число тракторов и в три раза увеличилось число личных легковых автомобилей.

В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры сознания. «Хочу «форд» любой ценой!» — это коверкает душу, толкает к разрыву со здравым смыслом и с совестью. Многие не выдерживают и скатываются к принятию принципа «человек человеку волк». Рвутся солидарные связи, соединявшие население в народ.

Если «форд» надо «любой ценой», то не жалко продать ни Курильские острова, ни русских девушек в публичные дома, ни ракеты «игла» Басаеву. И люди, и отдельные чиновники, и целые организации становятся подобны наркоману, который тащит из дому — какая уж тут суверенная демократия. Не может быть суверенитета у тех, кто кланится займы и кредиты, а вместо тракторов производит «форд-фиесту».

Когда идеологи и «технологи» планировали и проводили эту акцию, они преследовали, конечно, конкретные политические цели. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с конъюнктурной задачей — создан порочный круг угасания народа. Система потребностей, даже при условии ее более или менее продолжительной изоляции, обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме.

Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для «экспорта соблазнов», внутреннее противоречие не было бы разрешено. Ни

само по себе экономическое «закрытие» России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства «потребностей идолопоклонника». Таким образом, у нас есть реальный шанс «зачахнуть», превратившись в *слаборазвитое* общество.

Возникает вопрос, не оказались ли мы в новой «экзистенциальной» ловушке — как и перед революцией начала XX века? До начала XX века почти 90% населения России жили с уравнильным крестьянским мироощущением («архаический аграрный коммунизм»), укрепленным Православием (или уравнильным же исламом). Благодаря этому культуре было чуждо мальтузианство, так что всякому рождавшемуся было гарантировано право на жизнь.

Даже при том низком уровне производительных сил, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. В то же время было возможно выделять достаточно средств для развития культуры и науки — создавать потенциал модернизации. Это не вызывало социальной злобы вследствие сильных сословных рамок, так что крестьяне не претендовали на то, чтобы «жить как баре».

В начале XX века, под воздействием импортированного зрелого капитализма это устройство стало разваливаться, но кризис был разрешен через революцию. Она сделала уклад жизни более уравнильным, но мессианским и в то же время производительным. Жизнь улучшалась, но баланс между ресурсами и потребностями поддерживался благодаря сохранению инерции «коммунизма» и наличию психологических и идеологических защит против неадекватных потребностей. На этом этапе так же, как раньше, в культуре не было мальтузианства и стремления к конкуренции, так что население росло и осваивало территорию.

В 70-80-е годы большинство населения обрело тип жизни «среднего класса». В массовом сознании стал происходить сдвиг от советского коммунизма («архаического крестьянского») к социал-демократии, а потом и либерализму. В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма и соблазн выиграть в конкуренции. Из интеллигенции социал-дарвинизм стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение — сначала неявно, а потом все более громко. Положение изменилось кардинально в конце 80-х годов, когда это отрицание стало основой официальной идеологии.

Одновременное снятие норм официального коммунизма и иссякание коммунизма архаического (при угасании Православия) изменило общество так, что сегодня, под ударами реформы, оно впало в демографический кризис, обусловленный не только и не столько социальными, сколько мировоззренческими причинами. Еще немного — и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться. Такие проекты уже предлагаются.

Таким образом, опыт последних десяти лет заставляет нас сформулировать тяжелую гипотезу: русские могли быть большим народом и населять Евразию с одновременным поддержанием высокого уровня культуры и темпом развития только в двух вариантах: при комбинации Православия с аграрным коммунизмом и феодально-общинным строем — или при комбинации официального коммунизма с большевизмом и советским строем. При капитализме, хоть либеральном, хоть криминальном, они стянутся в небольшой народ Восточной Европы с утратой статуса державы и высокой культуры.

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям — это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя ни потакая больному — частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан — ни улучшая понемногу «все стороны жизни». Противоречие объективно чревато катастрофой — раскол общества и расщепление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться и ползучей («молекулярной») гражданской войной, и войнами —

нового, незнакомого нам типа. России грозит гражданская война «постмодерна», порожденная «революцией притязаний».

Исход зависит от того, сможет ли та часть интеллигенции, что осознала опасность и сохранила силы для действия, собрать осколки культурного ядра России, чтобы составить из них то зеркало, в котором каждый из нас сможет увидеть себя как судьбу, как частицу судьбы народа. Тогда будет у нас шанс испытать катарсис, вспомнить свой долг перед нашими мертвыми и нашими потомками — и начать восстанавливать свой дом, хотя бы уже с землянки и барака.

Рынок, культура и преступность

За последние двадцать лет в России, в основном, завершилась смена общественного строя. Новое жизнеустройство представило свои принципиальные признаки. Что произошло при этом переходе с одним из главных условий безопасности основной массы людей — их защищенностью от *преступника* ? Произошло событие аномальное — в одной из самых благополучных в этом смысле стран мира почти искусственно раскручен маховик жесткой, массовой, организованной преступности. Страна перешла в совершенно новое качество — новый политический режим сдал население в лапы «братвы».

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР было от убийств погибло 11,3 тыс. человек (с учетом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 1994 г. от убийств погибло 47,9 тыс. человек и произошло 186 тыс. грабежей и разбоев. В последние годы ситуация меняется. В 2006 г. погибло 28,8 тыс. человек, но число грабежей и разбоев достигло 417 тыс. Эти масштабы снижаются, но, видимо, стабилизируются уже на высоких уровнях. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн. в год (к тому же сильно сократилась доля тех преступлений, что регистрируются и тем более раскрываются).

Это значит, что официально примерно в 5% семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! А сколько еще близких им людей переживают эту драму. Сколько миллионов живут с изломанной душой преступника, причинившего страшное зло невинным людям! Только в местах заключения ежегодно пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Таким образом, жертвы преступности, включая саму вовлеченную в нее молодежь, ежегодно исчисляются миллионами — и это только начало раскручивания страшного маховика.⁴⁵ Начинает накатывать вал наркомании, который скоро сам начнет себя питать — и остановить его будет очень трудно.

Как взрастили эту угрозу? Ведь это — новое явление. Был у нас в 60-70-е годы преступный мир, но он был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился *без расширения масштабов*. Общество — и хозяйство, и нравственность, и органы правопорядка — не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины ее нынешнего роста известны, и первая из них — социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь «лица без постоянного источника дохода». Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Изменились социальные условия! Честным трудом прожить трудно, на этом «рынке» у массы молодежи никаких перспектив, реформа «выдавила» ее в преступность.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. В России возникли новые культурные условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные «фирмы» как на нормальную работу. Их уже и не тянет к честному труду на заводе, в поле, в

лаборатории. Они уже отвыкают есть простую русскую пищу, пить обычные русские напитки. Они хотят жить как «новые русские». Начни государство восстановительную программу — как ему с ними быть? Захотят ли они договориться или начнут «молекулярную» мятеж-войну? Вот еще одна яма на нашем пути.

Преступность — процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир. С самого начала реформы подростковая (и женская) преступность в темпах роста значительно опередила общую.

Криминалисты называют главные причины этого: снижение жизненного уровня, появление и рост армии безработных, снижение нравственного уровня общества, ослабление профилактической и карательной работы правоохранительных органов. Сильнее всего это сказалось на подростках, в их среде отмечают «широкое распространение пьянства и наркомании, нравственное падение, физическое и психическое ухудшение здоровья, неэффективное оказание медицинской и социальной помощи».

Это — массивный социальный процесс, который не будет переломлен небольшими «социальными» подачками. Мониторинг употребления алкоголя в РФ (2002 г.) показал, что массовое потребление пива начинается в 12 лет, вина в 15 лет и водки в 16 лет. Пик первого употребления вина и пива сдвинулся с 14 лет (в 1999 году) на возраст 11 лет или младше в 2003 г. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространенность алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300%. С алкоголем связано свыше 50% убийств и 40% разбойных нападений. Число лиц, систематически совершающих на почве злоупотребления алкоголем противоправные действия, колеблется в интервале 10-12 млн. человек [9].

Но главная проблема в том, что этому переходу способствовало само общество. Благодаря его поддержке преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Рынок, господа! Культ денег и силы! И ничего в этом не было неизвестного — просто не хотели знать и слушать. Что же теперь заламывать руки, ужасаясь детской преступности и детскому цинизму. Хотелось раскованности, плюрализма, свободы самовыражения — и помогли порно- и наркодельцам совершить культурную революцию, необходимую для криминализации жизнеустройства. Теперь надо иметь мужество и силу увидеть последствия — это норма интеллектуальной совести. Без нее ни о каком лечении и речи быть не может.

На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена ее оплачивается прежде всего *детьми* и *подростками*. Американский социолог К. Лэш пишет в книге «Восстание элит»: «Телевизор, по бедности, становится главной нянькой при ребенке... [Дети] подвергаются его воздействию в той грубой, однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка» [10, с. 79].

Растлевающее воздействие телевидения образует *кооперативный эффект* с одновременным обеднением населения. В ходе рыночной реформы в России сильнее всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). И глубина их обеднения не идет ни в какое сравнение с бедностью на Западе. А вот что там принесла неолиберальная реформа: «Самым тревожным симптомом оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накопление зачетов — всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут

молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлении с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними» [32, с. 169].

Именно это, и в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали — в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии — таков был социальный заказ элиты культурного слоя.

Вот один из последних примеров — сериал «Сонька — Золотая Ручка», который снял Виктор Иванович Мережко.

Он восхищен ею — «талантливая воровка». В этой воровке, которая действовала в составе банды, он видит героя, востребованного нынешним обществом: «Она уже легенда. И войдет в число женщин-героинь обязательно! Это наша Мата Хари. Но не шпионка, а воровка». Национальная героиня России! В этих похвалах Мережко поддерживает телеканал «Россия»: «Ее таланту и авторитету в уголовном мире не было равных».

В русском фольклоре с уважением отзывались о мятежниках, иногда и о разбойниках с трагической судьбой, но не о профессиональных ворах и грабителях. Мережко говорит о том, что его побудило прославлять Соньку: «Уникальность и романтичность личности. Другой такой в нашей истории не было. Она не бандит вроде Пугачева или Разина». Вот теперь о ком надо слагать народные песни типа «Есть на Волге утес».

Режиссера спросили, хотелось бы ему встретиться с живой Сонькой. В ответ: «Конечно! Обязательно выразил бы ей свой восторг, уважение». Уважение! Мережко воровку уважает и детей учит: «Мы с дочкой даже сходили на Ваганьковское кладбище, где, по легенде, лежит Золотая Ручка. Нашли мраморный памятник, цветочки положили...» [17].

Чтобы этот особый дух «уважения к вору» навязать, хоть на время, большей части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была — устранить общие нравственные нормы, которые были для людей неписанным законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность. Этот вал антиморали накатывает на Россию и становится одной из фундаментальных угроз.

* * *

Российское общество подходит к пороговому моменту в исчерпании ресурсов советской культуры. При этом никаких ресурсов альтернативной культуры (например, «западной») не появилось. До сих пор даже и *антисоветская* мысль в России питалась советской культурой и была ее порождением, а теперь и она — как рыба, глотающая воздух на песке.

Обрезав советские корни, жители России не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Но исход вовсе не предопределен. Если молодежь России хочет выжить как большая культурная общность, она еще имеет время, чтобы хладнокровно рассмотреть все варианты будущего и определиться. Главные устои культуры быстро не исчезают, а лишь уходят вглубь, становятся сокровенными и теряют качества активных социальных факторов. Нужны усилия, чтобы их «оживить».

Глава 6. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

В гл. 2 мы говорили о «демонтаже» народа России как о главной, *системообразующей* угрозе для России. Распад, болезнь главного субъекта нашей истории предопределяет слабость, уязвимость страны, общества, государства перед лицом всех других угроз. Другим «срезом» этой же главной угрозы можно считать «демонтаж» тех оснований, на которых Россия сложилась как *цивилизация*.

В информационно-психологических войнах одной из главных целей является убедить население противника и мировое общественное мнение в том, что другая воюющая сторона **не является цивилизацией**. По отношению к державе этого добиться трудно, и подобные атаки носят чисто агитационный, эмоциональный характер. Обычно противник ограничивается тем, что формирует интеллектуальную бригаду, которая изготавливает наукообразную «теорию», согласно которой враждебная держава или является цивилизацией с дефектной мировоззренческой матрицей (типа «ацтеки практиковали человеческие жертвоприношения» или «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба»), или является всего лишь частью (версией) другой цивилизации, но частью вырожденной, отставшей.

Если это достигается, противник теряет очень большую часть своих символических ресурсов. В обычном праве, а сейчас все больше и в формальном международном праве, страна, лишенная статуса цивилизации, практически перестает быть субъектом права. На деле действует разработанная еще Локком презумпция естественного права *цивилизованного* государства («гражданского общества») вести войну с *варварской* страной (против тех, кто «не обладает разумом»), захватывать ее территорию, экспроприировать достояние (в уплату за военные расходы) и обращать в рабство ее жителей.⁴⁶ Так были легитимированы рабовладение и работорговля в XVI-XIX веках.

Во время колониальных захватов — для очистки земли от туземцев, работорговли и жестокой эксплуатации — требовалось создание идеологии, выводящей туземных *иных* за рамки принятых в западном обществе представлений о человеке и его правах. Одновременно *свои* повязывались круговой порукой солидарности цивилизованного человека. Идеологи хватались за любую «научную» теорию, манипулируя которой можно было «рационально» подтвердить представления о «варварах» как *не вполне людях*. Великий французский просветитель Монтескье, вкладывая свои деньги в прибыльную работорговлю, убедительно обосновывал рабство: «Сахар был бы слишком дорог, если бы не использовался труд рабов. Эти рабы — черные с головы до ног, и у них такой приплюснутый нос, что почти невозможно испытывать к ним жалость. Немыслимо, чтобы Бог, существо исключительно умное, вложил бы душу, тем более добрую душу, в совершенно черное тело» [25].

В настоящее время крайней степенью лишения страны статуса цивилизованной является ее квалификация как «страны-изгоя» или, как в случае СССР, «империи зла». Такие кампании достигают успеха в том случае, когда в стране возникает влиятельная общественная группа, воюющая на стороне противника, а в редких удачных случаях, когда такая сила возникает в лоне власти.

Как же определялись в этих вопросах реформаторы России во время перестройки и после 1991 года?

Среди идеологов антисоветского проекта бытовало три версии. **Первая** из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*.

Эту мысль проводил А.Н. Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации... На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы».

А.Н. Яковлев представлял реформу как «Реформацию России» — попытку политическими средствами превратить ее в цивилизованное общество. Не было никогда в

России «материи и духа цивилизации» — а теперь будет! При этом речь здесь уже не идет о выпадении из цивилизации на период советского строя, а именно о том, что «духа цивилизации» здесь не было *никогда*. Ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Ельцина, А.Н. Яковлев сказал: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь» [1].

Вторая версия, которая доминировала в 90-е годы, состояла в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов радовался уничтожению СССР: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается». Он так излагал «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации»: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданы и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории».

А.И. Ракитов подчеркивает, что патологическая жестокость была изначально присущим, *примордиальным* качеством России: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях» [2].

Третья версия, самая мягкая, сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь слегка отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 60-е годы, во время «оттепели». П. Вайль и А. Генис показывают это в книге «60-е. Мир советского человека», где описаны умонастроения «кухонь» интеллигентской богемы, чьим идеологом и пророком стал И. Эренбург (его уподобляют апостолу Павлу): «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад».

В начале 90-х годов предлагались вариации этой идеи. В.И. Мильдон пишет: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия» [4].

Как надо понимать, что Сибирь не Россия, а часть Российской империи? Как это должны понимать якуты — они из России изгоняются и моста в Европу лишаются? Эта статья, а таких было множество, есть идеологическая диверсия, одна из бомб психологической войны против России. Но какая трибуна была предоставлена для таких статей — академический журнал «Вопросы философии»!

В совокупности все три версии с конца 80-х годов господствуют в «гуманитарном» дискурсе нынешней России и постоянно подпитываются заявлениями авторитетных интеллектуалов. Принципиальные дискуссии с ними не допускаются, и основная масса гуманитарной интеллигенции «безмолствует» (в этом смысле она ведет себя, как народ). В основном идеологи реформы развивают вторую и третью версии цивилизационного статуса России. Представление России как варварской страны, на которую не снизошел «дух цивилизации», пропитано слишком тупой русофобией и эта версия идет по разряду художественных гипербол. Она, однако, продолжает культивироваться и принимается даже в самых элитарных салонах.

Вот, например, выступление В. Ерофеева на российско-немецком форуме в декабре 2008 г.: «Мне кажется, у нас есть свои «тайные» особенности, которые говорят вот о чём: мы страшно архаический народ. Отсюда и наше счастье, и все наши беды. Россия — большая африканская деревня. И надо сказать, что умные иностранцы, которые сюда приезжают, достаточно быстро ориентируются, что если смотреть с точки зрения большой африканской деревни — всё как раз понятно. Все взаимоотношения, которые выстраиваются в России — они понятны... Мы — полигон, на котором видны следы человеческой природы, мы, будучи

вне истории, полезны для человеческой истории... Строго говоря, за всю историю России мы никогда не давали повода считать нас европейцами. Лишь запредельная политкорректность вкупе с нетерпеливым желанием наконец найти с нами общий язык толкает Европу признать нас своими подданными» [40, с. 47-48].

Еще определеннее на том же форуме высказался социолог Л. Гудков: «Тютчев очень точно сформулировал один из центральных комплексов российской идентичности, реально работающих и сегодня. Смысловым фоном для такого суждения оказывается ясное и одновременно крайне болезненное сознание не просто отсталости России или ее варварской, с точки зрения европейцев, патриархально-самодержавной государственной и общественной конституции, но и неосновательность каких-либо надежд на процессы ее цивилизации в обозримом будущем» [40, с. 54].

Две другие версии муссируются в академической и широкой прессе и на всяческих семинарах и «круглых столах». Хорошей иллюстрацией служит деятельность в конце 90-х годов Независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А.С. Ахиезера. На его заседаниях в Москве собирались видные гуманитарии, в том числе из-за границы.

Вот, на семинаре № 16 (17 декабря 1997 года) [26] был заслушан доклад А.А. Трошина «Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века)».47 Приведем выдержки, из которых складывается образ России как цивилизации:

«До начала XVII века основной формой поведения русских мужчин был гомосексуализм как гендерная норма... В России с XII по XVI век известны массовые психопатии гомосексуального толка, когда женское население вырезалось полностью. Этот особенно характерно для верхнего и среднего Поволжья».

И этот бред благосклонно слушают 27 человек из российского и эмигрантского гуманитарного истеблишмента. Где докладчик взял статистику «гомосексуализма русских мужчин» в XII веке? Ведь еще не было русских мужчин, а были вятичи да кривичи. И уж тем более не было статистики. Кому «известно», что с XII по XVI век для верхнего и среднего Поволжья было «особенно характерно», что на почве гомосексуализма «женское население вырезалось полностью»?

Вот еще: «... Русское общество основывалось на наркомании... Н.Н. Реформатский описывает случаи стопроцентного поражения жителей спорыньей».

Что значит «русское общество основывалось на...»? Что значит «стопроцентное поражение жителей спорыньей»? И это — элитарный теоретический семинар! По методологии анализа российского общества... Это уже само по себе — угроза для России.

Следующий мазок в портрет России: «По мнению специалиста по психопатиям П.И. Якобия, единственного, кто попытался написать антропологическую историю России, каждый год более половины населения было охвачено теми или иными формами массовых психопатий».

Сидят российские и английские профессора, кивают. На неряшливое выражение «специалиста по психопатиям П.И. Якобия» ссылаются, как на научный факт. Да «теми или иными формами массовых психопатий» всегда и везде «охвачено» все население любой страны. Разговор ведется в понятиях неопределимых и о явлениях неизмеримых. Какое убожество в уровне рассуждений!

Вот еще открытие: «Оказывается, что многодетные семьи в русской деревне — это миф. В течение XIX фактический прирост населения происходил только за счет миграции. Численность коренного населения снижалась за счет того, что при огромной рождаемости детская смертность была еще большей, а также за счет массовых психопатий».

Как можно всерьез принимать такие вещи? Во время похода Наполеона русских было меньше, чем французов. Откуда могло набежать столько людей в «русскую деревню» к концу XIX века? Миграция из Сибири! Это круто. «Многодетные семьи в русской деревне — это миф», хотя уже проводились всероссийские переписи населения. И это слушают, развесив уши, культурологи и социологи. Вот где маразм, а не в «русской деревне».

Докладчик делает экскурс в этнологию: «В XVII веке, когда весь великорусский этнос сменился полностью. Он не исчез биологически, но культурное наследие прервалось».

Что значит «этнос сменился полностью»? Это утверждение просто нелепо. Что значит «культурное наследие прервалось»? Великорусский этнос забыл русский язык? Русские люди забыли, как креститься и куда совать ложку?

Дальше следует социальный срез русской культуры: «Когда кора не работает физиологически, то работает подкорка [у крестьян]. Когда вербальные конструкции не действуют, начинается эмоциональное детерминирование. Почему наша ученая молодежь, студенчество, в особенности физики, так восприимчивы к сектантству? Потому что у них нормальный человеческий функционирующий мозг... Поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне».

Не будем придираться к смыслу, взглянем на логику. У крестьян «кора не работает физиологически». Допустим. У ученых («особенно физиков») — «нормальный человеческий функционирующий мозг». Допустим. Но как получается «поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне»?

Красной нитью в докладе о России проходит тема гомосексуализма: «По свидетельству иностранцев, на льду Москвы-реки одновременно горело по несколько сот костров, на которых сжигали гомосексуалистов».

Наконец-то хоть один надежный источник указан — «по свидетельству иностранцев». Можно было бы даже дать ссылку на отчет уважаемого иностранца, правда, не о Москве и гомосексуалистах, а о самом европейском в России городе Петербурге и крещении детей: «В праздник Богоявления на льду Невы перед Зимним дворцом строят Иордань, где пьяный поп крестит детей, окуная их в прорубь. Уронив случайно младенца в воду, он говорит родителям: “Другого!”».

В обсуждении доклада семинар Ахиезера дает концептуальное определение России как цивилизации. И.Гр. Яковенко: «Мы имеем дело с архаической, периферийной цивилизацией, в которой имеет место языческо-христианский синкретизм, причем языческое, как оказывается, доминирует, а христианское является лишь оформлением... Катастрофа не является чисто негативным явлением. Она оказывается фактором мобилизующим, она мобилизует общество и на какие-то мутации, и на какие-то осмысленные изменения, и кроме того, катастрофа позволяет поднять энергетический порог и перейти потенциальный барьер, который закрывает системообразующие структуры общества от случайных изменений. Чем мощнее катастрофа, тем больше шансов на изменение глубинных, традиционных оснований культуры и общества».

Вот, оказывается, в чем была историческая миссия Ельцина. Созданная его режимом катастрофа «позволяет поднять энергетический порог и перейти потенциальный барьер».

Говорит Л. Куликов: «Россия — некая гиперличность, такая же как США, Германия, Индия и т.д. Конечно, очень не хочется, чисто на эмоциональном уровне, принадлежать к цивилизации, у которой нет будущего. Россия — в той форме, в которой она сегодня существует, с ее архаичной культурой — не выживет».48

Кому-то все это покажется гротескной постмодернистской клоунадой кружка «играющих в бисер». Но в действительности А.С. Ахиезер с его «теорией России» несколько лет задавал тон в элитарном гуманитарном сообществе, а члены его «кружка» и до сих пор ведут семинары на «цивилизационные» темы.

На семинаре Ахиезера делались доклады и в духе версии «Россия-как-Европа». На семинаре № 20 (10 июня 1998 года) с докладом «Методология исследования политической традиции в России» выступил известный специалист по России из США А.Л. Янов. Главная его мысль заключалась в том, что Россия, в принципе, это нормальная европейская страна, развитие которой затормозили некоторые тоталитарные (имперские) правители. Конкретно, два — Иван Грозный и Сталин. Формула истории России по Янову такова: «Церковь, как наследница татар, нанесла поражение государству, как наследнику Европы».

Янов утверждает: «Москва вышла из-под [монгольского] ига обыкновенной,

нормальной североευропейской страной, такой же как Швеция, Дания или Англия, причем во многих отношениях куда более прогрессивной, нежели ее западные соседи. Во всяком случае, эта «наследница Золотой Орды» первой в Европе поставила на повестку дня текущей политики самый судьбоносный вопрос позднего средневековья — церковную Реформацию...

Что же такое непоправимое случилось вдруг в середине XVI века в Москве? Что внезапно перевернуло с ног на голову культурную и политическую традицию, которую мы только что описали? Да то же, примерно, что в 1917 году. Революция. Гражданская война. Беспощадное уничтожение накопленного за столетия интеллектуального потенциала страны. Конец ее европейской эры. Установление «гарнизонного государства». Цивилизационная катастрофа. С той лишь разницей, что та, первая катастрофа была еще страшнее большевистской. В ней при свете пожарниц гражданской войны и в кровавом терроре самодержавной революции рождалась империя и навсегда, казалось, гибла досамодержавная, доимперская, докрепостническая — европейская Россия...

Говоря о европейской традиции в России, говорим мы не о чем-то случайном, эфемерном, неведь откуда в нее залетевшем, а напротив, о корневом, органическом, о чем-то, что даже в огне тотального террора не сгорело, что в принципе не могло сгореть, пока существует русский народ. Не могло, потому что вопреки Парадигме Европа — внутри России» [27].

Мысль об изуверской сущности российской цивилизации и сейчас устойчиво воспроизводится в значительной части реформаторской гуманитарной элиты (и, следовательно, благосклонно воспринимается остальной ее частью). Поскольку в открытой форме она высказывается уже более двадцати лет, ее надо считать выношенной, продуманной установкой — перестройка и реформа лишь дали ей трибуну. Эта мысль развивается — она теперь прямо основывается на концепции прирожденных (примордиальных) дефектов национального сознания русских, которые не устраняются ни при каких социальных и политических изменениях. Это почти биологическое свойство русского народа.

Нынешняя власть политическими средствами сохраняет за глашатаями этой концепции привилегированную трибуну в СМИ, практически, не давая никакой возможности адекватного ответа оппонентам.

Вот, например, рассуждения ведущего важной программы на канале «Культура» российского телевидения Виктора Ерофеева в статье, написанной по такому поводу: «На минувшей неделе стало известно, что в проекте «Имя России. Исторический выбор-2008» с большим отрывом лидирует Иосиф Сталин». Понятно, что В. Ерофеев этим недоволен, но важна теоретическая база, которую он подводит под это демонстративное голосование.

Он пишет: «Никогда не обижай человека, который любит Сталина. Не кричи на него, не топай ногами, не приходи в отчаяние, не требуй от него невозможного. Это тяжелобольной человек, у него нечеловеческая болезнь — духовный вывих... Никогда не обижай человека, который любит Сталина: он сам себя на всю жизнь обидел.

Любовь половины родины к Сталину — хорошая причина отвернуться от такой страны, поставить на народе крест. Вы голосуете за Сталина? Я развожусь с моей страной! Я плюю народу в лицо и, зная, что эта любовь неизменна, открываю циничное отношение к народу. Я смотрю на него как на быдло, которое можно использовать в моих целях... Сталин — это смердящий чан, булькающий нашими пороками. Нельзя перестать любить Сталина, если Сталин — гарант нашей цельности, опора нашего идиотизма. Только на нашей земле Сталин пустил корни и дал плоды. Его любят за то, что мы сами по себе ничего не можем... Мы не умеем жить. Нам нужен колокольный звон с водкой и плеткой, иначе мы потеряем свою самобытность» [23].

Здесь писатель, идеологический работник того меньшинства, которое, как считается, победило в социальном и цивилизационном конфликте с «совком», реагирует на символический жест побежденных. В ответ на этот жест он выдает декларацию полного отрицания страны, народа, «нашей земли» и ее самобытности. Это уже не политическая и не

социальная борьба, это экзистенциальная несовместимость и нетерпимость. И этому человеку предоставлена постоянная трибуна *государственного телевидения*. Может ли власть не видеть, что вручила инструмент культурного господства поджигателю гражданской войны?

А вот рассуждения на подобную тему «доброго» идеолога той же команды, А. Ципко. Он тоже написал статью, побуждаемый заботой: «Результаты интернет-выборов главного имени России заставляют еще раз и всерьез задуматься о состоянии духа и ценностей современной, во многом новой российской нации, и прежде всего — о состоянии духа тех, кого до 1917 года называли *великороссами*».

И в этом случае интерес представляет именно теоретическая трактовка результатов провокационной акции телевидения. А. Ципко пишет: «Вопреки всем прекраснотушным ожиданиям перестройки свобода от коммунизма не дала ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил народа... В новой России, как и в старой, дореволюционной, дает о себе знать традиционное для нас равнодушие, безразличие к моральным качествам личности... И здесь я задаю себе самый главный, страшный вопрос, на который уже долгие годы сам ищу ответ. Почему мы, русские, такие, почему нам своих не жалко?.. Если бы у нас было по-другому, если бы мы любили друг друга, то у нас никогда бы не победили большевики с их идеей классовой ненависти. Это уже писал Антон Деникин... Очевидно, что у русских как у самого многочисленного народа РФ нет до сих пор даже чего-то сравнимого с еврейской заботой о сохранении своего народа... Традиция обожествлять вождей идет от старых, царистских настроений, от чувства раба. Кстати, в моей родной Одессе сталинисты даже во времена Сталина были редкостью, ибо одесситы от рождения ощущают себя свободными людьми» [24].

Как мучает одессита, от рождения ощущавшего себя свободным человеком, «самый главный, страшный вопрос». Ну что это за народ русские — какую им свободу не давай, нет «ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил». Равнодушны они к моральным качествам личности — любят Сталина, а не Абрамовича. И главное, это качество устойчиво — как говорится, архетип русских. И в «новой России», и в советской, и в «старой дореволюционной» — одна и та же традиционная патология. Все это «от старых, царистских настроений, от чувства раба».

Чтобы окончательно пригвоздить русских, не уважающих «фундаментальные основания европейской цивилизации», А. Ципко кидает шматок грязи в символ, пока еще скрепляющий национальное сознание современной России — победу над фашизмом. Он ее уподобляет победам Чингисхана. Какого умного философа выкормили ЦК КПСС и последующие директивные органы!

А. Ципко пишет: «Военные победы приобретают подлинную ценность тогда, когда они ведут к прорывам в области культуры, к расцвету нации. У Чингисхана было много военных побед, он даже создал великую империю. Но чем отозвались эти победы Чингисхана в человеческой истории? Рискну утверждать, что о созданной Сталиным в Восточной Европе мировой социалистической системе тоже никто никогда не вспомнит добрым словом... У нас до сих пор нет понимания, что свобода, личность, творчество, красота, собственность — это не особые так называемые либеральные ценности, а фундаментальные основания европейской цивилизации. И если ты себя считаешь культурным человеком, ты не имеешь права поддерживать, а тем более восхищаться теми историческими деятелями, которые посягали на святое, на право человека быть человеком, на право человека быть хозяином своей судьбы... Мы не умеем, как, к примеру, англичане, ценить то, что есть, реальные, ощутимые блага и свободы... Я никого не хотел обвинять, тем более я не претендую на роль судьи собственного народа» [24].

Великолепна последняя фраза. Так, наверное, в Одессе философы привыкли — плюнут человеку в лицо и объясняют: «Я никого не хотел обидеть, но ведь ты же не умеешь ценить свободу!»

Все это — не импульсивные всплески эмоций обиженных на Россию «просветителей».

Это нормальная регулярная идеологическая работа весьма уже уставших людей на жалование. Цель ее — размыть у читающей публики и телезрителей уверенность в праве России на существование как самобытной цивилизации. Надо подчеркнуть, что последние примеры относятся к концу 2008 года.

К этому постоянному мотиву периодически добавляется припев о необходимости отказаться от этой плохой самобытности и перенять хорошую, европейскую. В этой версии реформа видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад». Один из активных «прорабов перестройки» И. М. Клямкин утверждал: «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» (см. [3, с. 21]).

После 2000 года сама власть какое-то время избегала делать декларации о цивилизационном статусе России. Оппортунистическая концепция Горбачева о переходе к «общечеловеческим ценностям» была отброшена ввиду ее очевидной нелепости на фоне бомбардировок Югославии и глобального международного терроризма. Что-то надо было сказать конкретно о России.

К концу второго срока стали делаться взаимоисключающие заявления, возникла большая неопределенность. В восьмом Послании В.В. Путина Федеральному собранию (2007 г.) был высказан важный тезис: «Мы должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю».

«Базовые ценности, выработанные народом за тысячелетнюю историю» — это и есть мировоззренческая матрица, на которой собрана цивилизация. Это заявление было понято как открытый разрыв с духовной основой неолиберальной реформы, с ее агрессивным западничеством. Правда, от этого еще было далеко до того, чтобы назвать наши «базовые морально-нравственные ценности» и начать на них «опираться», но шаг был сделан важный.

Однако сейчас же последовала коррекция. 8 июня 2007 г. в здании Президиума РАН с лекцией о русской культуре и будущем России выступил В.Ю. Сурков, который негласно считался идеологом администрации президента. Он начал с такого заявления: «Новый демократический порядок происходит из европейской цивилизации. Но при этом из весьма специфической российской ее версии».

На этой изощренной идеологической конструкции В.Ю. Сурков основывает свою концепцию суверенной демократии. Не будем обсуждать утверждение, будто «демократический порядок» России «происходит из европейской цивилизации». Слишком уж он «специфический», этот порядок, да и кто из европейцев согласится признать себя его крестным отцом.⁴⁹ Слово «демократия» в тезисе В.Ю. Суркова — типичный продукт гипостазирования, никакой реальной сущности оно не представляет.

Ключевым в этом тезисе является утверждение о «русской версии европейской цивилизации». Это удаляет из мировоззренческой матрицы России стержневое положение о *самобытности* русской культуры и культуры других народов российской цивилизации.

Оговорка о специфичности «русской версии» дела несколько не меняет, всякая цивилизация включает в себя разные национальные версии. В структуре Запада специфичны все культуры, испанцы не похожи на англичан, те на немцев и т.д. Главное, что В.Ю. Сурков заявил и с разными вариациями повторил, что представляемая им власть не считает Россию самостоятельной локальной цивилизацией, а рассматривает ее как структурный элемент Запада.

Это — установка радикального российского евроцентризма. Российские западники конца XIX — начала XX века признавали за Россией статус одной из самобытных цивилизаций. Из видения России как периферийной версии западной цивилизации вытекает ряд ошибочных стратегических положений нынешней российской власти. Образ «*России-как-Европы*» порождает глубокий раскол российского общества.⁵⁰

«Не выпасть из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России», — пишет В.Ю. Сурков, выделяя жирным шрифтом. К кому он

обращается? Когда мы были «приняты» в Европу, чтобы сегодня беспокоиться, как бы из нее «не выпасть»?

В России началась мировая революция крестьянских стран, пытавшихся избежать втягивания их в периферию западного капитализма. Это было всемирно-историческим событием, как бы к нему не относиться. Как же можно игнорировать этот факт в самой России?

Израильский историк М. Агурский пишет в книге «Идеология национал-большевизма»: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад...

Капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [5].

Весь XX век Россия вела цивилизационную войну с Западом, сопротивляясь его экспансии, а теперь российская власть собирается «конструировать Россию» как часть Запада! Как же тут не быть системному кризису в России!

Чего тут мог не знать В.Ю. Сурков? Немецкий историк Вальтер Шубарт в широко известной книге «Европа и душа Востока» (1938 г.) пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме: Третий Рейх или Третий Интернационал и не фашизм или большевизм? Дело идет **о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России** ... То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило» [6].⁵¹

Допустим, середина XX века — это уже история, и мировоззрение граждан России столь резко изменилось, что большинство осознает себя как принадлежащих к западной культуре. Но это было бы очень необычным явлением, и В.Ю. Сурков, делая свои заявления, должен был бы привести какие-то доводы в его подтверждение или хотя бы сказать, что, по его мнению, в русском народе произошла такая трансформация.

Но сказать этого он не мог, потому что представления В.Ю. Суркова о нации и о культуре проникнуты эссенциализмом (или даже примордиализмом). Он приписывает культуре неизменную идентичность, основанную на национальном характере: «Воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера... Культура — это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами... Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры...».

Таким образом, цивилизационное самосознание «русских, россиян» является в такой концепции именно «архетипическими, неотменяемыми свойствами». Это у В.Ю. Суркова изначально данное «природное свойство национального характера».⁵² Так что о мировоззренческом повороте и речи нет, россияне с самого начала — люди «европейской культуры» (интересно, с какого века?).

Мы, однако, впадать в примордиализм не будем и примем как теоретически возможное предположение, что в 80-е годы граждане РСФСР потянулись к демократии и стали считать

себя людьми западной культуры (хотя и специфической версии). Что же говорят эмпирические данные?

Они говорят, что за последние двадцать лет не произошло слома тех главных устоев русской культуры, для которых пробным камнем был Запад как «*этнизирующий иной*» (то есть как иная цивилизация, относительно которой люди осознают свою культурную идентичность). В декабре 2006 г. Аналитический центр Ю. Левады провел большой опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных выбрали ответ «Россия принадлежит особой («евразийской») или «православно-славянской») цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15% [8].

В этом и коренится **угроза России, вызревающая в лоне самой власти**. Власть пытается, опираясь на поддержку 15% населения, вообразивших себя «людьми западной цивилизации», загнать остальных в чуждую им цивилизацию, насильно сменить их культурное ядро — представления о добре и зле, о прекрасном и безобразном. Власть ведет против большинства населения *цивилизационную войну*, в которой велик риск поражения обеих сторон. Это и есть Смута, один из худших видов кризиса.

Надо заметить, что В.Ю. Сурков требует именно полного подчинения России мировоззренческому руководству Запада, а вовсе не «учебы у Запада», не собственной форсированной программы модернизации. Усилия России по освоению достижений Запада вызывают у него резкое неприятие. В.Ю. Сурков говорит: «Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нельзя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества».

Дескать, лучше бы уж и не пытались! Капитуляция должна быть безоговорочной. Но вся эта установка противоречит исторической реальности. Способность русской культуры к синтезу известна и у нас, и на Западе. Г.П. Федотов писал: «Поразительна та легкость, с которой русские скифы усваивали чуждое им просвещение. Усваивали не только пассивно, но и активно-творчески. На Петра немедленно ответили Ломоносовым, на Растрелли — Захаровым, Воронихиным; через полтора столетия после петровского переворота — срок небольшой — блестящим развитием русской науки» [40].

Это, кстати, и пугало Запад, питало его русофобию. А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии».

Перейдем к другой стороне этого дела. В демократической Европе бытует такая поговорка: «Это хуже, чем преступление, это ошибка!» Так вот, вся концепция *России-как-Европы* ошибочна. Власть мучает население заведомо напрасно. Чтобы быть членом «европейской семьи народов» надо, чтобы **эта самая семья** тебя признала своим. Тут нельзя заплатить деньги и усесться на свое кресло «согласно купленным билетам». Это не тот театр.

Запад появления у него такого «родственника» не желает и никогда не желал — потому и откололся с такой ненавистью от Византии и стал тем, что мы понимаем как *Запад*. Так что, даже если бы отказ русских от самих себя был бы заведомым благом, оно нереализуемо просто из-за того железного занавеса, которым отгорожен от нас Запад — гораздо более железного, чем сталинский.

Давайте наконец зафиксируем факт, общеизвестный на Западе: между Западом и Россией издавна существует напряженность, неизбежная в отношениях между двумя разными цивилизациями, одна из которых очень динамична и агрессивна (Запад немыслим без экспансии). Этот факт в целом верно объясняется во «Всемирной истории», написанной 80 «лучшими» историками мира. На Западе это базовая книга, она стоит на полках в каждом школьном кабинете истории. Том 31 — «Россия», — написан немцами. Истоки и основания русофобии на Западе совершенно спокойно изучаются историками (см., например [9]).

Культура России корнями уходит в Православие. В 1054 г. римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме — произошел

формальный раскол (схизма). Расхождение двух больших цивилизаций началось раньше — разделением в IV веке на Западную и Восточную Римские империи. Наследницей Восточной, Византийской империи и считала себя Россия (в духовно-религиозном смысле Москва была даже названа «Третьим Римом»).

Еще в XVIII веке все восточноевропейские народы обозначались понятием «скифы», пока историк Гердер не позаимствовал у варваров древности имя «славяне». Славяне долго еще были для западных европейцев скифами, варварами, **Востоком**. Отправляясь из Вены в Прагу, Моцарт считал, что едет *на Восток*, к славянам (хотя Прага находится *западнее* Вены).

Систематическая очистка Запада от славян продолжалась четыре века — с кровавых походов короля франков Карла Великого (VIII век). Хотя моравы, венды и сербы уже были крещены, их уничтожали в качестве **язычников**. Остановили этот напор Александр Невский на севере и монголы в Венгрии в XIII веке.

Православие было объявлено языческой ересью, и норманны опустошали побережья Византии и Балкан, следуя указаниям св. Августина: поступать с язычниками так же, как евреи с египтянами — **обирать** их. В XII веке начались **крестовые походы** против славян, а в 1204 г. совершен IV Крестовый поход — против Византии, христианского государства.

В булле от 24 ноября 1232 г. папа Григорий IX призвал ливонских рыцарей-меченосцев идти «защитить насаждение христианской веры против неверных русских». В булле от 9 декабря 1237 г., после объединения Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, этот же папа призывает организовать «крестовый поход». В этой кампании и произошла битва со шведами 1240 г. на Неве, за которую Александр получил свой титул. В булле от 6 июля 1241 г. Григорий IX просит и норвежского короля присоединиться к «крестовому походу против язычников».

В Средние века главным цивилизационным признаком была религия, и все эти походы против православных славян надо рассматривать именно как *цивилизационную* войну.

Враждебное отношение к православию и представление об «азиатскости» русских усилились на Западе после монгольского нашествия на Русь. Тогда в Европе стало складываться ощущение восточной границы, за которой находится таинственный **чужой** («варвар на пороге»).

Пришло Возрождение. В XVI веке Рабле ставил в один ряд «москвитов, индейцев, персов и троглодитов». Ливонская война (1558-1583) окончательно обозначила **восточные пределы Европы**. Европа кончалась за рекой Нарвой и Псковским озером. Ливония была объявлена «восточным бастионом» цивилизации, русские — дьявольскими силами, наползающими с Востока. Был выдвинут лозунг «Священной войны» Европы против России.

Утверждалось, что русские — это легендарный библейский народ Мосох, с нашествием которого связывались предсказания о Конце Света. Писали: «Нечему удивляться, так как сам народ дик. Ведь моски названы от Мосха, что означает: люди, натягивающие луки».53 Вторая тема — «азиатская» природа русских. Иван Грозный изображался в платье турецкого султана, при изображении зверств москвитов использовались те же эпитеты и метафоры, как и при описании турок, их и рисовали одинаково [10].

Век Просвещения — то же самое. Вольтер, желавший написать историю Петра Великого и получивший этот заказ от Елизаветы, писал: «Московия, или Россия... оставалась почти неизвестной в Европе, пока на ее престоле не оказался царь Петр. Москвиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских как и сами они властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных. Древний священный закон воспрещал им под страхом смерти покидать свою страну без дозволения патриарха, чтобы не было у них возможности восчувствовать угнетающее их иго. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации, которая во глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами» [11].

Граф де Сегюр, ехавший послом в Петербург в 1784 г., описывал, как он “совершенно покинул Европу” и “перенесся на десять веков вспять” при пересечении границы Пруссии и Польши.

Даже достоинства русских объяснялись их предосудительными отличиями от цивилизованного западного человека. Д. Дидро таким образом объясняет, почему русский солдат столь отважен: “Рабство, внушившее ему презрение к жизни, соединено с суеверием, внушившим ему презрение к смерти”. Эта формула XVIII века почти без вариаций действовала двести лет [12].54

Это представление о России — устойчивый штамп евроцентризма как метаидеологии Запада. Это надо без всяких эмоций признать как факт. Когда Россия сильна, этот факт не мешает ей сосуществовать и плодотворно сотрудничать с Западом и даже любить его, но напрашиваться к нему в дом в качестве «родственника» — откровенная глупость. Она только портит отношение к нам.

В XIX веке Карла Великого, «очистившего» Центральную Европу от славян, назвали главной фигурой истории Запада — выше Цезаря и Александра Македонского и даже выше христианских героев. Когда Наполеон пошел на Россию, его назвали «воскресшим Карлом».

Ничего не изменилось в XX веке, если не считать краткосрочных симпатий к Советскому Союзу. В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца», а в ФРГ кардинал из Кёльна назвал холодную войну «реализацией идеалов Карла Великого». Но даже и те, кто испытывал уважение к России как цивилизации, признавали ее фундаментальное отличие от Запада.

О. Шпенглер писал: «Я до сих пор умалчивал о России; намеренно, так как здесь есть различие не двух народов, но двух миров... Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Нас обманывает впечатление от некоторых, принявших западную окраску, жителей русских городов. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда сознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и «Европой».

Для нас русская душа — за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью — остается чем-то непостижимым... Тем не менее некоторым, быть может, доступно едва выразимое словами впечатление об этой душе. Оно, по крайней мере, не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ими» [14, с. 147-148].

В октябре 1942 г., когда немцы, завязнув в России, перестали быть угрозой для Англии, Черчилль написал: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» (цит. в [15]).

Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 г. свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей» (цит. в [16]).

Важным моментом в информационной войне против России (СССР) стала публикация в “Нью-Йорк Таймс” в апреле 1984 г. статьи Милана Кундеры “Трагедия Центральной Европы”.55 Это было “послание” Западу перед большой операцией против «империи зла». Кундера обвинял Запад в том, что тот предал Центральную Европу, отдав ее на растерзание неевропейским варварам. При этом, говоря о чуждой цивилизации, Кундера имеет в виду именно Россию, а не СССР, который рассматривается как “органичное” воплощение

“русских черт”.

Вспомним, что писал Кундера в этой статье, с энтузиазмом принятой на Западе: «Воистину, ничто не может быть более чуждым Центральной Европе с ее одержимостью многообразием, чем Россия, одержимая идеей единообразия, стандартизации и централизации... На восточной границе Запада больше, чем где бы то ни было на Земле, Россия воспринимается не как европейская держава, а как обособленная, иная цивилизация... Не знаю, хуже ли этот мир нашего, но уверен, что он иной. Россия знает иную (большую) меру несчастья, иное представление о пространстве,... иное чувство времени (времени, преисполненного медлительности и терпения). Там иначе смеются, иначе живут и умирают» [39].

Кундера — боец холодной войны, статья написана по заказу. Дело в другом — почему она была идеологически эффективной? Потому, что она точно отвечала стереотипам сознания среднего класса Запада. Азиаты похитили кусочек Запада, и поход за спасение плененных «братьев меньших» должен быть поддержан каждым благородным человеком.

Даже странно, что сегодня, когда этот вопрос изучен вдоль и поперек, высокое должностное лицо Администрации Президента называет Россию частью Запада. Ведь даже официальный идеолог войны цивилизаций Хантингтон проводит “культурную границу Европы, которая в Европе после холодной войны является также политической и экономической границей Европы и Запада”, по линии, “веками отделявшей западнохристианские народы от мусульман и православных”.

Точно так же Э. Геллнер — не идеолог, а один из ведущих современных антропологов — устанавливает жесткие границы существования гражданского общества: «Феномен гражданского общества существует в странах североатлантического региона... На востоке и юго-востоке наша либеральная цивилизация граничит с иными обществами, относящимися к двум совершенно различным типам... [В них] мы сталкиваемся (или сталкивались) с вопиющим отсутствием гражданского общества» [41]. Как это могло ускользнуть от российских идеологов?

Россия выросла как альтернативная Западу христианская цивилизация. Она по главным вопросам бытия постоянно предлагала человечеству иные решения, нежели Запад, и стала не просто его конкурентом, но и экзистенциальным, бытийным оппонентом — как бы ни пытались государство и элита России избежать такого положения.

Ошибочное представление государственной власти о цивилизационной матрице России и упорное нежелание пойти на общественный диалог по этому вопросу и скорректировать свои установки вело и ведет власть к стратегическим ошибкам, которые уже сложились в систему с сильными кооперативными эффектами.

Эти ошибки касаются истории и всех сфер жизнеустройства российского общества. Здесь мы рассмотрим лишь некоторые из них, не пытаясь выстроить их иерархию.

Российская Федерация и холодная война

Для определения позиции государственной власти России весьма важными являются ее декларации относительно *холодной войны*.

Вспомним, что понималось под холодной войной. В 1946 году Черчилль произнес в г. Фултоне (штат Миссури, США) историческую речь и заявил: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился через весь Континент».

СССР и Восточная Европа были отделены от Запада линией особого фронта. Запад объявил «холодную войну» Советскому Союзу. Почти полвека эта война была главным фоном всей общественной жизни СССР. Как и во время всякой войны, все остальные политические, экономические и социальные процессы определялись этим фундаментальным условием.

Метафора «железного занавеса» считается самой удачной находкой в политической

карьере Черчилля. Эта метафора была отобрана из большого культурного арсенала, накопленного на Западе в борьбе против России. Проведенная Черчиллем линия «железного занавеса» была определена в XVIII веке, когда Запад «изобрел» Восточную Европу как санитарный кордон, отделявший от него Россию.⁵⁶ Как пишет западный историк, «многие постарались забыть об этом и поверить, что линию раздела между Востоком и Западом Европы придумали Сталин и Черчилль».

Какова природа холодной войны? Опубликованные в последние годы документы доктрины холодной войны, выработанной во второй половине 40-х годов в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер *войны цивилизаций*. Об этом писал Шпенглер, потом Шубарт, потом Бжезинский. Разговоры о борьбе с коммунизмом были прикрытием.

Программные документы США начала холодной войны наполнены ненавистью к России. Вот как она трактуется в важном документе 1948 года: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Никакой связи с коммунизмом здесь нет. Это была именно тотальная война, причем война на уничтожение.

Холодная война Запада имела мессианский, почти религиозный характер. Противник в ней был назван «империей зла», а победа в ней названа «концом истории». Главный философ неолиберализма Лео Страусс определил цель этой войны так: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком».

Этот мессианизм не был направлен к светлому будущему, он был проникнут абсолютным пессимизмом. Л. Страусс дал такое пояснение смыслу предполагаемой победы Запада: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

Таким образом, уничтожение «империи зла» виделось как конец этого света и конец этого человечества. Из этого вытекают мистические, на грани безумия, нынешнии утопии Нового мирового порядка, глобализации, поиски нового мирового зла и откат Запада от привычных норм международного права и морали, на которых мир стоял последние три века.

Планы ведения войны поначалу также были, с точки зрения рационального мышления, безумными. Власти США, тогда монополиста в обладании атомным оружием, предполагали сбрасывать на СССР атомные бомбы *без колебания*. Высший военный руководитель США, генерал-лейтенант Дулитл в публичной речи заявил, что американцы «должны быть физически, мысленно и морально готовы к тому, чтобы сбросить атомные бомбы на промышленные центры России при первых признаках агрессии. Мы должны заставить Россию понять, что мы это сделаем, и наш народ должен отдавать себе отчет в необходимости ответа такого рода».⁵⁷

Советская идеология и печать искажали образ холодной войны, многократно занижали опасность, чтобы не нагнетать страхов и не разжечь психоз в стране. Это позволило нашему народу восстановить душевные силы после войны, воспитать три спокойных поколения. Но это и разоружило общество — оно не чувствовало и не осознавало опасности.

Это не было ошибкой советского государства, в таком же сложном положении находилась Россия и раньше. Трудность в том, что Россия с XVI века была тесно связана с Западом — догоняла его и убегала от него одновременно. Поэтому власть никогда не позволяла раздувать антизападные настроения, а в элите всегда выставляла вперед ширму в виде слоя «западников».

О намерениях Запада в отношении России не сообщали ни цари, ни генсеки, ни нынешние президенты. Но сейчас мы попали в столь критическое положение, что обязаны сами, «внизу», трезво взглянуть на эти намерения — не нагнетая страсти, но без розовых очков.

Когда началась холодная война против России как особый тип цивилизационного

противостояния? Нам очень важно разместить её во времени. Главный американский историк холодной войны В. Лафебр в своей книге «Конец какой холодной войны?» выдвигает тезис, что холодных войн было *три* :

- 1) после окончания первой мировой войны — против Советской России,
- 2) после окончания второй мировой войны — против СССР,
- 3) в настоящее время — после ликвидации СССР.

Все эти войны велись и ведутся против *России* .

Некоторые европейские историки, в отличие от Лафебра, считают, что холодная война началась еще до 1917 г., с самого начала XX века. В этой концепции русско-японская война 1904 года была организована уже как операция холодной войны — чтобы ослабить Россию.

Из этих трудов, кстати, видно, что выражение «холодная» война смягчает реальность. Эта война всегда была «горяче-холодной», только ее горячие эпизоды США старались вести чужими руками, держа, однако, наготове свой бронированный кулак. Для ведения холодной войны против СССР Запад создал НАТО, в противовес ему возник Варшавский договор, сплотились два противостоящих блока.

Принципом холодной войны было непрерывное балансирование на грани войны горячей. Считалось, что это изматывает СССР, истощает его экономику гонкой вооружений. По всему периметру границ СССР была создана сеть военных баз, непрерывно велись провокации с инцидентами на границе, локальные войны, в которые втягивался СССР (в Корею, в Египте, во Вьетнаме). Но после укрепления военного потенциала СССР эти действия служили, скорее прикрытием. Центр тяжести переместился в ведение войны *информационно-психологической*. В силу инерции нашего мышления мы понимаем эти слова как метафору. Но речь идет о настоящей войне, которая давно стала особым видом боевых действий, имеет свои виды оружия и свой род войск.

Любой войне предшествует выработка *доктрины* . Исходной для внешней политики США была доктрина Монро — о господстве США над Латинской Америкой. В начале XX века они распространили эту доктрину на весь мир. Главной проблемой была Россия. Согласно теории английского геополитика Мак-Киндера, та страна, которая установит господство над Россией (ее называли Heartland — «Хартлэнд», сердцевина Земли), будет господствовать над всем миром. Одним из первых идеологов холодной войны был историк Адамс. В 1901 г. он обосновал неизбежность грядущего столкновения с Россией и предвосхитил сам тип «холодной войны», подготовил первый стратегический документ.

Формулируя стратегию захвата Евразии Америкой, Адамс писал: «Американцы должны понять, что это будет война не на жизнь, а на смерть — борьба уже не против отдельной нации, но против целого континента. В мире нет места двум центрам богатства и империи. Один организм должен победить и уничтожить другой».

Во время I Мировой войны в США была создана специальная правительственная комиссия по геополитике (позже Совет по международным делам). Главную роль в ней играл Исая Боуман — выдающийся политический стратег США. Он предложил план расчленения России на суверенные государства, которые окажутся под влиянием США. На основе этого плана был выработан секретный протокол, а Госдепартамент США подготовил карту будущего раздела российской территории.

Еще одна редакция карты была секретной. В ней «Великороссия» стягивалась до Среднерусской возвышенности. «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждая со своей экономической жизнью, — писал Боуман. — При этом ни одна область не должна быть настолько самостоятельной, чтобы образовать сильное государство». (Позже, в 1989 г., этот план почти буквально переписал А.Д. Сахаров в своей «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии»).

В начале 1918 года были готовы планы отделения Сибири. Автор этого плана полковник Гауз писал, что Россию ни в коем случае нельзя оставить нерасчлененной: «Она слишком велика и слишком гомогенна для нашей безопасности. Я бы хотел видеть Сибирь как отдельное государство, а Европейскую Россию расчлененной на три части».

Госдепартамент разработал полную программу экономического освоения сибирских территорий на несколько лет вперед.

16 августа 1918 г. войска США высадились во Владивостоке и взяли под контроль Транссиб и КВЖД. Во Владивостоке и Благовещенске были открыты филиалы американских банков и компаний. Их поддерживала японская армия (73 тыс. штыков). Мурманск заняли объединенные силы США, Британии и Франции. Они повели наступление на Севере. Западные политики считали, что Советская Россия не сможет оказать сопротивления, и раздел России будет произведен без войны.

В тот раз они ошиблись, Красную Армию удалось собрать очень быстро, а в Сибири ее поддержало массовое партизанское движение. Белые терпели поражения. Летом 1919 г. начался вывод войск США с севера России, а к апрелю 1920 г. были выведены войска с Дальнего Востока. Первую кампанию столетней холодной войны пришлось свернуть.

Слегка обновленную доктрину Исаяи Боумана положили в основу второй кампании — когда США уже обладали атомным оружием. Таким образом, старая это война, смена формаций и политических режимов в России на нее слабо влияют.

В 1946 г. СССР, который был, как писали на Западе, «нацией вдов и инвалидов», делал много попыток предотвратить холодную войну, в частности, через расширение экономических связей с США (на очень выгодных для США условиях). С января по сентябрь 1945 г. переговоры об этом вели лично Молотов и Сталин. Предлагались и политические уступки — вывод советских войск из Восточной Европы. США на это не пошли. Выбор между войной и миром был сделан на Западе.

В холодной войне СССР в конце 80-х годов потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся вокруг него блок государств. Затем был распущен сам Советский Союз, ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система, начата форсированная деиндустриализация и демодернизация страны.

В 90-е годы на Западе открыто говорилось, что Россия — побежденная страна и выплачивает законную контрибуцию победителю, чем и обусловлены ее беды. Фактически идет уничтожение исторической России как большой страны и как «геополитической реальности», причем создаются такие условия жизни населяющих территорию СССР народов, чтобы сильная независимая держава не могла возродиться.

Поражение в холодной войне не было связано с отставанием в военной области (в ее традиционном понимании). Напротив, СССР разбил сильнейшую армию Германии и ее сателлитов, поддержанную ресурсами всей Европы, а потом добился надежного военного паритета с Западом, имел сильную боеспособную армию и самое современное вооружение. Сама возможность уничтожить СССР военным путем была на Западе снята с повестки дня как стратегическая линия холодной войны.

Один из интеллектуальных авторов доктрины холодной войны Дж. Кеннан сказал в 1965 году, что план войны имел две главных линии: «абсолютное военное поражение Советского Союза или фантастический, необъяснимый и невероятный переворот в политических установках его руководителей». Военное поражение СССР оказалось невозможным, но второй вариант — предательство верхушки КПСС — осуществился, несмотря на то, что в 1965 г. он считался невероятным.

Поражение СССР было нанесено в общественном сознании — прежде всего, в сознании правящей и культурной элиты.⁵⁸ Первый урок на будущее: для такой войны привлекаются крупные культурные силы и средства. Для противостояния тоже нужна серьезная культурная база, дубиной тут не поможешь.

Все, что сказано выше, — вещи практически общепринятые, почти банальные. Проблема холодной войны встала потому, что очередное обострение цивилизационного противостояния внутри российского общества вынудило власть сделать некоторые заявления, проясняющие ее позицию в этом конфликте.

В.Ю. Сурков выдвинул такую концепцию: «Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской сущностью ее культуры. И еще раз:

не было никакого поражения».

Эта концепция очень необычна (даже некогерентна). Холодная война была и победитель в ней был, этого никто не отрицает, но «не было никакого поражения». Российская Федерация выскочила из чрева убитого «тоталитарного монстра», как бабушка Красной Шапочки из Волка (или как «Похищенная Европа?»). Как заявил 9 мая 2005 г., в день юбилея Победы, директор Московского центра Карнеги Э. Качинс, «Для Запада крах СССР... означал величайший триумф XX века» (см. [28]).

С чем и с кем спорит В.Ю. Сурков? Кого он хочет убедить? В 90-е годы ни для кого не было секретом, что в холодной войне потерпел поражение СССР, то есть, историческая Россия. Правда, многие для простоты склонялись к тому, что причиной поражения была государственная измена верхушки КПСС — мол, Горбачев тайком, где-то на Мальте, подписал капитуляцию вместо мирного договора.

Поэтому его так не любит (и даже ненавидит) большинство российских граждан старше 55 лет, и эта ненависть передалась молодым, которые перипетий той войны и не помнят. При опросе ВЦИОМ в 2005 г. из 8 вариантов ответа на вопрос «Как вы сейчас относитесь к М. Горбачеву?» среди опрошенных в возрасте 15-24 лет больше всего набрал вариант «с отвращением, ненавистью».

Да ведь и сам Горбачев представлял себя героем, который сокрушил советское государство. В своей лекции в Мюнхене 8 марта 1992 г. он сказал: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?... Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул» [17, с. 193].

Таким образом, Горбачев признал, что он действовал согласно *плану, нацеленному на победу*. И она была достигнута — «тоталитарный монстр рухнул». Докладывать об этой же победе ездил в США Ельцин. Но ведь не может быть победы без поражения противника. Кто же этот «монстр», который рухнул? Ясно, что СССР — к чему же мудрить и наводить тень на плетень?

Кто победил? Ясно, что не Горбачев лично, он в этой битве гигантов был у победителя «личардой верным», не более того. Потому и рекламировал пиццу, давил на жалость хозяина. Но эта сторона дела уже вряд ли кого-то интересует. Для нас сейчас действительно важен тот факт, что Россия потерпела поражение в цивилизационной войне с Западом, хотя за советский период успела выстроить много систем и матриц, необходимых для сверхдержавы. Много, но не все! Каких не хватало, надо знать — вдруг Бог пошлет нам властителя, который поведет нас возрождать Россию.

К чему же в прессу запускают странные домыслы о том, не был ли победителем в той войне радикальный исламизм или социализм китайского образца? А может, либеральная демократия западного типа? А может, Россия как новое государство не должна рассматриваться как проигравшая сторона?

Похоже, вся эта казуистика — ширма для последнего соблазнительного варианта. Россия «как новое государство» не проиграла, а вместе со своими союзниками выиграла холодную войну над «империей зла»! Если так, то возникает какая-то логика, вновь слышится прерванная песня. Россия — это не продолжение Российской империи и СССР, это новое государство, часть европейской культуры, когда-то «похищенная у Запада».

Непонятно только, почему же эта Россия пожинает плоды поражения. Динамика всех главных показателей Российской Федерации в 90-е годы отражает именно тяжелое поражение в войне — смертность населения, расчленение государства, экспроприация собственности, вывоз колоссальных состояний за рубеж, демонтаж науки и наукоемкой промышленности и т.д.

Даже если взять только промышленное производство, то в 90-е годы три страны в мире имели одинаковую по характерным параметрам динамику спада — Югославия, Ирак и Россия. По всем ним прошла война. Да, у нас после 1991 г. была война гражданская, но под

внешним управлением. В ней меньшинство с его иностранными военными советниками разгромило неорганизованное большинство и ограбило его. В древности город отдавали на три дня, а тут еле-еле в семь лет управились, уж слишком город богатым был.

Отрицая поражение, В.Ю. Сурков, видимо, обращается к меньшинству, которое считает себя победителями. А то их совесть мучает — все-таки родную страну грабили, каково это духовному человеку. Если бы так не переживали, незачем было бы ежедневно с утра до вечера поминать СССР, весь эфир заполнили своими проклятиями. Уж скоро 20 лет, как нет СССР, ну что вы вцепились в его призрак! Стройте все, о чем вы мечтали, никто вам не мешает. Уже залили тлеющие советские угли — РАО ЕЭС, армию, школу, ненавистные градообразующие предприятия. Перестаньте со Сталиным воевать, покажите европейскую сущность своей культуры, свои нанотехнологии, Болонскую систему... Нет, СССР и Сталин — единственное, что их питает. Какой странный паразитизм.

Есть в концепции В.Ю. Суркова что-то надрывное, но он идет дальше: «Надо сказать, что **российский народ сам выбрал такую судьбу — он отказался от той социальной модели, поскольку увидел, что в своих поисках свободы и справедливости он не туда зашел** ... Поэтому потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики — это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь».

Куда ведет этот «верный путь» — в Содом и Гоморру? (Это выражение самого В.Ю. Суркова). Что хорошего получили народ и страна от этого «выхода на верный путь»? Чем заплатили за это благо: «Потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики — это жертва, это цена». Ничего себе, жертва. Да на алтарь какого идола? Раскройте, наконец, глаза, победители! Какой верный путь, какая европейская культура, мы залетели в такую непролазную дрянь, что все эти самоназвания уже вызывают лишь презрительную жалость. Наши язвы требуют честного и сурового лечения, а на них накладывают макияж, «румяна жирные». Только разносят заразу.

Что касается русского народа, то он этого «верного пути» не выбирал. 76% проголосовали за сохранение СССР, а потом «народ безмолствовал». Никто и не спрашивал его согласия на смену общественного строя, на изъятие всех сбережений населения и пр. Да, одно из поколений народа не сумело защитить страну и общее достояние, и за это расплачивается. Но утверждать, что народ «отказался от той социальной модели», просто никуда не годится. Это даже странно слышать от представителя власти.

Социолог Ю.А. Левада — убежденный противник советского строя. Его всегда удручало, что народ не желает «отказаться от той социальной модели». Ох, этот homo sovieticus! Но никуда не денешься, это факт. Это показали большие опросы 1990 г., это показали и «юбилейные» опросы о перестройке 2005 г. На вопрос «Было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года?», люди возраста 55 лет и старше («то поколение») ответили «согласен» в пропорции с «несогласными» 66:26. Две трети! Хотя и вопрос-то лживый. С какой стати «все в стране» должно было быть как до 1985 года? Страна развивалась, болезни можно было лечить.

Но суть ясна — большинство того «выбора» не делало и свое отрицание подтверждает регулярно. Даже половина тех, кто «приспособился к переменам», отрицают тот выбор. Они исходят из главных ценностей, а не личной выгоды.

Если уж думать о судьбе России, то сегодня ей требуется не гипноз, внушающий иллюзию, будто «мы этого и хотели», а достоверное знание, трезвый анализ и «расчет сил, средств и времени». Всегда и у всех народов осознание поражения и извлечение из него уроков были важной предпосылкой к обновлению и быстрому развитию, даже в самых неблагоприятных условиях. Вымывать из сознания дорогой опыт поражения — значит наносить удар по будущему.

Половина населения России — живые свидетели холодной войны. Мы должны кратко обобщить наш опыт как урок на будущее. В новой кампании этой войны против России

будет использовано и создаваемое сегодня, и уже испытанное оружие. Машина холодной войны не остановлена с ликвидацией СССР, главное направление ее удара сегодня — Россия и постсоветские страны.

Постсоветская Россия и мироустройство

Неожиданное поражение СССР в холодной войне нанесло народу России, как и народам большинства постсоветских республик, тяжелую культурную травму. Ее преодоление во многом зависело от того, на каких условиях российское государство предполагало ввести Россию в систему нового мироустройства. В целом, доктрина, которой следовала верхушка КПСС в 1990-1991 гг., а затем команда Ельцина, усугубила эту культурную травму, углубила раскол в обществе и усилила отчуждение от власти большинства населения.

Эта доктрина понималась как решение отказаться от статуса России как цивилизации и независимой страны и, с повинной головой, занять место в периферийной зоне западного капитализма («вернуться в лоно цивилизации»). Можно сказать, что народ был готов перетерпеть, в течение разумного времени, невзгоды и горести побежденной стороны, но считал неоправданным и необоснованным полную сдачу геополитических и культурных позиций. Эта сдача рассматривалась как национальная измена Горбачева и Ельцина.

Если судить хладнокровно, дело не в измене и не в продажности элиты горбачевского и ельцинского призыва. Эта элита пыталась реализовать *свой* мировоззренческий выбор, а противники этого выбора не имели сил, чтобы этому помешать радикально. Однако их вязкое молекулярное сопротивление уже двадцать лет держит Россию в состоянии неустойчивого позиционного равновесия. Да, геополитические завоевания Российской империи и СССР сданы (возможно, частично проданы), но существенная часть политической и культурной независимости еще сохраняется.

Вспомним, как шел этот процесс.

Виднейшие представители западнического крыла советской (антисоветской) элиты уже в середине 70-х годов осознали себя бойцами холодной войны на стороне Запада и приняли идею в случае победы интегрироваться в систему Запада на любых условиях. Они признали США гегемоном. Этот поворот произошел после 1968 года (как и в среде левой интеллигенции на самом Западе).

Эволюция установок этой части антисоветской интеллигенции хорошо прослеживается в текстах А.Д. Сахарова.

В 1968 г. Сахаров мечтает о конвергенции социализма с капитализмом и пишет о войне США: «Во Вьетнаме силы реакции... нарушают все правовые и моральные нормы, совершают вопиющие преступления против человечности. Целый народ приносится в жертву предполагаемой задаче остановки «коммунистического потопа» [18, с. 17].

В 1975 г., он уже пишет о «героизме американских моряков и летчиков» и упрекает Запад в том, что тот плохо воевал во Вьетнаме. По его мнению, требовалось вот что: «Политическое давление на СССР с целью не допустить поставок оружия Северному Вьетнаму, своевременная посылка мощного экспедиционного корпуса, привлечение ООН, более эффективная экономическая помощь, привлечение других азиатских и европейских стран» [18, с. 131].

Он переживает за США, которым пришлось в одиночку выдержать столь тяжелую войну: «Очень велика ответственность других стран Запада, Японии и стран «третьего мира», никак не поддержавших своего союзника, оказывающего им огромную помощь в трудной, почти безнадежной попытке противостоять тоталитарной угрозе в Юго-Восточной Азии» [18, с. 132].

В 1968 г. Сахаров пишет об СССР: «Как показывает история, при обороне Родины, ее великих социальных и культурных завоеваний наш народ и его вооруженные силы едины и

непобедимы» [18, с. 20].

В 1975 г. он пишет «о многих тревожных и трагических фактах современного международного положения, свидетельствующих о существенной слабости и дезорганизованности перед лицом тоталитарного вызова... Единство требует лидера, таким по праву и по тяжелой обязанности является самая мощная в экономическом, технологическом и военном отношении из стран Запада — США» [18, с. 146].

В интервью «Ассошиэйтед Пресс» в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». В том же году в телеграмме Картеру А.Д. Сахаров пишет: «Я уверен, что исполненная мужества и решимости... первая страна Запада — США — с честью понесет бремя, возложенное на ее граждан и руководителей историей» [19].

Если учесть, каким авторитетом обладал А.Д. Сахаров среди западной интеллигенции, то можно считать, что с середины 70-х годов в этой части общества отношение к США как союзнику в борьбе с советским строем сменилось чувством *идентификации* с США как цивилизационным лидером. Отношения союзника сменились отношениями подданного, влиятельная часть общества стала *патриотами США*, а не СССР (России). Значит, применять термин «национальная измена» уже некорректно.

В 1990 г. риторика западной элиты стала вполне определенной, она заявила о «европейской цивилизационной идентичности» России. В ее кругах стали говорить о желательности вступления в НАТО и его расширения, таким образом, до границ Ирана и Китая как общего у Запада с Россией *цивилизационного противника*. Эта западная элита обнаружила совершенно новый для России геополитический вектор, несовместимый с теми представлениями, которые были укоренены в культурном ядре народа.

Как только был ликвидирован СССР, Ельцин в первом же своем послании Совету НАТО 20 декабря 1991 г. заявил: «Сегодня мы ставим вопрос о вступлении России в НАТО, однако готовы рассматривать это как долгосрочную политическую цель» [20].⁵⁹

Это был первый пробный шар, но для нашей темы важнее та кампания, которая с тех пор велась в прессе. Так, в 1994 г. политолог С. Караганов в статье «У дверей НАТО мы должны оказаться первыми» («Известия», 24 февр.) доказывал, что России надо бороться с Польшей, Чехией и Венгрией за право вступить в НАТО первой.

Сторонники этого курса (например, А. Козырев) представляли Россию как цивилизационного союзника Запада в назревающем столкновении с исламом, в «совместной защите ценностей» при «продвижении на восток». Сам Козырев выражался ясно: по его словам, Западу «следует помнить об азиатских границах стран, образующих зону Совета североатлантического сотрудничества. И здесь основное бремя ложится на плечи России».

Даже политолог А. Мигранян, выступавший противником членства России в НАТО, в качестве довода приводил *несбыточность* этой цели, в принципе считая ее желательной. Он писал в марте 1994 г.: «Если бы Россия вступила сразу же в полноправные члены НАТО, а эта организация стала бы универсальной структурой, обеспечивающей безопасность в Европе, то только сумасшедший не поддержал бы такое развитие событий».

Но НАТО отнюдь не стал для русского народа мировоззренчески близкой организацией. Для всех было ясно, что отдать российскую армию и российское оружие под команду американских генералов явилось бы историческим выбором, означающим отказ России от статуса цивилизации.

Другая часть этой же операции — усилия правящей верхушки России по продвижению НАТО на восток, к границам России. Они вели к разрушению в массовом сознании образа собственного государства. Верховная власть стала восприниматься значительной частью народа как предательница национальных интересов. 25 августа 1993 г. Ельцин заявил в Варшаве в беседе с Валенсой, что Россия не возражает против расширения НАТО на Восток. Затем аналогичное заявление он сделал в Праге. Результат нам известен, частью этого результата стали бомбардировки Югославии и отторжение Косова от Сербии.

Те же самые силы в России, которые тащили ее в НАТО, стали и пропагандистами

программы мироустройства, которую США пытаются реализовать после ликвидации «советского блока» под название глобализации. Это очередная программа втягивания всех слабых стран и культур в периферию западной капиталистической системы с ослаблением национальных государств периферии и овладением их ресурсами. Реализация этой программы наталкивается на противодействие народов, обычно уже скрытое и лишенное явной поддержки своих государств, ибо те, которые пытаются охранить права своих народов, становятся «государствами-изгоями».

В нынешней России большинство населения, как показывают опросы, относится к доктрине глобализации отрицательно, но голос его не слышен, поскольку оно лишено и организационной базы для диалога, и доступа к СМИ.

Но дело не ограничивалось тем, что западническая элита России подталкивала власть к тому, чтобы Россия встроилась в фарватер США. В этих кругах была сильна приверженность *мондиализму* — идее учреждения мирового правительства и резкого ослабления национальных государств.

Очень популярен среди интеллигенции был Н.М. Амосов (в рейтинге авторитетов он шел третьим после Сахарова и Солженицына). Он писал в своем кредо: «Созревание — это движение к «центральному разуму» мировой системы, возрастание зависимости стран от некоего координационного центра, пока еще не ставшего международным правительством... Это не означает бесконфликтности и даже не гарантирует постоянного социального прогресса... Особенно опасными в этом смысле останутся бедные страны. Эгоизм, нужда могут мобилизовать народы на авантюрные действия. Даже на войны. Но все же я надеюсь на общечеловеческий разум, воплощенный в коллективной безопасности, которая предполагает применение силы для установления компромиссов и поддержания порядка. Гарантом устойчивости мира послужат высокоразвитые страны с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума» [21].

Под влиянием команды «силовиков», пришедшей с В.В. Путиным, мондиалистская линия была ослаблена, но вовсе не свернута. Время от времени с декларациями выступают деятели — ветераны перестройки и первого периода реформы. Вот, например, недавние откровения «демократа», прораба перестройки, экс-декана экономического факультета МГУ, экс-мэра Москвы, сегодня ректора Международного университета — Г.Х. Попова.

Он пишет: «Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира...

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья.

Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие» [22].

Влияние мондиализма во властных кругах проявляется, например, в заявлениях С.Ю. Суркова. В большом выступлении он так изложил свое представление о желаемом мироустройстве: «Какое будущее желательно? Давайте помечтаем о глобальной федерации, основанной на договорных отношениях свободных наций».

«Глобальная федерация» должна управляться Мировым правительством, и такое мироустройство как раз и предполагается в концепции «золотого миллиарда». Ясно, что члены федерации не могут быть «свободными нациями», значительную часть своего суверенитета передают наднациональным органам. Зачем гражданам России об этом мечтать? Эти декларации и служат признаком цивилизационного противостояния внутри российского общества, которое, видимо, раскалывает и государство.

Глава 7. АНТИСОВЕТИЗМ ИДЕОЛОГИИ РЕФОРМ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

«Технологически» разрушение советского строя шло через подрыв идеологического стержня общества. «Молекулярная агрессия» в сознание велась с начала 60-х годов на фоне широкого (обязательного в среде интеллигенции) инакомыслия, а начиная с 1985 г. — открыто средствами идеологической машины КПСС.

С этого времени эта кампания приобрела характер *психологической войны*. Наставления США дают этой войне такое определение: «Планомерное наступательное воздействие политическими, интеллектуальными и эмоциональными средствами на сознание, психику, моральное состояние и поведение населения и вооруженных сил противника». Именно такое воздействие и оказывалось на население СССР. В американском руководстве 1964 г. по психологической войне сказано, что ее цель — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению».

Таким образом, целью антисоветской кампании, независимо от индивидуальных устремлений ее участников, была не борьба с идеологией, а деградация *национального* сознания — до такой степени, чтобы *государство* стало не способным к сопротивлению в цивилизационной «холодной» войне. Антисоветскую кампанию надо рассматривать как военную операцию против СССР — облика российской цивилизации конца XX века.

Эта военная операция велась исключительно жесткими средствами практически во всех сферах национального бытия советского народа — в экономической, социальной, этнической и политической. Разрушению подвергались все духовные структуры советского человека на большую глубину и основные структуры жизнеустройства. Речь шла не о критике, а об ударах на поражение.

Вот образец самой мягкой, «академической» риторики. Философ А.И. Ракитов из АН СССР признает «ужасы первоначального накопления капитала и бесчеловечной эксплуатации на английских мануфактурах XVIII — первой половины XIX веков, описанные Марксом». И далее пишет (еще в самом начале 1991 г.): «Первоначальное накопление капитала действительно жестокий процесс. Но эта жестокость того же рода, как жестокость скальпеля, разрезающего живую ткань, чтобы вырезать гнойник и освободить плоть от страданий. Однако жестокость “первоначального накопления” ни в какое сравнение не идет с циничным надругательством над людьми и обществом эпохи окончательного разграбления, длящегося в нашей стране вот уже 70 лет» [1].

Каковы критерии философа-демократа — назвать работоторговлю, геноцид индейцев или опиумные войны в Китае «скальпелем, освобождающим от страданий». Эти люди, заполнившие академический журнал «Вопросы философии» такими рассуждениями, продолжали оставаться уважаемыми членами интеллектуального сообщества, что говорит о той обстановке, которая царила в гуманитарно-партийной элите. Возразить на эти рассуждения не было абсолютно никакой возможности.

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось этой элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации *абсолютного зла*.⁶⁰ У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

До второй половины 90-х годов антисоветская кампания подстегивалась страхом властной верхушки режима Ельцина перед угрозой ответственности за очевидно совершенные этой группой государственные преступления. Главной целью действий власти в тот период было *создание необратимости* ликвидации советской политической системы. Это влекло за собой все новые и новые действия, которые можно квалифицировать как преступные. Е. Ясин, сам влиятельный идеолог, откровенно объясняет смысл залоговых

аукционов: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» [2].

В 90-е годы всем сторонам развернутой в России холодной гражданской войны было ясно, что режим Ельцина вел разрушение несущих конструкций советской России вовсе не из ненависти к коммунизму, а как необходимое условие выживания нового господствующего меньшинства. Никто тогда и не ожидал, что режим примет во внимание ущерб, наносимый будущему России как цивилизации. Надо было нанести по народу парализующий удар, исключая всякую возможность самоорганизации для сопротивления.

Именно поэтому такие надежды породил уход Ельцина (со всеми гарантиями безопасности) и формирование новой властной команды под руководством В.В. Путина. Казалось, что над этой командой не будет довлеть необходимость продолжения антисоветской операции и она сможет повернуть государство к восстановительной работе. Эти надежды, в общем, не оправдались. Достаточной информацией о причинах мы не располагаем, но можем оценить вектор развития эмпирической реальности в свете нашей темы — как вызревания угроз для России, порожденных в 90-е годы.

Но вернемся в те годы. Факт проведения в те годы большой информационно-психологической операции по разрушению образа советского строя был зафиксирован и может быть принят как данность. В 1990 и в 2001 гг. было проведено большое исследование исторического сознания граждан России. В 2001 г. был добавлен вопрос: «Искажается или нет отечественная история в современных публикациях?» Только 5% опрошенных ответили «нет».

Какие же периоды искажались в наибольшей степени? Советский период, перестройка и реформы 90-х годов. Люди чувствовали, что у них разрушили историческую память и *не дают ее восстановить*. При этом подчеркивалось, что «наиболее искажается история советского общества, когда руками, умом, трудом народа осуществлены такие свершения, которые вывели нашу страну в разряд великой мировой державы, что является обобщающим достижением всех народов, населявших тогда СССР».

При обсуждении этого вывода на круглом столе в Российской академии госслужбы было сказано: «Момент истины заключается в том, что предмет гордости российских граждан, согласно обоим исследованиям, составляют достижения, относящиеся к периоду советской истории — в области культуры, литературы, искусства, в космонавтике, в спорте; всенародная самоотверженность и массовый героизм советских людей в Великую Отечественную войну» [3].

Как признак «сожжения кораблей», означающего необратимый переход к военным действиям, можно считать нанесение властью ударов даже по такому фундаментальному символу, укрепляющему национальное сознание народа России, как Великая Отечественная война. Значение этого символа власть и правящая элита хорошо понимали.⁶¹ Поэтому можно принять эту кампанию за граничное явление и не множить описания других разрушительных операций, внешне более красноречивых.

В 90-е годы было завершено начатое при Горбачеве создание целой индустрии, производящей особый культурный продукт — поток «сообщений» (в художественной или «научной» форме), в совокупности очерняющих все стороны Великой Отечественной войны *как системы*. Поскольку эта война была беспристрастным, абсолютным экзаменом для всех главных систем советского строя, лишение Великой Отечественной войны ее авторитета в массовом сознании населения России обрушало психологические защиты против антисоветской пропаганды даже самого оголтелого и примитивного толка.

В 90-е годы государственные институты приняли активное участие в кампании по пробуждению симпатий к тем, кто во время войны действовал *на стороне гитлеровцев против СССР*. Это был один из способов подрыва авторитета символов войны. Достаточно

упоминать реабилитацию группенфюрера (генерал-лейтенанта) СС фон Паннвица, который командовал карательной дивизией в Белоруссии, был осужден за военные преступления и казнен в 1947 г. Мало того, что его реабилитировали как невинную жертву политических репрессий, ему и его соратникам поставили «скромный памятник» в Москве. Уже после избрания президентом В.В. Путина пришлось принимать беспрецедентное постановление об «отмене реабилитации» (а памятник сносить не решились) [4].

В государственных еще издательствах возник жанр литературы, *оправдывающей* предательство. Власовцы были изменниками — но ведь они боролись со сталинизмом. Измена Власова оправдывалась высшими ценностями. Чингиз Айтматов в своей книге «Тавро Кассандры» (1994) уже не считает войну *Отечественной*. Это для него «эпоха Сталин-Гитлера или же, наоборот, Гитлер-Сталина», и это «их междоусобная война». В ней «сцепились в противоборстве не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища».

Писатель В.О. Богомолов, участник Великой Отечественной войны, писал в 1995 г., в полувековой юбилей Победы: «Очернение, с целью «изничтожения проклятого тоталитарного прошлого», Отечественной войны и десятков миллионов ее живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось еще в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти,... стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы и ее руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров.

Тогда меня особенно впечатлили выпущенные государственным издательством «Русская книга» два «документальных» сборника, содержащие откровенные передержки, фальсификацию и прямые подлоги. В прошлом году в этом издательстве у меня выходил однотомник, я общался там с людьми, и они мне подтвердили, что выпуск обеих клеветнических книг считался «правительственным заданием». Для них были выделены лучшая бумага и лучший переплетный материал, и курировал эти издания один из трех наиболее близких в то время к Б.Н. Ельцину высокопоставленных функционеров. Еще в начале 1993 года мне стало известно, что издание в России книг перебежчика В.Б. Резуна («Суворова») также инициируется и частично спонсируется (выделение бумаги по низким ценам) сверху» [5].

Во время перестройки публиковались не только «художественные» произведения, разрушающие образ войны, но и «документальные» фальшивки. Вот показательный случай. В 1950 г. в ФРГ вышла книжка «Последние письма из Сталинграда» с 39 письмами немецких солдат из окружения. Она стала бестселлером и была переведена на многие языки. Вскоре, однако, выяснилось, что все эти письма — фальсификация. Их автором оказался военный корреспондент Хайнц Шрётер, получивший задание Геббельса сделать книгу о доблести германских войск в Сталинграде. Она не была опубликована — показалась Геббельсу недостаточно героической. Разоблачение было громким, но в 1990 г. эту стряпню издал журнал «Знамя» [6].62

Заведомая, легко опровергаемая ложь распространялась и через публикации в научных изданиях, но никаких возможностей ее опровержения или хотя бы дискуссии в тех же информационных каналах не было. Попытки возбуждения судебных исков организациями ветеранов войны также были безуспешными. И руководство государственных СМИ, и руководство научных корпораций, и судебная власть определенно были в этой войне на стороне сил, разрушающих национальное сознание. Личная позиция редакторов, академиков или судей в этой войне никакого значения не имела — «время было такое». Государство действовало как система.

Но для нашей темы гораздо важнее тот выбор, который власть сделала после смены властной команды. Разрушение символического образа Великой Отечественной войны продолжилось и после 2000 года, в том числе в государственных СМИ и на государственные деньги. М.А. Гареев писал в 2006 г.: «Фальсификация истории второй мировой войны и

дискредитация Победы приняли в последнее время беспрецедентные масштабы» [20]. В *последнее время* ! Это несмотря на то, что в самом начале своего президентства, 22 июня 2001 г., в 60-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, В.В. Путин заявил: «Мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унизить и оскорбить память тех, кто пал».

В трактовке Великой *Отечественной* войны антисоветизм сцеплен с отрицанием исторической России вообще, с отрицанием цивилизационного смысла ее отечественных войн против нашествия Запада. «Московский комсомолец» писал 22 июня 2005 г., в годовщину начала войны и сразу после юбилея Победы: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? Мы освободили Германию, может, лучше бы освободили нас?» (цит. в [20]). Это — демонстрация, и такие демонстрации никто себе не позволяет, если они не санкционированы сильными мира сего, пусть и негласно.

Показательна сама идеология проведения пышных годовщин и особенно юбилей Победы. В официальной «Российской газете» в юбилейный 2005 г. можно было прочесть: «Мы за эти годы узнали о войне много нового, шокирующего, развенчивающего миф о тотальном героизме и борьбе за правое дело» (см. [4]). Задача сформулирована четко — развенчать образ этой войны как *миф о борьбе за правое дело*. Это и есть психологическая война.

Проблематика войны и Победы в этих праздниках была деформирована и представлена как дань благодарности небольшой горстке стариков-ветеранов и «общечеловеческая» скорбь о погибших. Вместо размышлений о природе этой особой войны и тех формах социальной организации и государственности, в которых советский народ смог мобилизоваться для победы, эфир заполнили огромным числом манипулируемых выступлений ветеранов, в которых эти главные вопросы были обойдены и подменены *бытовыми* воспоминаниями. В большинстве их акцент делался на тяготах войны с общим рефреном «будь ты проклята, война». Какая же война «будь проклята»? Отечественная, *священная*.

И разве может согласиться историческая память и совесть с тем, что за все время праздничной кампании ни разу не было вслух сказано имя Сталина и такие слова, как «коммунистическая партия» или «советская система организации», «советская школа» и другие подобные понятия, наполненные большим *содержательным* смыслом. То, что в момент тяжелого кризиса всему обществу требуется как материал для самопознания и раздумий, было выхолощено из пространства праздника, который профанировался пошлостью «заботы о бедных ветеранах».

Более того, идеологическим деятелям типа А.Н. Яковлева и Г.Х. Попова было позволено в сам момент праздника вести гнусную и поразительную по своей лживости пропаганду, пачкающую образ Победы. Терпимость к этому со стороны власти и «элиты» — признак деградации культуры, о которой говорилось в гл. 5. Вот, Г.Х. Попов к юбилею Победы в 2005 г. выпустил книгу «Три войны Сталина», в которой утверждал, что «Курской битвы как таковой не было, так как после высадки союзников на Сицилии Гитлер увел все свои танковые дивизии на запад» [20]. Мыслимое ли дело — устраивать такие провокации ректору крупного университета?

М.А. Гареев пишет в 2006 г.: «За последние 10-15 лет не показано ни одного нового фильма,... где бы правдиво и доброжелательно по отношению к участникам войны отображалась ее история. 60-летие Курской битвы газета «Известия» ознаменовала «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 33463... Не менее десятка писателей и историков написали о том, что Ленинград не надо было оборонять, а следовало бы сдать его... Доходит даже до утверждений о том, что это была позорная война, в которой мы потерпели поражение... Возникает вопрос: почему даже такие массовые издания, как газета «Аргументы и факты», обращаются именно к таким авторам, особенно в дни юбилеев

исторических событий? Разве нет других, более авторитетных, профессиональных историков или еще здравствующих участников тех или иных боев и сражений?» [20].

В последних двух фразах задаются риторические вопросы, смягчающие общую картину, а из нее ясно видно, что речь идет именно о большой целенаправленной кампании, так что и «писатели и историки», и киноиндустрия, и «массовые издания» — это подразделения и части армии, ведущей информационную войну против России. И все они действуют если не при соучастии власти, то, как минимум, при ее благожелательном нейтралитете.

К 60-й годовщине Победы на средства госбюджета был снят фильм «Полумгла» (режиссер А. Антонов, студия «Никола-фильм»). Сюжет — работа военнопленных немцев на стройке где-то на севере в 1944 г., их отношения с охраной и местными жителями. Был написан сценарий нормального психологического фильма, соответствующий реальности жизни и работы пленных немцев в СССР в те годы. Но режиссеры переиначили и замысел, и содержание сценария и сотворили очередной черный миф.

Суть фильма теперь такова: «Коренной *«демифологизации»* подвергся, во-первых, главный герой, молодой советский лейтенант, откомандированный после тяжелого ранения не на фронт, куда он всеми правдами и неправдами порывался вернуться, а в глубокий тыл — руководить строительством. Этот образ, в сценарии вполне положительный, переосмыслен режиссеров в направлении... алкогольно-психопатическом. Теперь наш главный герой готов напиваться где угодно и когда угодно, после чего, очнувшись в соответствующем состоянии, хватается за пистолет и открывает пальбу по людям.

Но главное изменение было внесено в финал картины... На экран врывается мощная бронетехника, оттуда — безжалостные, как орки во «Властелине колец», русские солдаты во главе с назгулом — майором. И абсолютно безо всякой причины берут и расстреливают из автоматов всех немцев, с которыми зритель за полтора часа худо-бедно успел сродниться... На фестивали 2005 года — Выборгский («Окно в Европу») и Монреальский — студия «Никола-фильм» представила готовую картину о том, как русские *«недолюбовки»* перебили ни в чем не повинных немцев» [4].

Попытка сценаристов возбудить судебное дело успеха не имела — ведомство Швыдкого, которое финансировало фильм, мобилизовало крупные силы. Центральные СМИ заполнили статьи в поддержку «молодого талантливого режиссера». На просмотре фильма в Доме кино вообще было сказано, что это была «война между людоедами». На вопрос, из каких источников режиссер получил информацию о том, что в 1944 г. в глубоком тылу в СССР производились массовые расстрелы военнопленных немцев, ответ был таков: «Если капитан Ульман расстрелял в Чечне мирных жителей, то как вы можете отрицать расстрелы военнопленных немцев в 1944 г.?»

Как пишет А. Тарасов, перед юбилеем Победы «по суворовским училищам и кадетским корпусам с помпой и почетом ездил капитан власовской армии П. Бутков, который рассказывал учащимся, как он вместе с гитлеровцами уничтожал «проклятых большевиков» [7].

Театр «Современник» к юбилею поставил подлую пьесу «Голая пионерка», которая сопровождалась не менее подлыми комментариями в прессе. Был снят целый ряд фильмов с заведомой ложью о войне. Ложь разоблачалась и военными специалистами, и непосредственными участниками событий, но эти разоблачения трибуны не получали.

Вот, Президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев говорит о многосерийном фильме «Штрафбат»: «Такие фильмы, как «Штрафбат» — это своеобразный политический, идеологический заказ. Надо вдолбить в головы современной молодежи, что Победу ковали не маршалы Жуковы и рядовые Матросовы, а уголовники... Один из известных политических деятелей заявил буквально следующее: «Без развенчания этой Победы мы не сможем оправдать все, что произошло в 1991 г. и в последующие годы».

Во множестве писем указывалось, что практически *все* существенные утверждения фильма ложны — это воспринималось «творцами» фильма со смехом. Гареев дает краткий

перечень заведомых фальсификаций: «В штрафбате никаких уголовников, равно как и политических заключенных, просто не могло быть. Из уголовников формировали штрафные роты. Командовали штрафными подразделениями только кадровые офицеры. Во всех штрафных подразделениях не было обращений «гражданин», а только «товарищ». Во время войны в любом штрафбате был заместитель командира по политчасти. В фильме его нет. Вместо политработника в «Штрафбате» действует священник. Но в те времена это было просто невозможно не только как не типичный, но и как самый исключительный случай. Да и вообще война с фашистскими захватчиками ушла в фильме на второй план. А на первом — показ ненависти персонажей к советской власти. Все штрафные подразделения составляли не более 1,5% от всей численности действующей армии».

Как человек на службе, М.А. Гареев не мог назвать вещи своими именами: создатели фильма и не заботились об исторической правде, они выполняли заказ противников России в психологической войне.

Особый подход к деградации символов Отечественной войны — обвинение советского государства, а потом и вообще советских людей того времени, в жестоком отношении к немцам. Публикация в специальных исторических журналах материалов, рисующих истинную картину, практически не могла нейтрализовать эту кампанию, для которой были предоставлены средства *массовой* информации. Не проникали к нам и документы из Германии, сборники воспоминаний военнопленных, в том числе такого авторитетного человека, как лауреат Нобелевской премии антрополог Конрад Лоренц. Идеологи, которые эксплуатировали тему, знали истину, но она для них значения не имела.

Отравляющий память о Победе яд снабжен самыми разными этикетками. Одна из них — «антифашистская», объявляющая советское государство фашистским. Вот как Л. Радзиховский «благодарит» в юбилей Победы Красную армию: «Я, конечно, помню. И благодарен за спасение..., за «дарованную жизнь». Благодарен Красной армии, и СССР, каким бы отвратительным государством он ни был, благодарен солдатам, как бы кто из них ни относился к евреям, каким бы кто ни был антисемитом, благодарен — как ни трудно это сказать — да, благодарен Сталину. Этот антисемит, пусть сам того не желая, но спас еврейский народ... Но помня великую заслугу Сталина, я не могу отрицать очевидного — что он, конечно же, был «обыкновенным фашистом», создал вполне фашистский строй» [8].

Вся эта идеологическая работа оправдывается необходимостью нанести еще удар по образу советского государства и по «массовой идентичности россиян». Социолог Л.Д. Гудков объясняет задачу так: «Державная интерпретация победы 1945 года стала не просто оправданием советского режима в прошлом и на будущее... Победа в войне легитимизирует советский тоталитарный режим... Представление людей о себе как жертве агрессии придало им непоколебимую уверенность в своей правоте и человеческом превосходстве, закрепленном Победой в этой войне. Рутинизацией этой уверенности стало и внеморальное, социально примитивное, почти племенное деление на «наших и ненаших» как основа социальной солидарности» [9].

Вот как закручено: гордость народа-победителя, поддерживающая его национальное самосознание, называется внеморальной и социально примитивной. По Гудкову, жертвой агрессии советский народ не был и никакого человеческого превосходства над фашистами в войне не продемонстрировал. Это — речь солдата психологической войны против России. И этот солдат — квалифицированный специалист, доктор философских наук, руководитель Отдела социально-политических исследований Аналитического Центра Юрия Левады, окончивший факультет журналистики МГУ и аспирантуру Института философии АН СССР, работавший в Институте социологии АН СССР и во ВЦИОМ.64

Он верно определяет эту память как «социальное отношение к войне, воплощенное и закрепленное в главном символе, интегрирующем нацию: Победе в войне, победе в Великой Отечественной войне. Это самое значительное событие в истории России, как считают ее жители, опорный образ национального сознания. Ни одно из других событий с этим не может быть сопоставлено. В списке важнейших событий, которые определили судьбу страны

в XX веке, победу в ВОВ в среднем называли 78% опрошенных... Всякий раз, когда упоминается «Победа», речь идет о символе, который выступает для подавляющего большинства опрошенных, для общества в целом, важнейшим элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилom, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти — понимания настоящего и будущего».

Вся статья проникнута ненавистью к этому «опорному образу национального сознания». В свой текст, выдержанный в академической манере, Л.Д. Гудков даже включает художественный образ: «Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы». Да, удалось, по его мнению, превратить национальное сознание народа России в пустыню, выветрить то, что недавно было скалой. И вот, осталась Победа — торчит (!) как каменный столб. Надо ее взорвать!

Л.Д. Гудков объясняет, почему память об Отечественной войне и Победе стала таким важным объектом ударов: «Она стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задает им масштаб оценок и риторические средства выражения... [Она дала] огромному числу людей свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности, который намертво закрепился впоследствии, уже к середине 1970-х годов, и на котором только и могут сегодня говорить о войне большинство россиян».

Таким образом, задача — уничтожить систему «всех важнейших линий интерпретаций настоящего», уничтожить систему координат для оценки реальности. Тогда народ будет лишен языка («риторических средств выражения») и общих художественных и эмоциональных средств общения внутри себя и с государством — он утратит «язык «высоких коллективных чувств» и язык «лирической государственности».

Поразительно точно определил цели бомбометания элитарный социолог — вот для чего эта команда двадцать лет изучала национальное сознание народа России. Л.Д. Гудков отмечает, что нынешнее поколение российских граждан уже имеет смутное представление о конкретных *военно-политических* аспектах войны. Казалось бы, это естественно — зачем держать в социальной памяти детали, если война стала общим *символом*, источником «высоких коллективных чувств». Но он дает свое, удивительно подлое объяснение различию толкований военно-политических факторов в ходе войны: «Это не выражение раскола общества на «партии» с четкими позициями и ясными убеждениями, а симптоматика «нечистой совести» и какой-то непроявленной то ли вины, то ли внутренней неудовлетворенности общепринятым отношением к проблематике войны».

Попробуйте найти основания для «нечистой совести» из-за победы в войне с фашизмом! Каких он хотел бы «четких позиций и ясных убеждений»? Чтобы мы сегодня передрались из-за отступления 1941 года? Л.Д. Гудкова тревожит тот факт, что память о Победе действует как средство сплочения народа, помогает залечивать старые раны и расколы. А старые раны надо растравлять, сыпать на них соль.

Вот головная боль антисоветских интеллектуалов: «Уходит память о сталинских репрессиях (значимость их для российской истории за последние 12 лет, по мнению опрошенных, упала с 29% до менее 1%); напротив, позитивные оценки роли Сталина с 1998 года к 2003 году выросли с 19% до 53%; на вопрос: «Если бы Сталин был жив и избирался на пост президента России, вы проголосовали бы за него или нет?» — 26-27% жителей России сегодня ответили: да, проголосовали бы».

А кому же должны граждане давать «позитивные оценки» — изменникам Родины типа Горбачева, творцам хаоса типа Ельцина и тем «олигархам», которые присвоили национальное достояние страны?

Разрушение образа войны как национального символа необходимо, согласно Гудкову, и потому, что он способствует постепенному, робкому выздоровлению российской государственности. А государственность России ненавистна антисоветским интеллектуалам в любой ее форме.

Гудков пишет: «Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка. Они встраиваются в общий

порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений» [9].

Если отцедить ругань, то смысл ясен — память о войне мешает ликвидации централизованного государства, превращению России в периферию Запада, поддержанию правового хаоса и сохранению «серых зон», контролируемых преступным миром. Мешает ликвидации России как цивилизации.

В этой кампании против России советской и одновременно России исторической смыкаются крайности — практически одно и то же утверждают либералы-западники и «русские этнические националисты» разных оттенков. Вот, в 2007 г. А.А. Широпаев («публицист, неоязычник-крокодилопоклонник, в прошлом — теоретик православного фашизма») пишет: «Вообще, «монотеистический» культ «великой победы» — это главная и последняя подпорка Системы. Ее последний морально-политический ресурс. Вышибить этот костыль — и вся Система сразу завалится, как гнилой сарай, освободив дорогу для новой истории, свободной от советчины и имперщины» [18]. Тогда же В.В. Штепа («философ и журналист») пишет примерно то же самое: «С прошлого года режим перешел к массовой раскрутке мифологии «Великой Победы» — как своего оправдания на все времена... Империя остро чувствует, что именно эта мифология «Великой Победы» является стержневой для сохранения на российских пространствах своего режима» [19].

В настоящее время применение грубых, одиозных средств антисоветской пропаганды возложено также и на группу деятелей горбачевского призыва — типа Сванидзе и Млечина, Познера и Радзиховского. Им выделены довольно большие ресурсы и оказывается институциональная поддержка, власть постоянно подает им знаки поддержки в виде орденов и одобрительных комментариев (как в высокой оценке, которую президент А.Д. Медведев дал «Новой газете»).

Высокие должностные лица из состава властной команды выражаются более сдержанно, однако вполне определенно. В.Ю. Сурков говорит: «Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности» [10].

Читатель должен сам додумать: да, эта реформа оказалась вязкой реальностью, но ничего не поделаешь, всегда так в России бывает, все второпях — вот в чем причина. А на деле все это подлог. Можно ли ставить советские мегапроекты индустриализации и Великой Отечественной войны на одну доску с ползучим вредительством перестройки? Все это, мол, по сути одно и то же.

Власть взяла на вооружение порочный метод объяснять провалы рыночной реформы в России наследием советского прошлого. Мол, эти провалы — следствие инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Это лишает и государство и общество возможности разобраться в актуальных процессах — искажены мера и критерии.

Стало нормой утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами... Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания» [23].

Прекрасна идея создать умную экономику, сначала надо разобраться, каким образом Россия скатилась к «примитивному сырьевому хозяйству», — ведь силы и механизмы, которые ее туда толкнули, продолжают действовать. Их надо выявить и нейтрализовать. Но мы не начнем в этом разбираться, пока не откажемся от мифа, будто СССР был «сырьевым» гигантом и не определим вес его «индустриальной» компоненты.

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, — но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не

избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости» [25]. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» — не наследие прошлого, а именно *продукт реформы*, результат *деиндустриализации* советского хозяйства. Взглянем на факты. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем следующие данные. Всего по отраслям материального производства *вывоз из РСФСР* составил 109,6 млрд. руб. По всем отраслям, за исключением сырьевых — нефтегазовой, угольной и лесной промышленности и половины продукции «прочих отраслей промышленности» — вывоз составил 84,7 млрд.

Таким образом, доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77%. Из них «машиностроение и металлообработка» — 34,7%. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей — 23%. Это — максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».65

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70% экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства» — 5,8%.

Кстати, искажает реальность и вторая часть утверждения Д.А. Медведева — что «Советский Союз не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами». СССР не выдержал *войны* с Западом, войны на уничтожение. Это — вовсе не конкуренция. Если бы нынешняя Россия не унаследовала от СССР продуктов советского постиндустриализма (хотя бы в виде ракетно-ядерного оружия), то сегодня она вся была бы превращена в «сырье» уважаемыми «постиндустриальными обществами».

Ритуальные плевки в советское прошлое стали столь привычными, что спичрайтеры высших руководителей даже не удосуживаются проверить свои самые странные идеи. Ну и потомки! Но отбросим лирику вроде исторической справедливости, разбор обвинений СССР нам нужен, чтобы восстановить свою способность считать и логически мыслить для нынешних дел. Вот, например, В.В. Путин говорит в Госдуме (6 апреля 2009 г.): «Невозможно уже больше... мириться с нищенским пенсионным обеспечением миллионов людей, с тем, что у нас по-прежнему есть пенсионеры, которые получают меньше 2 тыс. — 1950 рублей. Правда, это еще наследие прошлого, советского периода, когда в совхозах платили соответствующие деньги» [24].

Посмотрим, какие «соответствующие деньги» платили в совхозах и сколько «миллионов людей» из тех работников живет сегодня в РФ. Всего в РСФСР в 1990 г. было 6,3 млн человек, получавших минимальную пенсию — 70 руб. в месяц. Сейчас всем выжившим из тех, кто был пенсионером в советское время, далеко за 80 лет. Сколько их всего осталось? Совсем немного, в 2008 г. в России проживало 3,6 миллиона человек в возрасте 80 лет и более.

Тех, кто получал *минимальную* пенсию, было 24% от общего числа пенсионеров — значит, делим это малое число еще на 4. Сколько из них вышло на пенсию именно в *совхозах*? Надо поделить еще минимум на 10. Да их по пальцам можно сосчитать, а нам говорят, что «миллионы людей» с нищенской пенсией — наследие совхозов! Кто в Правительстве нашелся такой хитрый, сочинить эту байку?

Лучше бы посчитали, что мог купить пенсионер на 70 руб. в 1990 году и что — на 1950 руб. сегодня. В 1990 г. пенсионер на минимальную пенсию в 70 руб. мог купить 238 кг молока или 183 кг хлеба (хлебобулочных изделий) из пшеничной муки. В 2007 г. пенсионер на минимальную пенсию в 1950 руб. мог купить 76 кг молока или 64 кг хлеба (хлебобулочных изделий) из пшеничной муки. В три раза меньше! Это не наследие совхозов, а оригинальный продукт нынешнего социального порядка.

В том же отчете Госдуме В.В. Путин говорит: «В Советском Союзе должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось, что мы с вами хорошо знаем. Да, к сожалению, так, потому что наши гражданские самолеты — это то, что было переделано, первоначально это были военные самолеты, потом их спокойно переделали. Они являются у нас, к сожалению, сегодня неконкурентоспособными» [24].

Не странно ли? Советского Союза нет уже 18 лет, и он же виноват, что построенные в СССР самолеты «сегодня неконкурентоспособны». Почему же ваши хорошие рыночные КБ и заводы не сконструировали и не построили такие самолеты, которые вам нравятся? В Советском Союзе были свои нормальные и дешевые самолеты (их покупали многие страны) и 1300 аэропортов. Теперь закрыты десятки аэропортов, а пассажиров летает в 4 раза меньше, но «должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось» именно в СССР. Господа, куда же мы придем с такой логикой?

Мы будем все глубже погружаться в трясину недееспособности, если анализ каждого провала нынешних «менеджеров» станем заменять проклятиями в адрес СССР, который не обеспечил нас вечными благами. Вот научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин на следующий день после аварии на ГЭС прибегает к этому магическому приему: «Саяно-Шушенская ГЭС была символом крупных проектов, которые осуществлялись в СССР. Мы не знаем истинных причин этой крупной техногенной катастрофы, почему произошел гидроудар. Но, я уверен, истинная причина — в безалаберности и наплевательском отношении к строительным стандартам» [21].

Вот такие «научные руководители» управляют ВШЭ, «генератором программ» реформы. «Мы не знаем истинных причин... Но, я уверен, истинная причина — в...». Не знает, но уверен!

А вот какое объяснение дает специалист по технической безопасности: «Характерный пример отклика сложной социотехнической системы на смену цели производственной деятельности — авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г. Агрегаты станции проектировались в предположении, что их режим работы и обслуживания будут происходить в рамках единой энергосистемы. Для расчлененной ЕЭС (как суммы деградирующих систем) нужны элементы и связи с принципиально иными свойствами. Старые элементы и связи от ЕЭС СССР не смогли адаптироваться для обслуживания внешней новой системы «свободного» рынка электроэнергии. Произошла тяжелая авария, после которой непроектная нагрузка на оставшиеся элементы и связи осколков ЕЭС еще более усилилась. Необходимо последовательно изучать «получившуюся» систему и «притирать» ее старые элементы и связи к возникшим условиям. Ни старые ГОСТы, ни новые евронормы, ни их смесь в техрегламентах здесь не помогут, все они существенно искажают картину актуальных опасностей (одни нормы «отстали», другие — «впереди»)» [22].

Человек не пускается в рассуждения о добре и зле, тоталитаризме и демократии, а говорит о взаимозависимости техники и социальных систем. Хотите перевести созданную в СССР техническую систему на рыночные принципы — дополняйте ее адекватной оснасткой, иначе произойдет авария. Ведь и Чернобыльская катастрофа произошла потому, что советской техникой попытались управлять, исходя из норм «живого творчества масс».

Но поворота к таким прагматическим рассуждениям, в общем, не происходит. Власть продолжает идеологическую антисоветскую программу Горбачева и Ельцина — для чего? С какой целью она углубляет раскол в обществе и погружает его в безысходность? Здесь кристаллизуется одно из непримиримых тотальных противоречий российского общества, которое шаг за шагом загоняет его в тупик. Никакой возможности выложить эту проблему на стол переговоров власть не дает. Каков же прогноз хода событий? Неужели власть все еще надеется, что все «советские люди» просто вымрут и проблема будет решена?

Василь Быков писал в 1991 г.: «В ближайшие 10-20 лет, я думаю, ничего хорошего нам не светит. Перемены к лучшему могут произойти лишь за пределами физического существования нынешних поколений. Когда окончательно уйдут из жизни те, кто

безнадёжно отравлен ядом большевистской идеологии... Когда не только не останется ничего, напоминавшего о последних резолюциях очередного съезда, но и ни одного деда или бабушки, хранящих память о дефицитах, репрессиях, коллективизации... По-видимому, Моисей был человек умный, недаром же он водил свой народ по пустыне сорок лет, а не четыре года» [16].

Идея «водить 40 лет по пустыне» была так соблазнительна, что даже В.В. Путин в начале своего президентства как-то использовал эту метафору как довод. 4 января 2003 г., на встрече с преподавателями Уфимского государственного нефтяного технического университета он сказал: «Моисей, говорят, сорок лет водил свой народ по пустыне для того, чтобы избавиться от прошлого и сформировать нового человека. Для нас это слишком много и нам нужно вытравливать все негативное, что было заложено в прежние годы, связанное с монополией одной партии на власть, с тоталитаризмом, с отсутствием свобод». Но «сформировать нового человека» путем «вытравливания» у него всего советского — задача потруднее, чем была у Моисея. *Советское* воспроизводится в российском климате.

В.Ю. Сурков попрекает «азиатчину» советского строя: «Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества». Это старая песня, в ней ненависть вовсе не к «крепостничеству», а к советскому освоению космоса и атомной энергии. Вот этого бы России не нужно, это новому государству и его консультантам не нравится. Но какова самонадеянность! Ведь читатель автоматически встраивает подобные суждения в реальную систему координат: жестокое упорство советского крепостничества дало России освоение космоса и атомной энергии, а жестокое упорство рыночного крепостничества Чубайса и Грефа дало России паразитизм «олигархов» и колоссальный регресс жизнеустройства. Почувствуйте разницу, интеллектуальные вожди Российской Федерации.

В.Ю. Сурков рисует карикатуру на большие проекты, которые в ходе истории выполнял русский народ. Он иронизирует над делами, которые стоили народу колоссальных усилий и жертв, но и поднимали на новый уровень цивилизационного развития.

Он говорит: «Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо, и где все при этом есть... В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же — страдали!) отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всесильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая» [10].

Стыдно это читать. «На средненародном уровне» считалось, что коммунизм — это, прежде всего, «от каждого — по способности». А Сурков нарисовал карикатуру на русского коммуниста как наивного паразита, мечтающего, «чтобы поскорее ничего не делать». Какой недальновидный поклев на несколько поколений, трудами которых кормится вся эта нынешняя «элита». Это, кстати, поклев на большую когорту *мёртвых русского народа*, надо бы с ними быть поосторожнее.

Вот, В.Ю. Сурков берет коммунизм как эталон убожества и посредственности: «Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма» [там же].

Ясно, что мира, в котором все люди на одно лицо, не может быть, он тут притянут за уши, чтобы лягнуть коммунизм. Вот, мол, какими недоумками были русские люди, в массе своей поверившие в идеалы коммунизма! Так, значит, трактует власть цивилизационный вектор России в течение целого исторического периода. И с таким представлением она собирается строить новую Россию? В какое болото она ведет страну...

Эта же мысль то и дело прорывается в разных формах в текстах В.Ю. Суркова. Например: «Известно, что Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков. Большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность» [10].

В каком смысле Павел I хотел наделать из русских солдат пруссаков? К чему эти анекдоты? Ведь именно при Павле Суворов модернизировал армию, командовал Италийским и Швейцарским походами, получил титул генералиссимуса. И в чем сходство между гипотетическим желанием «наделать из русских солдат пруссаков» и тем, что «большевики перерабатывали сотню этносов в советскую общность»? Следует ли из слов В.Ю. Суркова, что в России общностей не надо и пусть все этносы разбегаются? Разогнать-то вы сумели, ломать не строить, — а вот попробуйте собрать.

Заметим, что буквально тут же В.Ю. Сурков сам строит планы наподобие прожектов Павла I: «Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку» [11].

По мнению власти, «нация» — это не «российская общность»? И опять власть, как Петр Великий или Керенский, собрала ее «на скорую руку»! К чему тут все эти аналогии и метафоры. Похоже, власть просто не может говорить об актуальных проблемах России, как они даны нам в реальности. Никак не может нынешнее государство «ментально воссоединить расстроенную было нацию», нет у него для этого ни скорой, ни сильной руки. Оно само непрерывно раскалывает эту нацию и тем самым ослабляет свою руку. Горбачев и Ельцин породили этот порочный круг, а В.Ю. Сурков своими метафорами его укрепляет.

Способов углубить раскол нации и стравить расколотые части много, а при наличии «административного ресурса» и денег нетрудно и создать кадровый состав для этой работы. Любой тип, выходящий на трибуну или к телекамере с антисоветским замечанием, даже самого низкого пошиба, получает какой-то бонус. Антисоветская риторика узаконена как желательная, что и обеспечивает непрерывность «молекулярной агрессии» в массовое сознание.

Вот, 12 июля 2009 г., идет утренняя передача 1 канала российского телевидения «Служу отчизне». С ведущим беседует священник Георгий Митрофанов, апологет Белого движения в Гражданской войне 1918-1921 годов. Он обращается к военнослужащим Российской армии с таким пастырским напутствием: «Не может быть примирения между теми, кто отстаивал дело исторической России и теми, кто поверил в коммунистическую утопию и 70 лет топил в крови Россию. Всем придется выбирать, с белыми они или с красными».

Заявление дикое по своей невежественности и по своей гражданской и политической несообразности, которая доходит до гротеска. Строго говоря, этот гражданин в рясе вел экстремистскую идеологическую пропаганду в рядах военнослужащих — дело откровенно противозаконное.

Но дело не в этом гражданине, а в политической линии руководства Первого канала. Трудно предположить, что она определяется без согласования с Администрацией Президента. Пожалуй, не было ни одной страны, которая пережила бы большую Гражданскую войну и в которой через 90 лет экстремистам дали бы такую трибуну для призывов к реваншу и взаимной непримиримости. России сегодня для полного счастья не хватает именно новой гражданской войны. Со стороны должностных лиц государства за все время не последовало ни одного неодобрительного слова по поводу подобных выступлений. Вот где *угроза для России* .

В тот же день — другое сообщение прессы: «12.07.2009. Ульяновску могут вернуть его историческое название — Симбирск. По сообщению ИТАР-ТАСС, губернатор Ульяновской области Сергей Морозов заявил сегодня, выступая перед участниками молодежного форума на Селигере, что «поддерживает восстановление исторической справедливости». О сроках возможного переименования города Морозов не сообщил. Симбирск был переименован в Ульяновск в 1924 году — после смерти Владимира Ульянова-Ленина, родившегося в этом городе».

О какой «исторической справедливости» могла идти речь на молодежном форуме на Селигере? Ульяновск носит это имя 85 лет, это уже совершенно другой город, нежели был

Симбирск почти век назад. Он весь создан в советское время, все его «градообразующие» структуры несут на себе облик советских «мегапроектов». Никакой проблемы «справедливости» тут днем с огнем не сыщешь. Всем очевидно, что целью выступления этого губернатора было сделать еще один плевков в лицо советскому человеку — мотивация примитивная и низкая. Воспитатели российской молодой элиты...

Организуются и «вязкие» долгосрочные акции. Продолжая дело Ельцина, нынешняя власть разыгрывает спектакль «7 ноября» — его нам дают вместо памятной даты, годовщины Октябрьской революции. Той революции, которая почти на целый век продлила жизнь Российской империи в облике СССР. Спектакль этот поставлен с целью *профанации* праздника, который вошел в жизнь подавляющего большинства народа и давно уже стал национальным.

Эта профанация преследовала политические цели, а также нужна как психотерапевтическое средство тому господствующему меньшинству, которое уничтожило СССР и страдает от «тоски предателя». У этой публики наблюдаются и другие патологии. Например, поразительная мстительность. Они ведь борются не против идеалов Октябрьской революции — она в далеком прошлом, им неизвестна и мало их интересует. Они изощряются в изобретении духовных пыток для побежденного большинства. Зная, что до сих пор примерно половина граждан уважает память о революции и о тех поколениях, которые строили СССР, эти господа, имея тотальный контроль над телевидением, в день праздника заполняют эфир издевательствами и глумливыми комментариями. Как будто им мало остальных дней в году. Это все равно, что прийти в гости на Рождество и богохульствовать.

Этот персонал нового «политпросвета» думает, что может оскорбить и уязвить «совка», иные просто захлебываются, радуясь своим шуточкам. Удивительно поглупели от разрешенного и оплаченного хамства. Никого они уже не могут оскорбить. Люди ушли в себя, и их не достать. Они смотрят на этих легионеров психологической войны холодно, и даже право на ненависть к себе эта публика утратила. Уже пришло другое чувство...

Социологи регулярно измеряют, как вымирает «советский народ», у которого отняли праздник. Могильщики потирают руки, кое-кто похваливает Моисея, который придумал 40 лет водить по пустыне народ, пока не вымерли все, кто «помнил». Этот реваншизм вызывает брезгливое чувство, как признак нехорошей болезни. Ну, загнали в катакомбы половину народа — и радуются. Глупо.66 Атрофия разума и чувства у господствующего меньшинства — потому и увязла страна в болоте кризиса.

Жаль, конечно, что за «сытыми» в тупик тянется молодежь. Диалог поколений пресечен, идеи и образы городская молодежь получает в основном из телевизора. А надо бы понять, что значит изъять важный праздник из жизни народа. Это подрубает один из его корней. Праздник связывает людей, которые за много лет коллективно вообразили его смысл, в народ. В момент праздника у человека оживает чувство *святости* времени, оживают события национальной истории, определившие судьбу народа. Так люди незримо соединяются общими воспоминаниями. Возникает духовная структура, скрепляющая мировоззренческую матрицу народа.

Старшие поколения за свою жизнь дважды пережили насильственную ломку «календаря праздников». Это тяжелая травма. Первая кампания проводилась в 20-е годы большевиками-«космополитами», которые ставили своей целью демонтировать «имперский» русский народ. По мере того, как этот народ объединялся уже в облике советского народа, нарастал накал этой кампании. Изживались и Новый год, и Рождество с ёлкой, и даже праздничное поминовение войны 1812 года. В 1927 г. Главный репертуарный комитет запретил публичное исполнение увертюры Чайковского «1812 год». Свернуть всю эту кампанию удалось только после разгрома, жестокими методами, «оппозиции» в ВКП(б). Резкий поворот был совершен в мае 1934 г. — был открыт исторический факультет в МГУ, вернулись и ёлка, и увертюра «1812 год».

То знамя похода против памяти подхватили «шестидесятники» в хрущевскую

«оттепель». Режиссер Михаил Ромм, выступая 26 февраля 1963 г. перед деятелями науки и искусства, заявил: «Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна?» Ромм увязал увертюру Чайковского с «советским антисемитизмом», а сегодня израильский историк Дов Конторер увязывает эту увертюру с «русским фашизмом». Он пишет о том демарше Ромма: «Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интернационалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма» [12].

Нынешняя кампания ведется с более мощными средствами. Убили 1 Мая, любимый праздник большинства, в 1992 г. изуродовали дубинками 23 февраля, постоянно ведут подкоп под День Победы и выхолащивают ее смысл. Разрушение исторической памяти необходимо реформаторам — люди, лишившиеся привычных праздников, выпадают из традиции. Их легче отвлечь от того факта, что без восстановления социальных систем советского типа половина нашего населения переместится в «цивилизацию трущоб».

В России ведется настоящий штurm символического смысла праздников, которые были приняты и устоялись в массовом сознании народа. 7 ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «считать Днем Согласия». Эта пошлость оскорбила достоинство людей, независимо от политики. Ведь революция — катастрофа, трагическое столкновение, а не «день согласия». Русская революция — великое событие, повернувшее ход истории. Его с одинаковым волнением отмечал весь народ, независимо от того, на какой стороне баррикады были деды и прадеды каждого из нас. Так же отмечают 14 июля, годовщину своей революции, французы. И сама мысль отменить во Франции этот праздник показалась бы там чудовищной и глупой. У нас этот глупый шаг сделан с тупостью носорога. Плюнули в душу, да еще стравили людей. Ладно...

Способом убийства праздников является и неявное издевательство или доведение до абсурда. Кто-то очень смышленный придумал праздновать 7 ноября «годовщину военного парада 7 ноября 1941 года». Парад *в честь годовщины парада* ! А в честь чего был *тот* парад, говорить категорически запрещается. В 2007 году ни один, от телевизионного мальчика до первых лиц государства, ни разу не обмолвился, с чего это вздумали устроить парад на Красной площади в 1941 году именно 7 ноября. Наверное, и в другие годы теперь так. И мы смотрим этот театр абсурда. Такие вещи даром не проходят, веет безнадежностью.

Та часть нашей интеллигенции, которая стала личным составом этой армии «деструкторов», нашла, конечно, для себя оправдания — на то она и рефлексирующая интеллигенция. Это и породило аномалию: уже 18 лет нет СССР, а на телевидении с утра до вечера пинают нашу «империю зла», к месту и не к месту, как будто призрак видят. Совесть скулит, и ее пытаются приглушить антисоветским мифом. Речь не о личностях, а о групповых установках. А главное, об установках власти.

Эта раздвоенность регулярно проявляется в том, что власть, ради подтверждения своей лояльности Западу, оскорбляет историческую память и совесть большинства собственного народа. Например, российскому телевидению, которое перешло под полный контроль радикальной западной части крупного капитала и гуманитарной интеллигенции, дана полная свобода вести передачи, исполненные *культурного садизма* по отношению к населению. Принятая в РФ «Доктрина информационной безопасности» отброшена и даже не вспоминается.

К кому же обращается со своей антисоветской риторикой идеологическая команда нынешней власти России? Какая часть общества благосклонно принимает эту риторику? Наиболее полное представление (из опубликованных данных) дает об этом исследование, которое вел с 1989 г. ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады. Его целью было наблюдение за тем, как изменялся в ходе перестройки и реформы социокультурный облик *советского человека* — «*homo sovieticus*».

В заключительной лекции об этом исследовании, 15 апреля 2004 г. Ю.А. Левада говорит: «Работа, которую мы начали делать 15 лет назад, — проект под названием “Человек

советский” — последовательность эмпирических опросных исследований, повторяя примерно один и тот же набор вопросов раз в пять лет. Мы это сделали в 1989-м, 94-м, 99-м и в прошлом, 2003 году... Было у нас предположение, что жизнь ломается круто. Что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Скорее, как только человека освободили, он бросился назад, даже не к вчерашнему, а к позавчерашнему дню. Он стал традиционным, он стал представлять собой человека допетровского, а не просто досоветского... И с этого времени мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда, чувствуют себя людьми советскими. И рамки мышления, желаний, интересов почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы, и жили» [13].

Итак, «советский человек никуда от нас не делся». Он просто «ушел в катакомбы». Особые маски и средства обезболивания приходится изобретать людям, чтобы приглушить боль при виде того, как кромсают твою страну, и при этом еще глумятся над ней. Кто-то притворяется космополитом, кто-то растревляет в памяти все прегрешения «Родины-мачехи», немногие и сами начинают кромсать и глумиться, но все это пропитывает наши структуры повседневности, проникает, как радиация, во все элементы жизни, придавая ее качеству особые, патологические свойства.

Более того, в тяжелых условиях советский человек становится «более советским», чем в благополучное время. Культурное ядро нашего общества выдержало удар перестройки и реформы. А значит, то меньшинство, которое отщепилось от этого ядра и продолжает в душе и мыслях двигаться по пути, проложенному перестройкой и реформой, отдаляется от основного тела культуры все дальше и дальше.

Показательна безымянная реплика, высказанная после доклада Ю.А. Левады: «Я много лет работаю на телевидении и занимаюсь там аналитикой и социологией. И столько же времени я пытаюсь понять, что они смотрят. Наверное, самая четкая метка — это отношение телезрителей к старому советскому кино. После каких-либо резких взломов интерес к советскому кино повышается. А сам процесс идет, в общем-то, непрерывно. Его можно назвать откатом к “советскому человеку”... Единственное кино, которое не привлекает массовую аудиторию, — это интеллигентское кино 60-х — 80-х годов, для примера приведу “Осенний марафон”.

Чем дальше в историю, тем больше кино становится востребованным. Кино 30-х годов, предоттепельные фильмы, фильмы о секретарях горкомов и райкомов и фильмы начала 80-х годов, самого не интеллигентского плана, они находят все большую аудиторию. Казалось бы, город Москва, где социальные процессы шли более остро, так вот — в Москве старое кино любят люди с высоким уровнем образования и люди молодые. Любят больше, чем кино интеллигентское. Это значит, что во многом наш человек, в данном случае — московский, а в регионах, я думаю, еще в большей степени, становится все более советским».⁶⁷

Тот факт, что в Москве «люди с высоким уровнем образования и люди молодые» теперь «любят старое советское кино больше, чем кино интеллигентское», говорит о том, что и основная масса интеллигенции остановилась в своем движении по пути «перестройки и реформы». Ее тянет обратно, к тому культурному ядру российского общества, которое созрело в советское время. Соблазн отщепенства утрачивает силу. Пока что мы находимся в состоянии неустойчивого равновесия. Чем раньше мы соберемся с духом и преодолеем временный разрыв, тем с меньшими травмами мы выйдем из кризиса.

Говоря о том, как по прошествии 15 лет реформы видится шкала ценностей советского человека, А.С. Панарин пишет: «Чем больше исторически удаляется этот человек от нас, тем крупнее, масштабнее выступает его фигура... Крайности либерального отрицания этого типа выглядят все менее убедительными, и к советскому человеку приходит историческая реабилитация» [15, с. 135].

Какие непосредственные утраты несет Россия в результате активного антисоветизма государственной власти? Фундаментальными следствиями целенаправленно создаваемого раскола являются, на мой взгляд, следующие.

Государство слишком далеко зашло в конфликте с тем культурно-историческим типом, который был носителем цивилизационных черт России в XX веке. Пожалуй, впервые в истории России государств, вместо того, чтобы стать арбитром-«модератором» в конкуренции и конфликтах между разными цивилизационными проектами, категорически встало на сторону одного течения. Оно стало во главе радикального течения, которое находилось в тени в советский период и осознавало себя как антипода и противника *советского человека*. Так была заложена тенденция на углубление раскола.

Преодоление нашего кризиса уже возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Его вырабатывает надклассовая и надэтническая общность. В свое время Данилевский назвал ее «культурно-исторический тип». Эта общность и служит ядром консолидации в момент больших кризисов, она и задает проект будущего. Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже как «советский человек». Он сник в 70-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы, но не исчез. Он — молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму.

Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа — стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

Каковы те матрицы поведения людей и их жизненных планов, которые сложились за последние 15 лет? Понятно, что в развитом обществе стереотипы поведения и установки, господствующие в разных слоях, различаются. Но все же в стабильном состоянии общества есть в нем культурное ядро, связывающее разные группы общим представлением о добре и зле, в самых главных чертах. В моменты потрясений это ядро разрыхляется или даже распадается, вплоть до открытого конфликта групп и классов. В фазе стабилизации происходит сборка новых матриц, связанных новым культурным ядром.

В XIX веке эти матрицы в России развивались в рамках сословного общества. Подавляющее большинство принадлежало к сословию крестьян (в конце века 85%), с возрастающей долей рабочих, сохранивших связь с землей и деревней. Представления этого большинства народа о благой жизни складывались, прежде всего, под воздействием тех «структур повседневности», в которых жил великорусский пахарь — тяжелого необходимого труда, сверхусилий и взаимопомощи в страду, общинного размышления и самоуправления. Непосредственное участие в создании этого порядка принимали помещики (организация барщины и оброка, участие в управлении), власти (сбор податей и наведение порядка), священник и учитель, царь как самодержец.

Большинство людей, воспитанных такой жизнью, имело общие четко выраженные установки на упорный сложный труд, стойкость, непритязательность и уравнительность (на Западе об этом свойстве говорили: «общинный крестьянский коммунизм»). Из условий бытия вырастал и становился частью культуры патриотизм и государственное чувство. Эти установки сильно влияли и на остальные сословия русского общества, что хорошо отражено в нашей литературе.

Советское государство стало средствами культуры и управления утверждать матрицы поведения, сложившиеся в общинном крестьянстве, но уже в их модернизированном виде («советский коммунизм»). Соединив общество на основе тех же установок на труд, стойкость и уравнительность, СССР провел индустриализацию, выстоял в войне и стал великой мировой державой. Люди-символы, которые воплощали эти установки — Стаханов

и Чкалов, Жуков и Гагарин, Курчатов и Уланова. Однако имевшиеся в обществе 20-х годов культурные предпосылки вовсе не были реализованы автоматически, длительная разруха и вынужденная борьба за выживание резко усилила в массовой психологии стереотипы «гунна».

20-30-е годы — это время выполнения сознательно выполняемой государством программы по «воспитанию нового человека». В последние годы мы слышали много издевательств якобы над этой формулировкой, но на деле в них сквозила ненависть именно к *сущности* программы. А ведь эта программа были исключительно новаторской и всеохватной — от обучения людей мыть руки и кипятить воду, от ликвидации массового сифилиса и гельминтозов — до массового притока молодежи в аэро- и радиоклубы.

В 70-80-е годы объективные условия для сохранения «крестьянского коммунизма» иссякли — благополучная городская жизнь и ставшая привычной безопасность усилили индивидуализм и «установку на удовольствия». На этой волне прошла перестройка и началась реформа. В политических целях государство всеми средствами укрепляло эти установки, вновь выполняя программу «воспитания нового человека» — но теперь совсем другого. С продуктом этой программы мы и входим сегодня в новый этап кризиса.

Каковы же типичные матрицы поведения этого «нового человека»? Они довольно хорошо описаны и в научной, и в карикатурной форме. Кратко можно выделить такие их признаки: ориентация на доходность работы и «легкие» деньги при устранении критерия профессионального и общественного долга; предпочтение «внешнего» рынка отечественному; истощение действенного патриотизма; нежелание делать «капиталовложения в будущее» (что выразилось, например, в резком спаде рождаемости).

Конечно, указанные стереотипы еще не овладели полностью массовым сознанием и не вполне укоренились в нем, эти новые матрицы еще не сложились в устойчивое культурное ядро. Однако тенденция определилась, и господствующее меньшинство, представленное государством и СМИ, целенаправленно закрепляет одни и подавляет или разрушает другие стереотипы.

Сильнейшим средством для этого служат экономические условия. Если постоянный и честный труд не обеспечивает жизнь, то никакая идеология не пересилит этого фактора, и люди станут переключаться на теневые или криминальные источники дохода, а потом и привыкнут к ним. Но если к тому же ведется интенсивная пропаганда теневой экономики и криминального богатства, то эта переориентация становится массовой.

В цехах промышленных предприятий сейчас совсем мало молодежи. Даже получая выгодные заказы, заводы не могут набрать учеников, чтобы обучить их и выполнить заказ — молодые парни сидят по ларькам на блошиных рынках. Молодой хирург-кардиолог идет торговать автозапчастями, хотя поступить в мединститут стоило ему героических усилий. Это признак тяжелого культурного кризиса, порожденного новыми социальными условиями, экономикой и шкалой престижа. В такой «структуре повседневности» формируется элита колониального типа. Личная мотивация не может пересилить давление этой реальности.

Эти новые для России матрицы поведения вполне согласуются с новой государственностью, которая оформилась уже после Ельцина. Но это нарождающееся культурное ядро несовместимо с жизнью России даже в среднесрочной перспективе. Если оно укрепится, то ляжет тяжелым камнем на всяком пути к преодолению кризиса.

Советский строй преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». В советском проекте удалось произвести синтез космического чувства традиционной русской культуры с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Политика государства вновь возрождает старый цивилизационный раскол. Если у реформаторов будет достаточно сил, чтобы держать традиционную культуру в хрипящем полузадушенном состоянии, то Россия как цивилизация и как большая страна будет ликвидирована — на обозримое будущее. Только Запад смог осуществить проект развития, порвав с традиционным обществом, но лишь потому, что длительное время мог

изымать огромные средства из колоний, а потом уже собирать со всех дань как технологический лидер. Россия такой возможности не имела и не получит.

Человек, созданный советским строем, спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически невероятно короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее» — как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

Все эти большие системы «советского типа» — замечательное творческое достижение нашего народа. В их создании было много блестящих открытий и прозрений, во всех них есть что-то от автомата Калашникова — гениальная простота и красота. Замечательные, великолепные создания — советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и детским садом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Все это за последние двадцать лет оболгали и исковеркали. Для уничтожения «империи зла» это было необходимо. Но едва ли не самая главная для нас часть этого злодеяния заключается в том, что молодежь отвратили от знания о том, *как все это работает*. А ведь страшная истина заключается в том, что иных, «антисоветских» больших систем построить уже не удастся. Место занято! Можно изуродовать РАО ЕЭС или даже уничтожить ее, но построить иную, «западного» типа, уже не выйдет. Как мы видим, можно уничтожить советскую науку, но планы создания какой-то иной науки поражают своим ничтожеством, как будто в наказание кто-то с неба шелкнул разрушителей по лбу.

Все мы — наследники советского строя, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм отвращает от этого знания. И дело не в политике. Сегодня отвергать это знание глупо, а завтра будет уже убийственно.

Глава 8. РОССИЯ: РЕФОРМА КАК РЕФОРМАЦИЯ

В России уже в течение двадцати лет делается попытка вместить ее жизнеустройство в структуры либеральной экономики и государственности западного типа («вернуть в лоно цивилизации»).

Речь идет о радикальной смене общественного строя («ликвидация», а не реформирование). В основу нового общества предлагается положить конкуренцию, а не сотрудничество — то есть, имеется в виду вовсе не «социализм с человеческим лицом», не «конвергенция» и даже не социал-демократия шведского типа, а именно «дикий капитализм» (как пишут либеральные философы, «палеолиберализм»). Меры по смягчению его дикости, предпринятые после 2000 г. с помощью нефтедолларов, свертываются вследствие нового витка кризиса с конца 2008 г.

Проект этот по глубине несопоставим с революцией Октября 1917 года. В Советской революции претензии ограничивались изменением социально-экономического уклада и идеологии. Сейчас речь идет о смене *типа цивилизации*. Авторы доктрины реформ российского хозяйства и государственные политики, которые руководили реализацией этой доктрины, превратили реформу в операцию цивилизационной войны против России. «Целились в коммунизм, а стреляли в Россию» — иначе никак не получалось. Под обстрелом оказались все сферы советского жизнеустройства — они же были и устоями российской цивилизации, достроенными в советское время. По мере иссякания запаса жизненных сил изуродованных советских структур нарастает тяжесть травм, полученных цивилизацией *исторической* России.

Здесь рассмотрим некоторых ударов, нанесенных в этой цивилизационной войне.

Приватизация промышленности — удар по основаниям цивилизации

Хозяйственная деятельность — один из главных механизмов, собирающих людей и их малые общности в народ (нацию). Под видимыми хозяйственными укладами, приемами и нормами лежат мировоззренческие и нравственные основания, корнями уходящие в религиозные представления о мире и человеке.

Хозяйство имеет национальный (даже этнический) и цивилизационный характер. Будучи порождением национальной культуры или самобытной цивилизации, оно, в свою очередь, выполняет важнейшую роль в их *воспроизводстве*. Здесь мы рассмотрим именно эту сторону дела, оставляя в тени экономические результаты. Реформаторы в лучшем случае игнорировали национальный и цивилизационный аспект, ограничивая смысл реформы чисто экономическими показателями, но иногда открыто говорили о намерении изменить тип цивилизации России.

Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет — почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада — недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5% населения Земли, потребляют 40% минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)» [23].

Мысль о том, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу, также исходила из того, что само экономическое мышление российских аборигенов никуда не годится. А.Н. Яковлев сразу поставил вопрос жестко: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» [15].

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран. Было хорошо известно, что эта жесткая программа разрушала национальные экономики. Пытаться с ее помощью построить в России рыночную экономику было неразумно (если только эта программа не служила ширмой для других целей).⁶⁸

После ухода Ельцина дискурс власти стал более мягким и оппортунистическим, но и внутренне противоречивым. В программной статье В.В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., были сделаны два главных утверждения:

— «Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество... Альтернативы ему нет».

— «Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления».

Но обе эти мысли взаимно исключают друг друга! К тому же первое утверждение неверно фактически — «третий мир», то есть 80% человечества, в принципе не может повторить путь Запада. Все человечество никак не может идти одним и тем же магистральным путем, эта универалистская утопия Просвещения была исчерпана уже в XIX веке.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в *ядро* мировой капиталистической системы (метрополию), либо в *периферию*, в число

“придатков”. Никакой “независимой рыночной России”, не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные “центр — периферия”. Перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: “Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное “ядро” и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии” [24].

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представляющее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор — демонтировать то народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

Но даже и такой выбор можно было осуществлять более или менее радикально, с большими или меньшими травмами. Как мы помним, был выбран самый радикальный вариант — *шоковой терапии*. В 1992-1993 гг. была проведена массовая приватизация промышленных предприятий России. До этого они находились в общенародной собственности, распорядителем которой было государство.

Эта приватизация является самой крупной в истории человечества акцией по **экспроприации** — насильственному изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому. При этом общественного диалога не было, власть не спрашивала согласия собственника на приватизацию.

По своим масштабам и последствиям эта приватизация не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией — **национализацией** промышленности в 1918 г. Тогда большая часть промышленного капитала в России (в ряде главных отраслей весь капитал) принадлежала иностранным фирмам. Много крупнейших заводов и раньше были казенными. Поэтому национализация непосредственно коснулась очень небольшой части буржуазии, которая к тому же была в России очень немногочисленной. Национализация в 1918 г. началась как “*стихийная*”, снизу. Она была глубинным движением, своими корнями оно уходило в “общинный крестьянский коммунизм” и было тесно связано с движением за национализацию земли.⁶⁹

Совершенно иной характер носила экспроприация промышленности в 90-е годы XX века. Теперь небольшой группе «частных собственников» была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как *единая государственная система*. Это был производственный организм совершенно нового типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Он представлял собой важное основание российской цивилизации индустриальной эпохи XX века — в формах СССР.

В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы и сейчас еще не можем полностью осознать. Система пока что сохраняет, в искаленном виде, многие свои черты. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Невозможно было избежать объяснения, и через десять лет после приватизации В.В. Путин говорит в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г.: «У меня, конечно, по этому поводу есть свое собственное мнение: ведь когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле — так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Первый тезис нелогичен. «Народ» у телевизоров ожидал услышать «собственное мнение» Президента о результатах приватизации, а не о том, «из чего исходили»

приватизаторы команды Ельцина. Они, в лучшем случае, исходили из ничем не обоснованного предположения — и ошиблись! Признает ли Президент эту ошибку или нет — вот в чем был вопрос.

Второе утверждение также не соответствует предмету разговора. Речь шла не о том, что происходит «везде в мире», а о том, как «частные собственники» управились с хозяйством именно в России.

К тому же второй тезис просто неверен. Нигде в мире частный собственник не является *более эффективным, чем государство*. Эффективность частного предпринимателя и государства *несоизмеримы*, поскольку они оцениваются по разным критериям. Разные у них цели. У частника критерий эффективности — прибыль, а у государства — жизнеспособность целого (страны).

Сравнивать эффективность частных и государственных предприятий по прибыльности в принципе неверно и потому, что в рыночной экономике государственные предприятия создаются именно в *неприбыльных* отраслях, из которых уходит капитал.⁷⁰

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет.

Допустив воров к экономической власти, номенклатура не только отдала хозяйство на поток и разграбление, но и навязала стране хищных и темных законодателей в культуре, нравственности, даже в обыденных привычках и языке. Агрессивный «новый собственник», полный комплексов и презирающий все светлое и высокое, наступил своим лакированным башмаком на российскую школу, литературу, спорт, на юношеские мечты нового поколения.

Государство отдало *цивилизацию* на разграбление *варварам*.

Вот заключение криминалистов о результатах приватизации в этом аспекте (по состоянию на начало десятилетия XXI века): «В криминальные отношения в настоящее время вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70-80% приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10-20% от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий... По некоторым данным, примерно 30% состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организованной преступности» [26].

Молодой аспирант-биохимик Каха Бендукидзе «скупил ваучеры» и приобрел «Уралмаш». Сам он говорит в интервью газете «Файнэншл Таймс» от 15 июля 1995 г.: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить «Уралмаш» оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости» [27].

Заплатив (кому, интересно?) за «Уралмаш» 1 миллион долларов, Бендукидзе получил в 1995 г. 30 млн. долл. чистой прибыли. При этом практически угробив замечательный «завод заводов». Регресс в технологии и организации труда произошел такой, что не только в «наш общий европейский дом» войти России не светило, а и Бразилия стала недостижимой мечтой.

Вот самая богатая, не имевшая проблем со сбытом отрасль — нефтедобыча. В 1988 г. на одного работника здесь приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 1998 г. — 1,05 тыс. т. Падение производительности в 4 раза! В электроэнергетике то же самое — производительность упала в два раза, ниже уровня 1970 г. В 1990 г. на одного работника приходилось 1,99 млн. кВт-час отпущенной электроэнергии, а в 2000 г. 0,96 млн. кВт-час.

Как уже говорилось, любой хозяйственный уклад имеет под собой определенную *мировоззренческую* основу. Радикальная приватизация советской промышленности якобы с целью получить индустриальную систему западного образца означала внедрение, силой

государственной власти, совершенно новых отношений в социальную и культурную ткань населяющих Россию народов.

Между тем, капиталистическая экономика западного типа базируется на специфической культурной основе, во многих смыслах несовместимой с культурой России. Об этом было говорено и переговорено. «Дух капитализма» западного типа имеет специфические религиозные корни (протестантизм), определенную картину мира, определенный тип рациональности и мышления (механицизм и европейская наука), определенную этику. И все это в одинаковой мере важно и для предпринимателей, и для рабочих.

В Концепции закона о приватизации (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются такие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Замечательна сама фразеология этого *официального* документа. Большинство (!) соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев» (*трудящиеся* — иждивенцы, какая бессмыслица). Рабочие — люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Эти выражения свидетельствуют о том, что влиятельная часть либеральной интеллигенции впала в тот момент в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Такой антирабочей фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной демократической страны, даже в прессе подобные выражения вызвали бы скандал — а у нас применяли их в законопроектах.

В программу приватизации входила не только идеологическая кампания по созданию образа врага в виде государственной собственности, но и подготовка трудящихся к *безработице*. Было хорошо известно, что приватизация вызовет обвальную безработицу (в прогнозах ее масштабы даже преувеличивались по сравнению с тем, что потом имело место в действительности).

Проблемы *труда* и *безработицы* находятся в центральной зоне мировоззренческой матрицы, они по-разному ставятся в разных культурах и цивилизациях. В России право на труд издавна считалось одной из высших ценностей (поэтому поземельная община была *передельной* — надел выделялся каждому ребенку). Создание реального всеобщего права на труд было большим цивилизационным достижением Советского Союза, которое оказало большое влияние на социальную обстановку всех промышленных стран, в том числе Запада. Поэтому при подготовке приватизации реформаторам пришлось пойти на обман национального масштаба.

Сразу в дело вступила тяжелая артиллерия. Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д. Думаю, что это пока относится к разряду неподкрепленных предположений... Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 миллионов человек, которым сулят безработицу... И вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [29, с. 170].

А.Н. Яковлев *лгал*, потому что в мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д.» — уже были сделаны и опубликованы расчеты, которых он просто не мог не знать.

А утверждение, будто безработицы при рынке быть не может потому, что «вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся», надо расценивать как издевательство над слушателями и читателями. А.Н. Яковлев долго работал за границей, потом был директором Института мировой экономики и международных

отношений АН СССР и знал, как обстоят дела с безработицей при рыночной экономике.

В том же 1990 г. председатель Госкомтруда СССР (!) и будущий вице-премьер СССР В.И. Щербаков пишет в книге, изданной массовым тиражом: «Что касается социальной защищенности советского человека, ныне она, представьте, настолько высока, что люди перестали реагировать на социальную обстановку. Существенно изменить ситуацию могло бы более заметное воздействие на экономику рыночных факторов» [30].

Можно ли себе представить, чтобы председатель *Госкомитета по труду* в здравом уме сетовал на то, что в стране высок уровень социальной защищенности трудящихся? Это — признак распада всех устойчивых интеллектуальных конструкций, мыслительный и нравственный хаос.

В журнале Академии наук СССР “Социологические исследования” печатались статьи с заголовками такого рода: “Оптимальный уровень безработицы в СССР” [13]. Оптимальный! Наилучший! Что же считал “оптимальным” для нашего народа социолог из Академии наук СССР? Вот его идеал: “Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию” (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 году).

Поскольку речь идет об СССР с его 150 млн. работников, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что “наименее болезненным” этот гуманитарий считал выкинуть со шлюпки 20 миллионов человек. Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство глубокой деградации элиты гуманитарной интеллигенции. А ведь А.А. Давыдов — доктор философских наук, эксперт Аналитического управления Администрации Президента РФ; профессор МГИМО МИД РФ; действительный член Нью-Йоркской Академии наук.⁷¹ Такие поводыри — *угроза для России* .

В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям.⁷² Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Создание массовой безработицы в России, которая уже полвека как преодолела эту социальную болезнь, было тяжелым ударом по основаниям нашей цивилизации. До сих пор никакой рефлексии относительно этого шага во властной верхушке России нет, и никаких шагов к исправлению положения не делается.

Аграрная реформа

Реформа в целом привела к глубокой культурной травме народа и длительному кризису. Для залечивания этой травмы и выхода из кризиса полезно вспомнить и спокойно обсудить те доктрины, которыми в 90-е годы правящее меньшинство обосновывало конкретные изменения. Ведь если дело пошло не так, как обещали реформаторы, то надо обдумать проблему заново. Ошибочные убеждения из кризиса вылезти не позволят и воссоединить народ не дадут.

Едва ли не главным *институциональным* изменением в нашей жизни стало превращение в *товар* земли сельскохозяйственного назначения — введение частной собственности на такую землю и разрешение ее купли-продажи. До этого земля в России находилась или в феодальной собственности помещиков (то есть была наделом, данным дворянину на кормление) или в собственности крестьянской общины (она давала наделы своим членам). В советское время земля была национализирована и в основном передана колхозам в пользование (думали, что вечное).

Такого рода кардинальное изменение, конечно, требовало обширного и гласного

обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя — любое сомнение делало тебя «врагом перестройки» и ты лишался слова. Даже в научных учреждениях, обязанных беспристрастно оценивать альтернативы стратегических решений.

И все же несколько ученых тогда указали, в коротких репликах, на известный факт: во всех развитых странах два вида деятельности выведены из сферы рыночных отношений — сельское хозяйство и наука. Это два вида труда, которые обеспечивают страну «хлебом земным» (пищей) и «хлебом духовным» (знанием).

Даже самая промышленно развитая страна не может обойтись без своего сельского хозяйства, которое производило бы достаточный минимум продовольствия — это вопрос не экономики, а государственной безопасности.

Аграрная реформа в конце 80-х годов задумывалась как битва в войне цивилизаций. А.Н. Яковлев, как архитектор перестройки, поставил задачу так: «Разрушить большевистскую общину — колхоз... Здесь не может быть компромисса, имея в виду, что колхозно-совхозный агроГУЛАГ крепок, люмпенизирован беспредельно. Деколлективизацию необходимо вести законно, но жестко».

Доводы реформаторов за то, чтобы «разрушать, без компромисса», были очень скудными. Но власть реформаторов была тотальной, народ ошарашен приватизацией промышленности и внезапным обеднением — смены земельных отношений почти не заметили.

О теневых целях гадать не будем, а гласные доводы за куплю-продажу земли сводились к двум предсказаниям:

— Если землю разделить на пай, то сильные хозяева ее скупят у слабых и ленивых, и в России возникнет, как на Западе, класс фермеров, которые будут вести очень эффективное хозяйство и накормят народ.

— Если фермер будет иметь землю в частной собственности, то он сможет заложить ее в банке и получить кредит, на который купит машины, скот, компьютер — и все прочее, чтобы вести очень эффективное хозяйство и т.д.

Других доводов не было, искать по документам, книгам и речам бесполезно. Что же мы имеем сегодня? О том, насколько эффективным оказалось хозяйство наших фермеров, надо говорить особо. Посмотрим сначала, как пошла купля-продажа земли, как оправдалось первое предвидение авторов реформы.

Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Губернатор Аяцков добился такого права еще в начале 90-х годов. Казалось бы, итоги его должны быть подведены и изучены. Здесь-то и следовало бы взять пример с реформы Столыпина. Это был вариант модернизации сельского хозяйства без ломки сословного общества, попытка очень важная и смелая.

Консерваторы предупреждали Столыпина, что если она не удастся, то Россию ждет революция. Реформа не удалась, но дала ценнейший опыт. Столыпин заслужил глубокое уважение уже тем, что этот опыт был во всей полноте представлен обществу — все следили за реформой и на ней учились.

В ходе реформы двумя независимыми организациями — МВД и Вольным экономическим обществом — велся непрерывный мониторинг рынка земли, социальных характеристик продавцов и покупателей, способ и эффективность использования купленных участков. Данные регулярно публиковались. В России тогда шел тот «каждодневный плебисцит», в котором и складывается нация.

Напротив, о результатах пятнадцатилетнего опыта Саратовской области практически ничего не известно. Есть отрывочные данные. Вот сообщение из области: за три года действия закона «О земле» проведено 332 земельных аукциона, на которых продано участков на сумму около 13 млн. рублей. За три года продать чернозема на сумму, чтобы олигарху средней руки недельку провести в борделях Куршевеля.

В 2000 г. в собственности юридических лиц находилось 6% земли. Значит, сельскохозяйственные предприятия и мало-мальски крупные фермеры (все те, кто

оформлены как юридические лица), не стали основными собственниками земли.

Саратовская область — зерновая. Как там частная собственность повысила эффективность хозяйства? Заметных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток за 1976-1990 годы сбор зерна в области за три пятилетки 1991-2005 годы снизился в той же пропорции, что и в других регионах.

Но это не главное. Главное — частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупают спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут откровенно. Вот недавняя справка Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду. Одновременно с этим, все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

Какова общая картина с куплей-продажей земли? В 2005 году Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости опубликовало «Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации». Здесь даны такие сведения: «Из 401 млн. га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн. га или более 30% от всех таких земель. Остальные 275 млн. га (около 70%) находятся в государственной и муниципальной собственности».

Из 121 млн. га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн. га (93% от 121 млн. га) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн. га (24%) — это невостребованные земельные доли».

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93% земли граждан — полученные от колхозов пай, а у юридических лиц земли всего 5 млн. га, то есть чуть больше 1%. При этом разгром колхозов и совхозов привел к сокращению посевных площадей на треть (на 42,5 млн. га).

Какова же динамика рынка земли? Читаем в том же докладе: «Каждый год сельскохозяйственные предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства в небольших размерах покупают государственную и муниципальную землю сельскохозяйственного назначения. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти земель вне населенных пунктов на площади свыше 8 тыс. га».

Каждый может посчитать, какую долю составят 8 тыс. га от 275 млн. га предложенной на рынок государственной земли — **менее одной трехтысячной доли процента**. Зачем покупают такие угодья? Чтобы за взятки перевести их в разряд земель под строительство, что и подтверждается в документе. И предприятия, и фермеры предпочитают не связываться с частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн. га — все-таки существенная величина).

Когда принимали закон о свободной купле-продаже земли, говорили о чудодейственной силе ипотеки — кредитов под залог земли. В.В. Путин сказал: «В 2006-2007 годах должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, позволяющая привлекать средства на длительный срок и под приемлемые проценты под залог земельных участков».

Срок истек — каков результат? Молчание. Кто даст «средства на длительный срок и под приемлемые проценты», если заемщики и так уже находятся в неоплатном долгу? Ведь такой кредитор сразу разорится.

Вот реальность: в 2000 г. размер долгосрочного кредитования сельского хозяйства РФ составил (в сопоставимых ценах) 1,3% от уровня 80-х годов. А ведь кредит — это именно рыночный инструмент финансирования. Вот тебе и «рыночная» реформа — она лишила сельское хозяйство рыночных методов, которые существовали даже при плановой системе. Это надо уметь!

На данный момент положение таково. В январе 2009 г. состоялось совещание по совершенствованию законодательства в отношении земель сельскохозяйственного

назначения. Первый вице-премьер В.А. Зубков заявил: «Активного движения эффективных собственников на земли сельхозназначения пока не видно». По его данным, к началу 2009 года из 12 миллионов дольщиков только 400 тысяч (3%) оформили свою землю в собственность.

Среди проблем, мешающих «появлению реального собственника сельскохозяйственных земель», Зубков выделил «высокую стоимость и длительный характер работ по выделению земельных участков из общей долевой собственности». Первый вице-премьер обошел более существенный фактор — явное нежелание 97% бывших колхозников превращать *неделимый фонд* земли в кусочки частной собственности.

Но даже и разрешить проблемы оформления участков становится для правительства непосильной задачей. Вот что необходимо для их решения: «определить достоверный перечень участников долевой собственности, установить понятный, исполнимый для людей порядок выдела невостребованных долей,... сделать прозрачными процедуры принятия решений по земле государственными и муниципальными органами, упростить процесс оформления документов,... ввести в оборот брошенные и скупленные для других целей плодородные земли, уточнить цели использования земель сельхозназначения...».

Судя по тому, что даже в оформлении дачных участков («дачная амнистия») власть не смогла «установить понятный, исполнимый для людей порядок» и превратила доброе дело в социальное бедствие, превращать сельских жителей России в «реальных земельных собственников» она не собирается. Может быть, наготове другие, более «реальные» собственники, для которых и не нужны «прозрачные процедуры»? [31]

Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 17 лет реформ: институт *купи-продажи земли*, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого раскола в обществе, в России не действует. Значит, надо это признать и договориться, каким образом не допустить скупки земли спекулянтами, за спиной которых маячит преступный международный капитал. Как пишут западные эксперты-криминалисты, земли России считаются самым надежным местом для отмывания денег.

И заметьте — ни в одном «телефонном разговоре с народом» никто ни разу не задал Президенту вопроса о земле. О дачных шести сотках спрашивали, а о 130 миллионах гектаров пашни — никто. Отсеивают эти вопросы помощники Президента? Люди перестали интересоваться судьбой земли? И то, и другое — признак глубокого кризиса.

Как же устроились в рыночной России фермеры? Когда уничтожали колхозы и совхозы, людей убеждали, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут *фермерские* хозяйства. Их пропагандой занимались поэты и эстрадные певцы, интеллектуалы широкого диапазона — от Новодворской до члена Политбюро КПСС Яковлева. Ссылки были и на Столыпина, и на мудрых американцев. Но мы возьмем только главный лозунг, который вдохновил часть горожан: «Фермер накормит Россию!»

Что же мы имеем на сегодня, через 17 лет «фермеризации всей страны»?

В 2006 г. число фермерских хозяйств составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий — 21,6 млн. га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн. га. Это около 15% всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5% всей сельскохозяйственной продукции России. У них сильно отстает трудоемкая часть сельского хозяйства — животноводство. Здесь они дают только 3,3% от общего производства.

Таким образом, пока что, через 17 лет фермеризации, фермеры дают на стол россиянам очень небольшую долю продуктов, а пашню используют гораздо хуже, чем полузадушенные колхозы. Следовало бы правительству как-то по этому поводу объясниться с народом, чью землю приватизировали реформаторы.

Каковы же перспективы фермеров в нынешней системе хозяйства? Очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи, в 2006 году из имеющихся в России фермерских хозяйств *сельскохозяйственную деятельность* осуществляли только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относились к категории «прекративших сельскохозяйственную

деятельность ». Еще 21,4 тыс. хозяйств считались «приостановившими сельскохозяйственную деятельность ». Выходит, половина фермеров, получив землю, сами на ней хозяйства не ведут! Зачем же было отнимать землю у колхозов? Объясните нам, господа премьеры и президенты!

Почему же фермеры прекратили пахать и сеять? В чем дело? В том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным предприятием без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в столыпинской реформе, и мудрыми американцами. А обещанных дотаций фермерам не дали и, судя по всему, не дадут — 17 лет достаточный срок, чтобы в этом убедиться.

Когда проводилась кампания “фермеризации” российского села, были даны обещания, что тем гражданам, которые выйдут из колхозов и совхозов и заведут собственное хозяйство, будет оказана государственная поддержка. В конце 90-х годов исследование показало, что около 80% фермеров такой помощи не получили. Они работали себе в убыток, с огромной самоэксплуатацией. Сейчас, с ростом цен на зерно, финансовое положение фермеров немного улучшается, но в целом это не меняет дела.

В результате к 2006 г. 50,6% всей земельной площади занимали фермерские хозяйства, владеющие более чем 1000 га земли. Таковых было 4466 хозяйств — **на всю Россию**. Среди них выделялись 101 хозяйство, владевшие более 10 тыс. га каждое (в среднем по 56 тыс. га). Это российские латифундисты, уклад «третьего мира». Возник и слой малоземельных и, как ни странно это звучит, безземельных фермеров. Из всех фермерских хозяйств в 2006 г. 17,4% вообще не имело земельных участков, и еще 20,5% имели участки в среднем по 1,7 га.

Для нашей темы важен тот факт, что российские фермерские хозяйства не приобрели образа капиталистической фермы, поэтому к их названию и добавилось определение “крестьянские”. Выходит, «новая столыпинская реформа» опять провалилась.

Хозяйства эти, в основном, являются **семейными**. По сути дела, речь идет о трудовых крестьянских хозяйствах с очень малой долей наемного труда. Согласно изучению 187,6 тыс. хозяйств, в 1999 г. всего в них было занято 235,8 тыс. наемных работников (в среднем 1,3 работника на одно хозяйство), причем в среднем один работник за год отработал только **43,9 человеко-дня**. Реально, речь шла не о сельскохозяйственных рабочих, а о батраках-сезонниках. Затраты на оплату труда с социальными отчислениями составляли в структуре расходов фермерских хозяйств всего 10%.

Дальше дело не улучшилось. В 2006 году общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем **по одному работнику на 3 фермерских хозяйства**. Остальные — поденщики или сезонники. Таким образом, после 1999 года фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими». Тогда ради чего крушили имевшиеся развитые хозяйства?

Те фермы, которые ведут сельское хозяйство, имеют **руководителей**, их 146 тысяч. Это — отечественная сельская элита, фермерством занялась верхушка колхозно-совхозной деревни. Из этого числа руководителей 86 тыс. проработали в сельском хозяйстве более 20 лет. Мало того, это самый образованный состав сельского населения России — 34,2 тыс. (23%) руководителей имеют высшее профессиональное образование. Это агрономы, инженеры, зоотехники. Еще 4,8 тыс. имеют незаконченное высшее образование, а 46,6 тыс. (32%) — среднее специальное.

Изъятие из сельскохозяйственных предприятий такого числа опытных и высокообразованных специалистов и превращение их в мелких хозяев на клочке земли — колоссальный удар по отечественной экономике и по российской деревне. Какой регресс! Это наша национальная беда, которую мы не поняли и к которой остались равнодушны.

Конечно, к старым колхозам не вернуться, но ошибку надо исправлять, искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно модернизировать их. Это — национальная проблема народа России, и уже ее обсуждение послужит его сплочению.

Мы говорим о купле-продаже земли и фермеризации потому, что эта программа представляла собой попытку радикальной цивилизационной трансформации России. А что произошло с сельским хозяйством как сферой экономики?

В 90-е годы была разрушена колхозно-совхозная система, выстроенная в советское время с опорой на традиционный образ жизни сельского населения России (деревнями и поземельными общинами) и исходя из необходимости модернизации сельского производства.

Эта операция привела к тяжелому кризису, и он так безысходен, что практически ни политики, ни ученые-экономисты, ни СМИ ничего и не говорят о фермерах и вообще о жизни села.

Образ российской деревни в общественном сознании стал бестелесным и внесоциальным. Иногда на экране появляется Министр сельского хозяйства, иногда картинки хлебосольного деревенского быта или чернуха с покосившейся избушкой и пьяненьким стариком-селянином.

В 2005 г. положение на тот момент было зафиксировано на конференции сельскохозяйственных производителей России, которая состоялась в Москве [39]. Выступали и чиновники правительства, и президенты союзов, и директора крупных объединений. Речь шла о том, что экономическая система «настроена» так, что сельское хозяйство России удушается, а иностранному капиталу создаются столь льготные условия, что российский производитель конкурировать с ним не в состоянии.

Представители правительства в ответ не могли сказать ничего внятного, отделяваясь риторическими вопросами. Вот, важный чиновник (Н.Т. Сорокин) объясняет, почему село не покупает технику: «Сельхозпроизводитель сегодня продает молоко за 5 рублей — это закупочная цена. Переработчик продает молоко за 22-26 рублей. Вопрос в следующем: почему мы даем производителю минимальную стоимость, а переработчик получает 350-400%? Какие механизмы должны регулировать этот вопрос?»

Но все это залу было прекрасно известно! Чиновник задает вопросы, хотя именно он и должен был на них *ответить*. Гендиректор концерна «Тракторные заводы» Э.А. Маховиков называет причины: «Если при Советском Союзе на сельское хозяйство выделяли 26% бюджета, то сейчас 1%... Износ парка техники 80%, а поступление техники 2-3%. Крестьянину тяжело приобрести трактор, сегодня он не в состоянии купить даже солярку к нему. И ему не решить эту проблему в одиночку, а государственной поддержки в настоящее время практически нет».

Если взять суть, то он сказал: кризис вызван тем, что уничтожили крупные предприятия (колхозы и совхозы) и при этом государство лишило село поддержки.

Изменилась ли за последующие годы политика государства в отношении обеих этих причин? Нет, существенно не изменилась. Собираются ли ее менять в ближайшем будущем? Неизвестно, никаких заявлений на этот счет не было и нет.

Замминистра сельского хозяйства С.Г. Митин поднял на той конференции другой актуальный вопрос: «Ситуация такова, что сельское хозяйство не может дальше развиваться в условиях открытости рынка, в условиях глобализации, в условиях мирового разделения труда».

И это всем участникам было известно: вступление в ВТО нанесет селу смертельный удар. В Решениях конференции сказано: «Недопустимо, чтобы Россия отказалась от реальных ценностей — развитого сельского хозяйства и сельхозмашиностроения — ради членства в ВТО».

Но если так, зачем же Правительство России и лично министр Гордеев с таким энтузиазмом тащили нас в ВТО? Как может действовать государство, если министр говорит одно, а его заместитель — совершенно противоположное? Руководители-практики, а не политики из оппозиции, сообщали с удивлением, что на все их обращения в правительство с вопросом о том, что станет с сельским хозяйством России после вступления в ВТО, им просто ничего не отвечают — даже при личных доверительных беседах.

Ну как при таком отношении власть может ждать от населения гражданского сознания? В таких условиях оно вырабатывается лишь в *оппозиции к власти*. Что в Кремле об этом думают?

Кардинального перелома в сельском хозяйстве за последние годы не произошло, но Президент говорит, что отрасль уже работает успешно. Он даже назвал ее «инвестиционно привлекательной».

Это утверждение порождает вопросы. В конце 2005 года положение было таково: общая рентабельность всей хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий составила 8%, а доход собственно от сельского хозяйства гораздо меньше. В 40 регионах России деятельность предприятий убыточна, а в целом по России доля убыточных предприятий составила 40%. Где тут «экономический успех»?

Кредиторская задолженность отрасли «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» составила к концу 2005 г. 190 млрд. руб. и превышала дебиторскую задолженность на 109 млрд. руб. Между тем вся прибыль (сальдированный результат, то есть прибыль минус убыток) организаций отрасли составила в 2005 г. 27,5 млрд. руб.

Как можно считать «инвестиционно привлекательной» отрасль, в которой долги в 4 раза превышают всю годовую прибыль? Реформа эту отрасль разорила и столкнула в глубочайшую яму. Ее надо сначала из этой ямы вытащить, а потом говорить инвесторам о ее привлекательности.

Фактически, «инвестиционная привлекательность» сельского хозяйства относительно очень низка, а величина инвестиций просто ничтожна.

При этом власть утверждает, что дела идут *успешно* — вот что страшно. В.В. Путин сказал: «Нам уже удалось добиться значительных успехов в производстве зерна. Из импортера Россия стала его экспортером».

Причем здесь экспорт, как он может характеризовать производство? «Недоедим, а вывезем», — лозунг министра финансов Российской империи. Мы к нему возвращаемся? В каком смысле надо понимать слова об «успехах в производстве зерна»?

Раньше в РСФСР производили по 120 млн. т зерна в год, а теперь по 70-80 (в 2004-2006 годах по 78 млн. т)? Урожай менее 100 млн. т зерна в год в последние 20 лет до реформы был редкостью. В 1986 г., когда началась антиколхозная кампания, в РСФСР произвели 118 млн. зерна. Даже *в среднем* за пятилетку 1986-1990 гг. зерна собирали 104,3 млн. т в год.

Нормально на душу населения в стране надо иметь 1 тонну зерна в год — тогда хватает и на хлеб людям, и на комбикорм скотине, дающей молоко и мясо. В Российской Федерации сейчас производят чуть более 500 кг на душу — и вывозят зерно. В каком смысле мы должны считать это успехом? Власть мыслит какими-то неведомыми понятиями, и это опасно для государства.

Вплоть до создания колхозов и совхозов российское село не имело запаса прочности, чтобы перейти к травопольным севооборотам и резко повысить урожайность. Сделали это — и по главным показателям (с учетом биологической продуктивности почв) вышли на уровень развитых стран.

Нынешняя система с советской равняться не может — при тех же почвах и тех же людях. Так надо же разобраться, что мешает, и как-то решать вопрос, но уж не хвастаться успехами, это *неразумно*. Может быть, российская власть видит какие-то выгоды от ликвидации весьма эффективного сельского хозяйства, скрытые от наших глаз. Так пусть об этом скажет. Вопрос висит в воздухе, и надо на него отвечать.

Результат аграрной политики 90-х годов — глубокий спад производства и технологический регресс. Вот надежный показатель — потребление электроэнергии в сельском хозяйстве на производственные цели. С начала реформы оно снизилось в России **в 4,2 раза**. Урон, который несет страна от этого регресса, вообще не измерить деньгами — большая сфера хозяйства выпадает из цивилизации.

Вот срочный пункт национальной повестки дня: надо ясно отмежеваться от аграрной политики времен ельцинизма и выработать новую доктрину, основанную не на либеральной

утопии, а на здравом смысле и трезвом расчете.

Реформа — опыт искусственного создания массовой бедности. Начнем с замысла реформы. Вот уже 18 лет правительства президента Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а теперь Д.А. Медведева проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима *нигде в мире*, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большей части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают — они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать *конкуренции* статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь. Пресса сообщала, не без сарказма: «Накануне выборов Президента РФ (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина — придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Очевидно, что совместная деятельность и жизнь людей могут быть организованы без купли-продажи и конкуренции — об этом писал уже Гоббс. Существуют разные способы предоставления и материальных ценностей, и труда (дарение, кормление, взаимопомощь, совместная работа, прямой продуктообмен и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых блага и усилия *складываются*, а не *обмениваются* — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

Подавление таких форм вызвало социальную катастрофу. Развивается она не слишком быстро в силу огромной прочности созданных в советское время систем жизнеобеспечения и устойчивости культуры людей, воспитанных русской литературой и советской школой. Однако на ряде направлений уже слышны тяжелые шаги Каменного гостя — приближение срывов и отказов больших систем.

Известно, что в СССР организацию ряда важнейших систем жизнеобеспечения взяло на себя государство (пример — ЖКХ). Блага, «производимые» этими системами, распределялись уравнилельно — бесплатно или за небольшую плату. В этом заключался *патернализм*. В отношении доступа к базовым благам советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняло государство. Реформаторы, следуя догмам неолиберализма, напротив, не признавали иного основания для права на жизнь, кроме платежеспособного спроса. Коррекция жестокой действительности допускается как социальная помощь «слабым». Е. Гайдар рассуждал так: «Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи» [32].

Это противоречило фундаментальным свойствам «объекта реформирования». И антропология культуры России, несущая на себе отпечаток крестьянского общинного коммунизма, и русская православная философия исходили из представления, что бедность есть порождение несправедливости и потому она — *зло*. Надо особо подчеркнуть, что понимание бедности как зла, несправедливости, которую можно временно терпеть, но нельзя принимать как норму жизни, вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого взгляда на бедность.

Вот выдержка из старого дореволюционного российского *учебника* по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе

составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы... За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование... Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование... Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собраты гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности” [33].

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе — именно как право, а не *милость*. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

Послание Президента 2000 года гласит: «У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства». В чем же *избыточность* социальных обязательств в России? Относительно чего они избыточны? Мусорные баки в Москве по несколько раз в день перебираются людьми, еще недавно принадлежавшими к «среднему классу». Число этих людей таково, что они составляют *социальную группу*. Но ведь они — только видимый кончик проблемы.

В том же году, что и Послание, вышел Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000). В нем сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

И при этом президент считает социальные обязательства государства *избыточными* и призывает их сокращать!

Возьмем крайнее явление. В результате реформ в России к 1996 г. образовалось «социальное дно», составляющее около 10% городского населения или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Отверженные выброшены из общества с поразительной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *близкими*.

А как же социальные обязательства государства? Так, этим людям де факто отказано в праве на медицинскую помощь. Они не имеют полиса, поскольку не зарегистрированы по месту жительства. Ну и что? Лечите их просто как людей, а не квартиросъемщиков. Это их конституционное право, записанное в ст. 41 Конституции РФ. При этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70% беспризорников — дети граждан России и сами будущие граждане.

Где в приоритетном Национальном проекте в области медицины раздел о лечении этих детей? Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства — но именно этих простых вещей им не дает нынешнее государство.

Половина бездомных — бывшие заключенные и беженцы. Что им делать? Они

нарушают правила регистрации и уже поэтому выпадают из общества. В России около 3 млн. *бездомных*. Большинство их в прошлом были рабочими, но приватизация лишила их рабочих мест. Теперь среди бездомных наблюдается увеличение доли бывших служащих. 9% бездомных России имеют высшее образование. Государство гордится высоким образовательным уровнем своего населения!

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. Депутат Н.А. Нарочницкая сказала: «Мы должны из народонаселения стать нацией — единым организмом, в котором возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями». Вот вам частное разногласие: к концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальных гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. *официально учтенных* бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более 800 человек. Не успело в них возобладать ощущение общности.

И вот выводы социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования»: «Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство» [34].

Известно, что в доктрине реформ не было предусмотрено никаких мер для предотвращения крайне бедности и образования социального дна. Исследователи ВЦИОМ писали в 1995 г.: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи — преодоления крайних проявлений бедности» [36].

Можно предположить, что это было следствием «культурной бесчувственности» власти. Она игнорировала тот факт, что бедность и ее воздействие на общество — явления культуры. В разных цивилизациях они предстают по-разному. На Западе социальное дно сосуществует с благополучным большинством населения потому, что оно легитимировано социал-дарвинизмом, господствующим в сознании как благополучных, так и отверженных. Предполагать, что так же произойдет в России — ошибка, говорящая о том, что *власть неадекватна стране*.

В российском обществе бедность является *социальной болезнью*. Для ее лечения необходим рациональный подход — с установлением диагноза, выяснением причин иотягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

Крайнее обеднение массы сограждан в России, тем более работающих и с высоким уровнем образования, есть *святотатство*. Оно отравляет все общество. Социальное дно в России не может сосуществовать с благополучной частью, оно ее станет *пожирать*. Люди из «придонья» будут непрерывно опускаться на дно, а люди дна будут быстро и непрерывно умирать.

Об этом в сухих выражениях и говорят социологи: «В обществе действует эффективный

механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан» [35].

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество.

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого договора — отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от стравливания людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг — ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Государственный патернализм — цивилизационное измерение. Идеологи российских реформ принципиально отвергли государственный патернализм как одну из сторон социального порядка. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Прежде чем перейти к сути, отметим, что это утверждение нелогично.⁷³ Патернализм *всегда* экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (*father*) не кормит детей? Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, — а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм «*политически* нецелесообразен», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама *цель* государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «адресной помощи» даже в богатых странах удастся немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25% от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень *дороги* и требуют большой бюрократической волокиты — даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Поэтому, как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* оказывать помощь всем на уравнительной основе (например, через цены или дотации отраслям). Но еще более важна другая мысль Пальме: само оформление субсидии есть символический акт — на человека ставится *клеймо бедного*. Это — узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само усугубляет бедность и раскол общества. Напротив, всеобщий патернализм государства (например, общее бесплатное здравоохранение) соединяет общество связями «горизонтального товарищества» и значительно снижает противостояние по линии «бедные — богатые».

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество — государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например,

безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государства. Государственный патернализм — это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью.⁷⁴ В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции *ежедневно* получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном — с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнилельный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм *«политически нецелесообразен»!*

Наши реформаторы учатся у Запада *приватизации*, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям — или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других».⁷⁵ При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют *половину расходов населения на питание*. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов на питание. И это именно *политически целесообразно*.

Советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняло государство, в отношении доступа к *базовым* благам. Это осуществлялось посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования производства некоторых продуктов и услуг. В этом заключался советский *патернализм*, который изживаете уже двадцать лет. Изживаете вовсе не маленький винтик в социальном механизме, который можно оценить по критерию «затраты / эффективность». Устраняется один из важных признаков цивилизации вообще. А если говорить о России, то речь идет о ее специфическом признаке как цивилизации.

Приверженность патернализму советского типа характерна для всех народов, долгое время существовавших в российской цивилизации, — даже тех, которые были враждебны России и СССР (как, например, эстонцев и поляков). О поляках и других народах Восточной Европы можно прочитать в [41].

Об эстонцах (в сравнении с Россией) пишут авторы международного исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — в России и 86% — в Эстонии — что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» [42].

В ходе реформы в Эстонии дела шли относительно лучше, чем в двух других балтийских республиках, Латвии и Литве. Но ведь и в среде эстонцев оценка советской

системы в ходе реформы *в целом* улучшалась. Уходило в прошлое состояние политического возбуждения — и начинали действовать именно фундаментальные ценности. Вот результаты исследования, посвященного отношению народов бывших прибалтийских республик СССР к советскому жизнеустройству:

ОТНОШЕНИЕ ЛАТЫШЕЙ, ЛИТОВЦЕВ И ЭСТОНЦЕВ К СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЕ

Положительно оценили социалистическую экономику Положительно оценили советскую систему (в целом)

1993 1996 2000 1993 1996 2000

латыши 59 74 76 36 41 52

литовцы 75 76 83 46 43 56

эстонцы 53 48 44 32 22 48

Источник: Baltic Media investigaciones. Transition. Tartu University Press. 2002, p. 270 (цит. в [43]).

Это исследование показало, что латыши, литовцы и особенно эстонцы приспособились к новым экономическим условиям (хотя нынешнюю экономику в 2000 г. отрицательно оценивали 51 % латышей и 70% литовцев). Но оценка советской системы как целого выросла во всех этих республиках. Изменения в настроениях, которые последуют за интеграцией этих республик в Европейское сообщество, принципиально не меняют дела — это политическое решение Запада не касается подавляющего большинства бывших советских людей.

А.С. Панарин в своей последней книге делает принципиальный вывод: «Сегодня не может быть сомнений в том, что большинство людей, некогда составлявших советский народ, ни за что не отдало бы свою страну в обмен на тот строй и тот социальный статус, которые они в результате получили» [44, с. 111]. Зачем же власти противопоставлять себя этому большинству? Ведь созревание такого раскола — тяжелая цивилизационная угроза.

Она определяется вовсе не шкурными интересами большинства, она нацелена на мировоззренческую матрицу России как цивилизации. Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». В любой культуре есть священные (сакрализованные) ценности, наделение которыми не должно регулироваться рынком, — их распределяет государство как отец семьи.

Консерватор А. де Бенуа цитирует поэта Шарля Пеги: «Все унижение современного мира, все его обесценивание происходят из-за того, что современный мир признал возможным выставить на продажу те ценности, которые античный и христианский миры считали в принципе непродаемыми». Один из зачинателей институциональной политической экономии Ален Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно» [46].

Как же можно не понимать этой опасности в России? Но ведь не понимают! Или делают вид, что не понимают.

В.В. Путин, отвергая политику патернализма, приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит «раскрепостить его потенциал», есть *утопия*. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суэта убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.⁷⁶

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно

отдаться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности — и потенциал человека съезживается.

Очень показательна динамика заболеваемости социальной болезнью — туберкулезом — в Белоруссии в сравнении с Россией. Судя по ряду признаков, население Белоруссии в 80-е годы в меньшей степени поддалось антисоветской пропаганде, что позволило республике лучше подготовиться к радикальной рыночной реформе начала 90-х годов и не допустить «шоковой терапии». Став президентом, А.Г. Лукашенко, конечно, не мог быстро изменить весь социальный порядок, но он *декларировал* изменение вектора реформ, в частности, восстановление ряда принципов государственного патернализма. И это оказало на общество оздоравливающий эффект.

СССР был обществом, в котором ушли в прошлое страхи, порожденные экономическими и социальными причинами. Люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности — следствие государственного патернализма. Произошло «большое» разделение труда между человеком и государством, оно взяло на себя множество тягостных, суетных функций, создало для них специализированные структуры и считало это своей обязанностью. Это было цивилизационным достижением России (даже великим изобретением).

Жители нынешней РФ живут в атмосфере нарастающих страхов — перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх — перед преступным насилием.

Установка на искоренение патернализма — едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство... Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу... широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство» [47].

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться «не тащить их в наше будущее»). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл, чтобы отказаться от патернализма — «застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство».

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *изживенчество*. Это — поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ изживенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь — кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей *отлынивает!*

Дискурс власти неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России — к армии и школе, к промышленности и науке. Все это — творения народа, и им в России требуется

забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли — все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их *оскорбило*. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать Правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации» [48].

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых — критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения *критически важных для страны* задач. Но именно такие коллективы обычно неспособны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть *главой семьи*.⁷⁷

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине «Вашингтонского консенсуса», сказано: «Мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим — *даже в решении экономических проблем*. А сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости — короче говоря, которая не является *в то же время* моральной общностью» [50].

Уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику». Это — фундаментальная угроза для России.

Малые города России. Это — особая социальная и культурная ниша, особый хозяйственный уклад, особый тип жизненных планов. Скажем о той особой роли, которую играют малые города в нашей народной судьбе, в судьбе цивилизации.

Россия издавна расселилась в трех пространствах — пространстве деревни, малых и средних городов, больших городов. В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч проживают в России 32 млн. человек, в городах с населением от 100 до 500 тысяч — 29 миллионов. Это около 42% населения. Как опирается Россия на малые и средние города и что с ними происходит сегодня?

Очевидной чертой их «ландшафта» является близость к *деревне* и тесная связь с сельским образом жизни. И в то же время это *город*, так что вся организация жизни людей следует нормам не деревни, а города. Отсюда и вытекает главный смысл малых городов — в их культурном пространстве соединяются крестьянское и городское мироощущение. Возникает особый мировоззренческий сплав — космическое чувство крестьянина тесно переплетено с присущими горожанину рациональностью и расчетливостью. И дело не в количественных пропорциях этих духовных свойств. Их взаимодействие в душе жителей малых городов достигает гармонии, при которой сами эти свойства меняются. Жители малых

городов — особый культурный тип.

Конечно, цивилизация устойчива, когда соединяет множество разных культурных типов, структурирующих общество по социальным группам, поколениям, национальностям и регионам. Но принадлежность к культуре малых городов — особый срез всей этой системы. Речь идет о культурном типе, который стал одним из главных устоев нашей цивилизации, ключевой частью того культурного ядра, которое соединяет всех нас в народ. Если представить себе катастрофу, при которой эта часть была бы выдернута из нашего культурного ядра, то видно, что все оно рассыпалось бы. Это была бы катастрофа распада культуры. Мы говорим прежде всего о русском народе, но в XX веке этот культурный тип приобрел более широкие черты, потому что значительная часть и других народов России перешла к городскому образу жизни и прежде всего в малых городах.

Находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока», Россия периодически вынуждена была предпринимать усилия по форсированному развитию — чтобы отвести смертельные угрозы. До сих пор всякий раз нам удавались такие рывки без пресечения нашего культурного корня. Даже в моменты тяжелых потрясений мы не отказывались от самих себя, не становились ничьей духовной колонией. Эту гибкость и устойчивость нам и придавал массовый культурный тип малых городов. Тотальное преобладание крестьянского видения мира не дало бы нам достаточных человеческих ресурсов для быстрой модернизации. Полный отрыв города от земли привел бы к утрате космического чувства и господству свойственного мегаполису духа космополитизма — и мы бы не устояли против культурного империализма Запада. Малый город соединял деревню и мегаполис, держал их в лоне быстро развивающейся российской цивилизации.

Вот уже двадцать лет как Россия подвергнута попытке произвести ее цивилизационную трансформацию, взяв за образец Запад.⁷⁸ Для этого предлагается перестроить и всю систему «пространственного развития». Доктрина перестройки системы расселения людей в России изложена в докладе Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (ЦСИ ПФО) под редакцией В. Глазычева и П. Щедровицкого. Он был рассмотрен в связи с типом межнационального общежития. Здесь отметим цивилизационное измерение доктрины.

В этой плоскости главные положения доктрины таковы:

- исчезновение русского сельского населения повсеместно, за исключением Краснодарского и Ставропольского краев;
- в русских областях исчезновение одного малого города из трех, прекращение инвестиций в инфраструктуру малых городов;
- депопуляция периферийных районов в большинстве областей, ликвидация неперспективных деревень;
- наращивание различий между территориями — как на межрегиональном, так и на внутрирегиональном уровне;
- колониальная экономическая политика, различия между территориями наподобие различий между метрополией и колонией.

Ставка на мегаполисы и желание устранить малые города как важный тип поселений в России носят у авторов доклада принципиальный характер, но приводимые ими аргументы иррациональны. Они утверждают, что развитие России в XX веке не учитывало пространственную структуру расселения, а, наоборот, малые города стали порождением плановой системы и даже ГУЛАГа.

В докладе сказано: «Сугубо советский вариант плановой индустриализации, сопровождавшейся созданием слободских по духу поселений, во всех своих проявлениях зависимых от крупного предприятия, формально получил наименование «урбанизация»... Говоря о пространственном развитии, невозможно упускать из вида того обстоятельства, что формирование той индустриализации, что получила наименование «советская урбанизация», осуществлялось в подавляющей части подневольным трудом вплоть до 1955 г.» [37].

Поскольку «градообразующие» предприятия — плод «неправильной» советской

индустриализации, «образованные» вокруг этих предприятий города обречены в проектах реформы на ликвидацию. Ее предлагают осуществить, оставив малые города без средств к существованию.

Доклад предлагает такую тактику: «Утрата населения малыми городами должна приводить к дальнейшей деградации их убогой инженерной инфраструктуры, равно как и недоразвитой инфраструктуры торговли...

Это означает — в лучшем случае — отказ от вложения бюджетных средств в реконструкцию инфраструктуры с неизбежным в общем случае преобразованием малых городов в «спальные районы» крупных (при допустимой дальности)... Отказ от удержания в полумертвом состоянии системы ЖКХ в ряде малых городов и поселков является единственным шансом на сколько-нибудь крупномасштабную ее модернизацию в жизнеспособных городах» [37].

В принципе, такая же участь в стратегии этой реформы ожидает и русскую деревню. Авторы доклада пишут: «Хрущевская кампания «закрытия» т.н. неперспективных деревень в принципе — при последовательном применении — могла оказать благотворное воздействие на экономику страны... В настоящее время, при использовании сугубо экономических инструментов,... внешне аналогичная задача относится к семье решаемых... Отказ от невозвратных затрат на остаточное сельскохозяйственное производство, единственной функцией которого давно является поддержка неэффективных приусадебных хозяйств облегчит сосредоточение усилий на развитие товарного сельского хозяйства» [37].

Принятая в реформе концепция «возврата в цивилизацию», из которой Россия якобы выпала из-за большевиков, предполагала имитацию цивилизационного развития Запада через раскрестьянивание, превращение крестьянина в фермера-буржуа и сельского пролетария, а земли в обычное средство производства, предмет купли-продажи.

Да, многим нравится западный тип жизни, но перенести его основания в Россию — утопия, поразительная для современного уровня знания. Цивилизационная судьба России была определена тысячу лет назад, и уже в XVI веке она стала для Запада «хуже Турции». Пришлось идти своей дорогой, а она такая, что надо было за десять лет решать те задачи, на которые Западу история дала сто лет. По деньгам, отпущенным для решения одинаковых задач, разница была уже *в сотни раз*. А это никак было бы не осилить, если бы народ утратил космическое чувство и «естественный религиозный орган» — способность ощущать святость Общего дела.

Запад, получив доступ к ресурсам колоний и «третьего мира», мог позволить себе стать безрелигиозным, а в России каждое серьезное дело было не бизнесом, а почти подвижничеством. Весь труд русского пахаря — подвиг. Как говорят богословы, его труд имел *литургическое* значение, иначе ему было не справиться. Огромная масса людей в нашей истории вошла в современные виды труда и службы через культурное пространство малых городов.⁷⁹ Это пространство не задушило ни их «естественного религиозного органа», ни космического чувства. А попади они из деревни сразу в мегаполис — и это могло бы произойти.

Форсированная индустриализация СССР поневоле опиралась на крупные города. При острой нехватке ресурсов только здесь можно было создать необходимую плотность кадров, культурных и трудовых ресурсов. «Одноэтажный» СССР отставал в развитии и модернизации. Война и перегрузки послевоенного восстановления отодвинули назревающий кризис малых городов, а с середины 60-х годы уже велась целевая программа по предотвращению этого кризиса.

В малых городах создавалась сеть современных предприятий — отделений и цехов крупных заводов и комбинатов. Молодежь получила доступ к рабочим местам с высокой технологией, увеличилась и подвижность работников — стали много ездить к смежникам, на обучение, для наладки и ремонта у пользователей. Это было время бурного развития науки и техники, строительства больших сооружений, освоения Севера, так что многие молодые люди уезжали на учебу, стройки, в экспедиции. Проблема оторванности малых городов от

большого мира была смягчена.

Все эти каналы социальной мобильности были моментально, катастрофическим образом перерезаны рыночной реформой 90-х годов. Именно малые города оказались самой незащищенной против такого удара частью России. Деревня обеднела в ходе реформы сильнее, но деревенский двор стоит на земле, его главное средство производства и предмет труда — вот они. Да, тип труда изменился, когда реформа придушила крупные сельские предприятия. Как говорят, «село отступило на подворья». Но нет здесь той безысходности, как в малом городе, где останавливается единственное современное предприятие или цех парализованного реформой большого комбината.

Отсутствие заработка и перспектив здесь оказывается тотальным, и ощущение безнадежности давит на людей невыносимо. Они начинают метаться, ездить за тридевять земель выполнять любую работу в большом городе, бродить по стране. Молодые люди сбиваются в стаи, стоят кучками в сквере. Работодателем становится криминальный мир.

Давит и демонстрационный эффект большого города. Он всплыл, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и села, растлевают и одновременно обозляет захвативших поглядеть на «настоящую жизнь» молодых людей. Ведь ножницы в возможностях, которые предоставляют столицы и райцентры, раздвинулись до размера пропасти. Как будто у больших городов образовался свой «третий мир». Он еще не свалился до уровня фавелы, но во многих регионах к этому дело идет. Да и между самими малыми городами возникли разрывы. Распадается ткань всей сети малых городов, которая скрепляла страну.

Пока что среду обитания десятков миллионов жителей этих городов поддерживает инерция старых систем — какое-то производство, школы, больницы, воинская часть. Стоят еще дома, хотя уже валится с потолка штукатурка, работает котельная, хотя и с перебоями. Но не видно никакого импульса к возрождению, в брошенных цехах уже и стекла из окон разворовали.

Эта безысходность чревата потрясениями, и они зреют, как нарыв. Какое-то время люди надеялись, что эта напасть временная и жизнь наладится. Сейчас видно, что положение стабилизируется и даже золотой дождь нефтедолларов не дал ни капли для оживления малых городов как системы. При нынешнем рынке они действительно превращаются в «третий мир» с его порочными кругами.

В то же время телевидение с его идеологизированной рекламой и наглядный образ жирующей столицы разбудили в молодежи малых городов болезненные и несбыточные притязания. Отброшены свойственные малым городам непритязательность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Возник «культ иномарки», молодые люди убивают время и скудные деньги, покупая, ремонтируя и продавая поношенные «тойоты» и «фольксвагены».

Но этот суррогат деятельности не успокаивает. Закупоренные наглухо каналы социальной мобильности создают у молодых людей ощущение, что они навсегда заперты в каком-то гетто, что их город как будто выброшен из страны на обочину жизни. И никаких форм борьбы против этой наползающей серой мглы нет. Даже политика, какая-никакая, — там, в Москве, этом «сияющем городе на холме».

Инерция старых норм и старой культуры иссякает, и ее тормоза скоро откажут. Тогда и прорвется нарыв. Как прорвется, мы не знаем. Никто не мог предугадать, что подростки в гетто малых городов, спутников блестящего Парижа, станут для своей психологической разгрузки жечь автомобили. Кто-то им посоветовал такой сравнительно безобидный, но зрелищный способ. Что придумают для наших подростков, пока не известно. Автомобили, видимо, жечь не будут, это у нас пока что культовый предмет. Но у нас еще много чего есть поджечь или взорвать. Может оказаться более зрелищно.

На Западе уже десять лет назад предсказали «молекулярную гражданскую войну» — войну без фронта и без цели, месть обществу, отбросившему часть населения как обузу.

Разве Россию, втягивая в Запад, не заражают этой его болезнью, отягощенной у нас

разрухой хозяйства? И ни увеличением штата МВД, ни песенкой о «равных возможностях» этого процесса не остановить. Равные возможности надо реально создавать — это и должно стать нашим срочным «национальным проектом».

«Монетизация» льгот

Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон, заменяющий предоставление льготным категориям граждан ряда благ в *натуральном* выражении денежными выплатами. Власть настояла на своем, большинство населения с этой акцией было несогласно. Возник социальный конфликт — как говорят, латентный, «дремлющий», хотя он и прорывался в отдельные демонстрации. Он выявил важную деформацию знания власти о России как цивилизации. Из нее было исключено традиционное знание, выработанное в культуре России, и неявное знание чиновников. При этом оказалось выхолащенным и рациональное знание, выраженное в аналитических материалах социологов.

Почему загорелся этот сыр-бор? Казалось бы, из-за гораздо более сильных ущемлений наши люди не волновались. Власть отнимала все сбережения, снижала доходы и в три, и в четыре раза — никаких протестов! А тут из-за мелочи столько шума, власти пришлось сильно потрудиться, чтобы найти десяток пенсионеров и ветеранов, которые перед телекамерами выразили бы глубокое удовлетворение тем, что получают «живые деньги» вместо каких-то там лекарств или бесплатного проезда.

Положение действительно странное: министры наперебой убеждают, что люди деньгами получают гораздо больше, что им это выгодно, что власть потратит на льготы намного больше, чем тратит сейчас — а люди упираются, не желают выгоды. С другой стороны, к чему бы такая забота о неразумных? Зачем на них тратиться — пусть бы себе и получали свои жалкие натуральные крохи, если считать не умеют. Зачем так стараться министрам, так радеть о темной массе?

В том-то и дело, что вопрос был поднят принципиальный, к деньгам и крохам он не сводится. Тут нашла коса на камень, столкнулись два мировоззрения, два взгляда на жизнь. Даже, можно сказать, два типа рациональности — и выявился не разрыв, а просто пропасть между властью и массой населения. Произошла «разведка боем» в гражданской цивилизационной войне внутри России. Войне пока что холодной. Даже удивительно, как это может проявиться в такой капле воды.

Говорят, что правительство задумало сэкономить на отказе от выдачи льгот натурой — заменит льготы небольшими деньгами, а их сожрет инфляция. Наверное, такое соображение было, но это вовсе не главное, из-за этого власть так бы не уперлась, нашла бы другой способ вытрясти карманы.

Главная цель иррациональна, она лежит в сфере идеалов — продавливать либеральную утопию, которая уже почти сдохла. Для этого необходимо «монетизировать» все стороны жизни, и на этом пути правительство взяло курс на последовательный уход государства от обязательств, которые требуют реальных действий и реальных отношений с людьми.

Протолкнув свой закон, правительство плюнуло в душу большинству. Доноры Ижорского завода, сдававшие кровь бесплатно (и, кстати, *не получавшие* положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь — бесценный дар. Донорство неопенимо в денежном выражении, и льготы — лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства... Неужели Россия хочет «прославиться» как первая страна, загубившая донорское движение?»

Как надо оскорбить людей, чтобы они такое написали! Сгоряча написали, наверняка не перестанут сдавать кровь, но в этих словах уже знак тяжелого отчуждения от власти — за то, что не хотела понять таких простых вещей. За то, что при помощи СМИ сознание людей

расщепляют, их стравливают и соблазняют. Люди не могут возразить и поддакивают, а «сердце не лежит». Факт, что у большинства «сердце не лежит», потому такие усилия применяло правительство для уговоров.

Более того, пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что она затронула что-то очень важное, какой-то нерв — людям больно, но объяснить внятно они не могут. Да и не обязаны. Но они запомнят, что правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на вполне разумные доводы даже очень авторитетных людей.

Целый ряд авторов убедительно показывал, что конфликт власти с большей частью населения, вызванный монетизацией льгот, носит фундаментальный характер. Настаивая на своем, власть превратилась, в части своего образа, в *экзистенциального* врага большой доли народа, ибо она нанесла удар по устоям его представлений о справедливом бытии, а вовсе не по каким-то элементам материального благополучия. Государство попыталось уйти от выполнения вечного договора с народом — и его легитимность пошатнулась.

Акция эта была столь странной, что породила конспирологические трактовки. Обозреватель «RBC daily» М. Чернов писал: «Не исключено, что за реформой по монетизации льгот и надеждой на стихийное возникновение народных протестов против этой реформы стоят одни и те же силы, основная цель которых — дестабилизация обстановки в стране и смещение режима президента Владимира Путина. Так, по словам опрошенных «RBC daily» экспертов, прошедшие в 2003-2004 гг. через Государственную думу либеральные реформы скорее всего были “продавлены” олигархами, и теперь те же самые группировки стоят, возможно, за организацией массовых протестов. Основная их цель — дестабилизация обстановки в стране и подготовка почвы для отстранения от власти президента Владимира Путина» [38].

Почему проблеме натуральных льгот придали такое значение в реформировании России? Потому, что монетизация любых натуральных повинностей или благ есть сильнейший механизм *атомизации* общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы *купли-продажи*.

Льготы — это механизм усложнения общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существует доблесть и заслуга. Когда-то и в парикмахерской маленького поселка можно было увидеть вывеску «Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди». Но ведь она висела не для героев, а для посетителей, чтобы они *помнили* о героях.

Монетизацией правительство стремилось стереть из памяти людей само понятие доблести и благодарности. Давно сказано: «*Не имеет ценности то, что имеет цену*». Вот и нанесли удар по сокровенным культурным устоям российской цивилизации.

Обмен благами не через куплю-продажу («деньги-товар»), а в «натуре» — важнейший механизм связи людей в семьи, роды, народы. При таком обмене прозаическое благо наполняется сокровенным смыслом, его дарение и принятие приобретают литургическое значение. Человек дарит свою кровь царю, Отечеству, народу, а те потом дарят ему *льготу*. Именно эту систему *нерыночных* связей между людьми, а также между людьми и государством стараются ликвидировать реформаторы. И это, похоже, — одна из их главных забот.

Уже на заре реформы это кредо так выразил Ю. Буйда в «Независимой газете»: «Антирыночность есть атрибут традиционного менталитета, связанного с “соборной” экономикой... Наша экономическая ублюдочность все еще позволяет более или менее эффективно эксплуатировать миф о неких общностях, объединенных кровью, почвой и судьбой, ибо единственно реальные связи пока в зачатке и обретут силу лишь в расслоенном, атомизированном обществе. Отвечая на вопрос о характере этих связей, этой чаемой силы, поэт Иосиф Бродский обошелся одним словом: “Деньги!”» [39].

Если убрать ругательства, то здесь важные вещи сказаны верно и чеканно — не

должны мы быть связаны «кровью, почвой и судьбой», реформаторы и их любимые поэты нас расслоят и атомизируют, уничтожат нашу «соборную» экономику. Есть у них для этого чаемая сила — *деньги*.

Тут мы, конечно, затронули лишь верхушку проблемы. Если система льгот и вообще натуральных выплат действительно была бы уничтожена («монетизирована»), это нанесло бы обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Рассуждая о монетизации льгот, министры и губернаторы подменяли понятия, как будто и впрямь не понимали, о чем идет речь. Они представляли льготы ветеранам как разновидность *вспомоществования бедным*. Это, мол благотворительность власти, она вправе заменить ее небольшими суммами денег — и нечего нос воротить, дареному коню в зубы не смотрят. Ну просто нарывались на то, чтобы ненависть у людей отложилась глубоко и надолго.

Льготы нигде и никогда не являются подачкой на бедность. Льготы — заслуженное право, заработанное трудом или кровью. Власть дает их людям с благодарностью, с *поклоном*.

Когда проталкивали закон об отмене льгот, приводили как довод, что, мол, не все их используют — лучше всем дать понемножку денег. А представьте, что тем же ответит государству народ. Защищать родину — повинность мужчин. Повинность *натуральная*! Так ведь несправедливо — кровь-то свою проливают не все! Давайте лучше соберем со всех граждан понемногу денег и сунем в зубы этому государству, а натуральной крови проливать не будем. Даешь монетизацию повинностей! Но тем-то и отличается средний гражданин от министров, что такая идиотская мысль ему в голову не придет. Он знает, что далеко не все заменяется деньгами.

Блага натурой даются людям для того, чтобы они их потребили *сами* — и именно в данном им виде. Монетизация заведомо означает, что деньги уйдут «по другим статьям» и прежде всего на нужды близких. Выдача льгот натурой — выражение особого свойства традиционного общества, которое верно подмечено либеральными философами. Такое общество *приказывает жить*, в то время как либеральное общество дает *свободу умирать*. Потому-то вымирает либеральный Запад, а при либеральной реформе стали вымирать и русские.

Вот красноречивая льгота натурой — летчикам во время войны давали шоколад. И они не имели права поделиться им даже с голодающими детьми блокадного Ленинграда. Летчик был *обязан жить* — ради тех же детей. Когда ветерану дают нужное ему лекарство, он обязан его принять — и жить. А если ему вместо этого сунут в зубы сто рублей в месяц, он волен купить на них пару бутылок водки — и умереть. Он свободен и никому ничем не обязан. Копить эти деньги в ожидании болезни он уж точно не будет.

Говорили, льготы надо отнять у горожан потому, что сельские жители этими льготами мало пользуются. Ну так дайте сельским жителям те льготы, которые им нужны! Но ведь и у них отнимают — например, льготный тариф на электричество, на поставки угля. В крайнем случае, дайте им денежный эквивалент тех льгот, которыми пользуются горожане. Что за дикая мысль — ради справедливости ухудшить положение для всех!

Те, кто говорит, что льготы натурой несправедливы, т.к. ими не пользуются многие из тех, кто имеет на них право, или кривят душой, или впрямь не понимают простых вещей. Вот абсурдная, но верная аналогия. В городке пожарная команда, вокруг — деревни, по сотне домов. В среднем в каждой деревне в год по пожару. Пожарные мчатся на пожар, это обходится каждый раз, скажем, по 100 тыс. рублей. Это — натуральная льгота обывателям, они пожарным не платят. Но градоначальник велит эту льготу монетизировать — натурой давать несправедливо! У Сидорова дом сгорел — и ему отвалили 100 тыс. рублей в виде услуг пожарной команды. А Петрову-то обидно! Куда лучше ему получить эту льготу живыми деньгами — он так перед телекамерой и сказал. Так что дать каждому домохозяйину его живые 1000 рублей в год, и пусть он в случае пожара расплачивается с пожарными. А они теперь будут на полном хозрасчете.

Разработчики закона проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям. Натуральные льготы — страховой *фонд* (*запас*), к которому прибегают в момент нужды. Ежемесячные денежные выплаты — *поток*. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Эта сторона дела даже не обсуждалась.

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток — в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров, и в 99% случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загоя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру *накопительства*, а для этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения России таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботилось государство, община, трудовой коллектив. Какая безответственность — лишить всего этого жителей России!

Заранее разделить страховой фонд поровну в деньгах между всеми — это значит не оказать помощи *никому*. Помощь голодающим из неприкосновенного запаса — это льгота, на которую имеют право все, но которой пользуются только те, кто в данный момент в ней нуждается. Что будет, если неприкосновенный запас перевести в деньги и заранее раздать их всем поровну?

А ведь нечто подобное и собираются сделать с той льготой, которой мы все недавно обладали — *здравоохранением*. Тех денег, которые раньше выделяло на эту льготу государство, хватало всем больным. А теперь эти деньги хотят выдать каждому в виде фиксированной страховой суммы — и уже *никому* ее не хватит на лечение из тех, кто, не дай Бог, заболеет. Льготы натурой потому и обходятся гораздо дешевле, чем «выплаты всем», что ими реально пользуются далеко не все, а только те, кому это необходимо.

Если бы монетизацию льгот проводили честно, давая всем реальное денежное возмещение натуральных благ, то это легло бы на госбюджет абсолютно непосильным грузом. И правительство выбрало наихудший вариант — и людей озлобило, и деньги растратило, и технические системы не поддержало.

Наконец, льготы натурой — исключительно экономная вещь и потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта (как в крестьянском дворе или на советском заводе). Заводы отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустраивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что наши привыкшие к советским порядкам хозяйственники не раз за время реформы столбенели.

Хотели лишить пенсионеров бесплатного проезда. Каков был бы результат? Они бы ходили пешком или сидели дома. Автобус ходил бы, как и раньше. И никакой прибыли не получил бы автобусный парк от того, что не втиснется в автобус старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет гордо и бесплатно — потому что он ветеран и заслужил такую льготу.

Но все это было бесполезно объяснять Зурабову с Жуковым. Им это говорили в течение года — ноль внимания. Видно, из каких-то высших сфер получили они приказ, которого нельзя было ослушаться — разорять хозяйство и злить людей.

ЛИТЕРАТУРА

Глава 2. Жизнеспособность

1. Федотов Г.П. Россия и свобода. В кн.: Федотов Г.П. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989, с. 78-79 (<http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html>).
2. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. — СОЦИС. 2004, № 10.
3. Данилевский И.Я. Россия и Европа. — М.: Книга. 1991.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. // Самосознание европейской культуры XX века. — М.: ИПЛ, 1991, с. 30.
5. Шорохов А. Тургенев: Русский ответ откладывается... (Культурно-исторические типы Запада и Россия). — [Http://www.pereplet.ru/shorohov/50.html](http://www.pereplet.ru/shorohov/50.html).
6. Новиков А.И. Мещанство и мещане. — Л.: Лениздат. 1983.
7. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965-1998). — М.: Academia. 2001.

Глава 3. Демонтаж народа

1. Новодворская В.И. — <http://grani.ru/opinion/novodvorskaya/m.148572.html>
2. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
3. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. — В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука, 1994.
4. Нагенгаст К. Права человека и защита меньшинств. Этничность, гражданство, национализм и государство. — В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.
5. Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. М.: Алгоритм. 2001.
6. Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания. — «Вопросы философии». 1992, № 5.
7. Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005.
8. Сахаров А. Воспоминания. М.: Права человека. 1996, т. 2.
9. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России. — «СОЦИС». 2004, № 10.
10. Крижанич Ю. Политика. М.: Политиздат. 1965.
11. Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. — «Главная тема». 2004, № 2.
12. Померанц Г. Враг народа. — «Век XX и мир». 1991, № 6.
13. Павловский Г. Война так война. — «Век XX и мир». 1991, № 6.
14. Драгунский Д. Имперская судьба России: финал или пауза? — «Век XX и мир». 1992, № 1.
15. Драгунский Д. Законная или настоящая? — «Век XX и мир». 1991, № 7.
16. Драгунский Д., Цымбурский В. Рынок и государственная идея. — «Век XX и мир». 1991, № 5.
17. Тишков В.А. О российском народе. — «Восточноевропейские исследования». 2006, № 3.
18. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм. 2003.
19. Рубцов А.В. В кн. «Этос глобального мира». М.: Восточная литература. 1999.
20. Аронов А. — «Московский комсомолец», 12.02.1992.
21. Я — русофоб! — «Век XX и мир». 1991, № 7.
22. Празаускас А. — «Независимая газета», 7.02.1992.
23. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. — «СОЦИС». 2004, № 10.

24. Федотов Г.П. Лицо России. — «Вопросы философии». 1990, № 8.
25. Плахов А. — «Независимая газета», 10.01.1992.
26. Яковлев А.Н. Куда качнется интеллигенция. — Российская газета, 8 июня 1996 г.
27. Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: ЭКСМО-Алгоритм. 2003.
28. Штомпка П. Социальное изменение как травма. — «СОЦИС». 2001, №№ 1-2.
29. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения. — СОЦИС. 2004, № 4.
30. Наукоеведение. 2007, № 3. М.: ИНИОН.
31. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. — СОЦИС. 1995, № 3.
32. Шмелев Н.П. — «Московская среда», № 4, 2003.
33. Тульчинский М.Р. Наукометрический анализ «развития социологии» в начале 90-х годов. — СОЦИС. 1994, № 6.
34. Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. — Со-общение. 2005, № 1.
35. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самоосознания в конце XX века. — В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.
36. Гареев М.А. Об объективном освещении военной истории России. // Новая и новейшая история. 2006, № 5.
37. Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. 1992-2006 гг.»). // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2. С. 74.
38. Соколов М. Генералы, шоумены и прочие паяцы // Известия. 09.04.2004 — <http://www.izvestiya.ru/sokolov1/article52446/>.

Глава 4. Разрушение межнационального общения

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: ЭКСМО-Алгоритм. 2003.
2. Фадеечева М.А. «О пользе и вреде истории для жизни». Этнополитика глазами историка или История глазами этнополитолога. — ПОЛИС. 2004, № 3.
3. Сенчакова Л. Крестьяне и Государственная Дума (1906-1907 гг.). — Россия — XXI. 1996, № 9-10.
4. Чешико С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.
5. Веселовский С.Б. Из старых тетрадей. М.: АИРО-XX. 2004.
6. Ключников Ю.В. Наш ответ. — «Смена вех». 1921, № 4.
7. Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
8. Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005.
9. Богатова О.А. Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности. — СОЦИС. 2004, № 6.
10. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм. — В кн. «Основы евразийства». М: Арктогея. 2002, с. 202-203.
11. Картунов С.В. Судьба русского коммунизма. — «НГ-сценарии». 4.11.1997.
12. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. — В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994.
13. Данилова Е.Н. Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций. — «Восточноевропейские исследования». 2005, № 1.
14. Манугян А., Суни Р. Советский Союз: национализм и внешний мир. — «Общественные науки и современность». 1991, № 3.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, с. 14.
16. Сахаров А. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо. 1991.

17. *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. М.: Палея. 1996.
18. *Латынина А.* — «Независимая газета», 6.06.1992.
19. *Ráin E.* Correrá Rusia el destino de la URSS? — “El Periódico”, julio de 1993.
20. «Есть мнение» (ред. Ю.А. Левада). М.: Прогресс. 1990.
21. *Фурман Д.Е.* Великое русское государство — идея-ловушка. — «Свободная мысль». 1992, № 1.
22. *Шафаревич И.Р.* Россия наедине с собой. — «Наш современник». 1992, № 1.
23. *Глобачев М.* Утомленные связью — «Космополис». 2003, № 1.
24. *Попов Э.* — <http://www.stoletie.ru/pole>.
25. *Кургинян И.* Проект «КРАНО-ДЕЛ». — Россия XXI. 2008, № 4.
26. *Кулехов М.* Доживет ли Российская Федерация до 2014 года? — <http://forum.msk.ru/10.VI.2007>.
27. *Амоглонова Д.Д., Скрынникова Т.Д.* Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии. — ПОЛИС. 2005, № 2.
28. Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО. — http://www.glazychhev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm.
29. Введение. — В кн. «Этничность, толерантность и СМИ». М.: РАН. 2006.
30. *Дмитриев А.В., Пядухов Г.А.* Этнические группы мигрантов и конфликты в анклавных рынках труда. — СОЦИС. 2005, № 8.
31. *Хабенская Е.О.* Этнические стереотипы в СМИ: ксенофобия и толерантность. — В кн. «Этничность, толерантность и СМИ». М.: РАН. 2006.
32. *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М.: ИСПИРАН, 2003.
33. *Каганский В.* Российское пространство: части сильнее целого — Век XX и мир. 1992, № 5.

Глава 5. Разрушение культуры

1. *Вайнберг Л.И.* «Московский комсомолец», 1 мая 1988.
2. *Булгаков С.Н.* Расизм и христианство. — В кн.: Протоиерей Сергей Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. Paris: YMCA-Press. 1991. (www.vehi.net/bulgakov/rasizm/rasizm.html)
3. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М.: Алгоритм — ЭКСМО. 2005.
4. *Иванов В.Н., Назаров М.М.* Массовая коммуникация в условиях глобализации. — СОЦИС. 2003, № 10.
5. *Панарин А.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
6. *Ципко А.С.* Можно ли изменить природу человека? — В кн. Освобождение духа. М.: Политиздат. 1991. С. 73-90.
7. *Sahlins M.* Uso y abuso de la biología. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990.
8. *Макаров А.* — В кн. «Живая жизнь» (сост. Перевозчиков В. К). М.: Московский рабочий, 1992, с. 3.
9. *Иванец Н.Н., Кошкина Е.А., Киржанова В.В., Павловская Н.И.* Демографические последствия роста наркомании и алкоголизма. — В кн. Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. М.: ИСПИРАН. 2007.
10. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос-Прогресс. 2002.
11. *Ерофеев В.* Поминки по советской литературе. — Апрель. 1900. Вып. 2.
12. *Амосов Н.М.* Мое мировоззрение. — Вопр. философии, 1992, № 6.
13. *Батыгин Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. — В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.
14. *Шмелев Н., Попов В.* На переломе: перестройка экономики в СССР. — М.: Изд-во

Агентства печати Новости. 1989, с. 140-143.

15. *Беляков А.А.* Стратегические проекты России в условиях кризиса. — «Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование». 2009, т. 2, вып. 3.
16. *Новодворская В.* Прощание славянки. — М.: «Захаров». 2009, с. 307.
17. *Романов Н.* Сонька на скорую руку. — Литературная газета. № 20 (6120) 16-22 мая 2007 г. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg202007/Polosy/101.htm).
18. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. — М.: Праксис, 2003, с. 143.
19. «Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г.» — <http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381>.
20. *Иноземцев В.* On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. — «Постчеловечество». — М.: Алгоритм, 2007, с. 71.
21. *Столяров А.М.* Розовое и голубое. — «Постчеловек». — М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.
22. *Буровский А.М.* После человека. — «Постчеловек». — М.: Алгоритм, 2008, с. 208.

Глава 6. Цивилизационная война против России

1. *Яковлев А.Н.* Куда качнется интеллигенция. — Российская газета, 8 июня 1996 г.
2. *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок. — «Вопросы философии». 1992, № 5.
3. *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI.
4. *Мильдон В.И.* «Земля» и «небо» исторического сознания. — «Вопросы философии». 1992, № 5.
5. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма.
6. *Шубарт В.* Европа и душа Востока. — «Общественные науки и современность». 1992, № 6.
7. *Баткин Л.* Возобновление истории. — В кн. «Иного не дано». М., 1988.
8. *Седов Л.* Запад внутри нас. — «Независимая газета», 22.12.2006.
9. *Люкс Л.* О возникновении русофобии на Западе. — ПОЛИС, 1993, № 1.
10. *Филишкин А.* Когда Россия стала считаться угрозой Западу? Ливонская война глазами европейцев. — «Россия-XXI». 2004, № 3.
11. *Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. — СПб.: Лимбус Пресс, 1999.
12. *Строев А.* Россия глазами французов XVIII — начала XIX века. — www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_02.htm.
13. *Орлов Ю.Я.* Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985. С. 98-99.
14. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002.
15. *Бокарев Ю.* «Открытое общество» и его друзья. — «Россия — XXI». 1996, № 5-6.
16. *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф.Керенского в Техасе. «Новая и новейшая история», 1993, № 1.
17. *Горбачев М.* Декабрь-91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости», 1992.
18. *Сахаров А.* Тревога и надежда. М.: Интер-Версо. 1991.
19. *Сахаров А.* «Тревога и надежда». Нью-Йорк: «Хроника», 1978.
20. *Глинский-Васильев Д.* Между утопизмом и фатализмом: российская элита как субъект евроатлантической экспансии. — «Россия — XXI». 2000, № 1.
21. *Амосов Н.М.* Мое мировоззрение. — Вопр. философии, 1992, № 6.
22. *Попов Г.Х.* <http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>.
23. *Ерофеев В.* Похвала Сталину. // Огонек. 2008, № 29. — <http://www.ogoniok.com/5055/13/>.
24. *Ципко А.* Замороженная душа // Независимая газета. 12.11.2008.

25. "Clase contra Clase". — Periódico. 15.02.2004. — www.rebelion.org/noticias/2008/11/75916.pdf.
26. <http://absentis.front.ru/st/seminar16.htm>.
27. http://www.pseudology.org/state/Polit_tradition.htm
28. *Гареев М.А.* Об объективном освещении военной истории России. // Новая и новейшая история. 2006, № 5.
29. *Кундера М.* Трагедия центральной Европы. // Век XX и мир. 1992, № 2.
30. *Федотов Г. П.* Россия и свобода. В кн.: Федотов Г. П. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989, с. 78-79 (<http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html>).
31. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995. С. 23-24.
32. *Соловей В. Д.* Русская история: новое прочтение. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 172.
33. «Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания». Российско-немецкий форум (Москва, 3 декабря 2008 г.). — М.: АИРО-XXI, 2009.
34. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. — М.: Республика, 1994.

Глава 7 Антисоветизм идеологии реформ: цивилизационное измерение

1. *Ракитов А.И.* Философская азбука бизнеса. — Вопросы философии, 1991, № 2.
2. *Ясин Е.* Демократы, на выход! — «Московские новости», 18.11.2003.
3. Историческая память: преемственность и трансформации. — СОЦИС. 2002, № 8.
4. *Смирнов И.* Полумглысты. — «Россия — XXI». 2006, № 2.
5. *Богомолов В.* Срам имут и живые, и мертвые, и Россия... — «Свободная мысль». 1995, № 7.
6. Последние письма немцев из Сталинграда. — «Знамя», № 3, с. 185-204.
7. *Тарасов А.* Еще раз о компетентности. — «Первое сентября». 2005, № 22 (scepsis.ru/library/id_175.html).
8. *Радзиховский Л.* Фашисты/антифашисты. — «Еврейское слово». 2005, № 18. (<http://www.e-slovo.ru>).
9. *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян. — «Неприкосновенный запас». 2005, № 2-3. <http://www.nz-online.ru>.
10. *Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из Утопии. — <http://www.kreml.org/opinions/152681586>.
11. *Сурков В.* Национализация будущего. — «Эксперт» №43 (537)/20 ноября 2006.
12. *Конторер Д.* Враг у ворот: юбилейные размышления. — «Россия XXI», 2005, № 4.
13. *Левада Ю.* «Человек советский». — <http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>.
14. *Дондурей Д.Б.* О конструктивной роли мифотворчества. — «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 275.
15. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
16. *Быков В.* — Столица 1991, № 36, с. 3.
17. Историческая память: преемственность и трансформации. — СОЦИС. 2002, № 8.
18. <http://www.nazlobu.ru/opinions/article1829.htm>.
19. <http://www.nazlobu.ru/opinions/article1851.htm>.
20. *Гареев М.А.* Об объективном освещении военной истории России. // Новая и новейшая история. 2006, № 5.
21. *Мазнева Е., Перетолчина А., Терентьева А., Рожков А.* Генератор несчастья. — Ведомости 18.08.2009, № 153 (2423).
22. http://safety.moy.su/news/materialy_po_avarii_na_sajano_shushenskoj_gehs/2009-10-19-45.
23. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

24. Путин В. В. Отчет Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. — <http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html>.
25. Медведев Д.А. Россия, вперед! — <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.

Глава 8. Реформа как Реформация России

1. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003.
2. Слово о Сахарове. Научно-практическая конференция, посвященная 73-й годовщине со дня рождения А.Д. Сахарова. М.: Издательство «Юридическая литература». 1994.
3. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003.
4. Шмелев Н.П. Экономика и здравый смысл. — Знамя. 1988, № 7.
5. Арбатов Г. — «Независимая газета», 13. 03. 1992.
6. Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР. — В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989.
7. Эмсден А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. — Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.
8. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. — СОЦИС. 1995, № 3.
9. Хомский Н. Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос. 2003.
10. Визгунова Ю.И. Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ. — СОЦИС. 2004, № 8.
11. Соколовский Д. «А если гайки одинаковые ввестъ...» — Двигатель, 2006, № 4 (<http://engine.aviaport.ru/issues/46/page28.htm>).
12. Горбачев М.С. Демократизация — суть перестройки, суть социализма // Правда, 1988, 13 янв.
13. Давыдов А.А. Оптимальный уровень безработицы в СССР. — СОЦИС. 1990, № 12.
14. Ельцин Б. Записки президента. — М., "Огонек", 1994, С. 300.
15. Яковлев А.Н. — "Поиск". 1992, №7.
16. Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. — М.: "Три века истории". 2001, с. 14.
17. Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии. В кн. "Социология и власть". 2008.
22. Карр Э. История Советской России. Т. 1. М.: Прогресс. 1990.
23. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века. — «Вопросы философии». 1993, № 7.
24. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010. — «Свободная мысль». 1996, № 5.
26. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность — планетарная проблема. СПб.: Юридический центр. 2006.
27. «Голос Родины», 1995, № 22.
28. Кульков В.М. Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? — Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997). С. 90-98.
29. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.
30. Шаги перестройки. Радикальная экономическая реформа. Истоки, проблемы, решения. М.: Высшая школа (100 000 экз.). 1990. С. 504.
31. www.i-stroy.ru/docu/goverment/17381.html 29 января 2009.

32. *Гайдар Е.* Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая — «Вестник Европы», № 10, 2004.
33. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917.
34. *Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредитации. — СОЦИС. 2003, № 9.
35. *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения. — СОЦИС. 2004, № 4.
36. *Зубова Л.Г.* Социальное расслоение в России — “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1995, № 3.
37. Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО. — http://www.glazyshev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm.
38. *Чернов М.* В России готовится госпереворот? — www.rbcdaily.ru/news/policy/index.shtml, 14.01.2005.
39. Вестник СОЮЗАГРОМАШ. 2005, № 1.
40. *Путин В.В.* Россия. — Российская газета. 1999, 31 декабря.
41. *Коровицына Н.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. — М.: Алгоритм — ЭКСМО. 2003.
42. Информационный бюллетень ВЦИОМ «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». 1996, № 6.
43. *Симонян Р.Х.* Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты. — СОЦИС. 2003, № 1.
44. *Панарин А.* Народ без элиты. — М.: Алгоритм — ЭКСМО. 2006.
45. *Джордж Ф.* После 1984. Перспективы лучшего мира. — В кн. «Новая технократическая волна на Западе». — М.: Прогресс. 1986, с. 357.
46. *Бенуа А. де.* Против либерализма. // Русское время. 2009, № 1.
47. *Медведев Д.А.* Россия, вперед! — <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.
48. *Путин В.В.* Отчет Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. — <http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html>.
49. Российская газета. 14.01.2009.
50. *Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О.* К созданию институциональной политической экономии. — Экономическая социология. 2008, т. 9, № 3 (http://ecsoc.hse.ru/data/190/589/1234/1_ecsoc_t9_n3.pdf).

Примечания

1

Нам не повезло уже с переводом, в русский язык вошел не тот синоним, которым переводится латинское слово. Вышло так, будто речь идет об обществе граждан (от слова город). На деле же в точном переводе «гражданское общество» — это общество *цивильное, цивилизованное*.

2

Существенная часть российской интеллигенции, следуя установкам исторического материализма с его формационным подходом к истории, или под давлением евроцентризма, отвергает идею о том, что Россия является самобытной цивилизацией. Такие читатели могут «отфильтровать» рассуждения о «цивилизационном» измерении угроз для России, поскольку все они касаются и России как *страны*, хотя и в несколько смягченной форме.

3

Г. П. Федотов писал в ярости: «Не так давно «Правда» посвятила передовицу славе «великого русского народа»... Бедный Маркс делается апологетом русского народа и русской государственности, жестоко им ненавидимой... Интерпретировать марксизм в таком духе, от которого сам Маркс пришел бы в бешенство... Карл Маркс выступает на защиту Александра Невского. Доселе Александр Невский, как и все содержание национальной русской истории, интерпретировались в духе марксизма. Теперь Маркс интерпретируется в национальном духе. Недурно?» [1].

4

Автором первой профанации образа будущего был Н.С. Хрущев, который поставил перед народом, победившим в великой мессианской войне, цель «догнать Америку по мясу и молоку».

5

Эту свою оценку перестройки Горбачев подтвердил 5 ноября 2009 г. в интервью агентству «Евроньюс».

6

Еще раньше Данилевского, в 1857-1959 гг., И.С. Тургенев изложил исключительно прозорливое и важное свое исследование — статью «Дон Кихот и Гамлет» [5]. Он предложил концепцию западной цивилизации как сосуществование двух культурно-исторических типов. Дон Кихот представлял старую католическую Европу, а Гамлет — нарождающееся протестантское, научно-рациональное мировоззрение (позже этот, уже зрелый, культурно-исторический тип был дан в образе Фауста). Но в XIX веке этот смысл статьи Тургенева не был воспринят.

7

Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную социокультурную карту российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, "постсоветских" матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными были множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности "фермеров", новой общности солдат-"контрактников", нового научного сообщества. Фундаментальные причины этих трудностей не были выявлены, хотя принципиальных методологических препятствий для такого исследования не было.

8

Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 году составлял 0,920, а в США 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал 30-е место, а США второе, можно оценить вклад образования в развитие личности.

Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е годы красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

10

А.С. Панарин считал, что главной, может быть, чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность отличается от законопослушной личности с таким типом сознания не структурой своих потребностей и мотиваций, а лишь специфической неконформистской решительностью.

11

У нас даже мало кто знает, *когда* возник русский народ и *каким образом* он был собран. Не учили этому в школе и не надоумили задуматься самим.

12

Кинокритик А. Плахов писал, что понятие «новые русские» зародилось в среде художественной интеллигенции как «попытка освобождения от груза проблемности и мессианских замашек, которыми грешили все «старые» русские». Речь шла об отказе от эстетики «русского Космоса», которая характеризуется им так: «Это эстетика выкидыша или плода, зачатого и выношенного большой женщиной от лилипута». А.Плахов вскользь замечает, что «в ряды движения выбирали отнюдь не по принципу славянской принадлежности» [25].

13

Г. Павловский писал в июле 1991 г.: «То, что называют «народом России» — то же самое, что прежде носило гордое имя «актива» — публика, на которую возлагают расчет. Политические «свои»...».

14

Не будем уж говорить о том, что люди, которых называли «приматами», защищали ценности, которые много лет им внедряли в сознание именно эти сидевшие в Горбачев-фонде философы.

15

Эту методологию П. Штомпка применяет в серии исследований ценностного кризиса

народов Восточной Европы как следствия «постсоциалистического шока» (см. [27, 28]). В 90-е годы состояние массового сознания этих народов выражалось в сравнительном вопросе: «А есть ли жизнь после перехода?».

16

Речь об учебнике «Современная русская литература (1990-XXI в.)». СПб, 2005.

17

Насчет «расколлот надвое», это ерунда. Произведения, получившие букиеровскую премию, привлекают очень узкий круг читателей с возбужденным антисоветским и либеральным сознанием, и это давно установлено. Здесь для нас важен не сам роман Владимова, а та поддержка, которая ему была оказана и оказывается околовластными кругами, особенно в сфере образования.

18

А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».

19

Телевидение, правда, взывало к состраданию, просило высшую расу быть помягче с братьями меньшими. В программе «Вести» 10 февраля 1992 г. после показа несчастной жизни бездомной дворняги и счастливой жизни холеной борзой ведущая патетически воскликнула: «Только помогая друг другу, элитные — беспородным, богатые — бедным, мы сможем выжить!» Так в России от классовых ценностей перешли к общечеловеческим...

20

Подтверждением сказанному служит тот факт, что меньшинствами считаются индейцы Перу, Боливии и Гватемалы, а до недавнего времени считалось и черное население ЮАР, составляющее 80% жителей страны.

21

Для сравнения вспомним, что в Конституции США 1787 г. было сразу записано «единый народ Соединенных Штатов». Официальным языком государственного и частного делопроизводства был английский. Луизиана, бывшая колония Франции, была принята в США как штат лишь после того, как перешла полностью на английский язык. Те, кто не отвечал критериям полноценного американца, не считались гражданами (как негры — целых сто лет после ликвидации рабства, хотя по Конституции каждый родившийся на территории США был полноправным гражданином).

22

Менее известен тот совершенно немыслимый в «западных» империях факт, что в Российской империи борьба инородцев за свои права начиналась чаще всего при попытках правительства *уравнять* их в правах с русскими. Так, в начале 90-х годов как пример национального угнетения в России приводили крупную волну эмиграции российских немцев в 80-е годы XIX в. Но эта эмиграция была вызвана именно тем, что на немецких колонистов распространили общий статус русских сельских жителей (см. [4, с. 79]).

23

Отделение Финляндии и Польши было признано уже в 1917 г., утраченные в 1918-1921 гг. территории других республик (Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии) были возвращены в 1939 г.

24

Советский народ был связан языком сильнее, чем, например, американская нация. 14% населения США вообще не говорит по-английски.

25

Так, исследования начала 70-х годов в сёлах Мордовии привели к такому выводу: «Русский язык у мордвы фактически становится родным или вторым родным языком и используется не только как средство межнационального, но и как средство внутринационального общения... В то же время развитие русско-мордовского двуязычия не ведет к смене родного языка» [9].

26

С.В. Чешко пишет: «С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм следует признать не только реальное существование в СССР “советского народа”, но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации — советской нации. С точки же зрения традиции советского обществоведения, согласно которой нация — это моноэтнический социальный организм, одна из форм и стадий существования этноса, такой вывод может, наверное, выглядеть неслыханной ересью с оттенком “ассимиляторства”... Но проблема заключается не только в терминологии, хотя и сам факт, что одним и тем же термином обозначают весьма разные явления, выглядит абсурдом. Благодаря своему упорному стремлению сохранить “самобытность”, уберечь свои теории и профессиональный язык от внешних влияний, отечественное обществоведение попало в концептуальный тупик. Наши ученые не отваживались отрицать существование американской, бразильской или индийской наций, признавали принадлежность СССР к Организации Объединенных Наций, но даже не допускали мысли о возможности понятия “советская нация”. А в период развала СССР эта несусазица активно использовалась теми, кто пытался доказать, что СССР — это “не страна и не государство”, без своей нации, народа и поэтому без права на существование» [4, с. 141-142].

27

Даже З. Бжезинский, обсуждая варианты развития СССР в 30-е годы, признает «изумительные достижения сталинизма» и приходит к выводу, что единственной альтернативой ему мог быть только шовинистический диктаторский режим с агрессивными устремлениями (см. [11]).

28

Старовойтову в разгар войны в Нагорном Карабахе в регионе называли «цинковой леди».

29

Замечу, что сами-то эти идеологии всеسوждения не горели — горели турки-месхетинцы в Ферганской долине и школьники в Осетии.

30

Они переправляли через реку Аракс в Иран советские телевизоры и за один телевизор получали автомат Калашникова.

31

Политическая борьба, вызванная такими акциями, была важным средством дезинтеграции СССР. Так, объявление в 1989 г. молдавского языка государственным привело к кровавым столкновениям и отделению приднестровской Молдавской Республики.

32

Действительно, этнический сепаратизм в Европе сейчас опирается на эту доктрину. Например, сепаратисты Каталонии требуют права «интегрироваться в Европу» минуя органы национального государства Испании.

33

Не будем уж говорить о том, что этот вырванный их контекста «постулат» противоречит очевидной реальности. Видим ли мы «сокращение роли национальной государственной машины» в США, где военный бюджет государства достиг 500 млрд. долларов, государство национализировало крупнейшие банки или делает финансовые вливания размером в триллионы долларов? Видим ли мы такое «сокращение роли» в Китае, Японии или Индии? Нет, «указание» дается именно России — при том, что государство осталось в ней практически единственной организованной силой.

Малоизвестное слово «останцы» (видимо, взятое из какого-то местного диалекта), должно очаровать читателя колоритом «традиционной русской деревни в ее неискаженном советской эпохой формате».

Эвфемизм «усиление традиционалистских рисунков» означает именно архаизацию, поскольку утрата структур современного индустриального общества не ведет к восстановлению традиционной культуры.

В связи с этим на Интернет-форумах даже выражалось удивление тем, что В.В. Путин наградил В. Познера «за большой вклад в развитие отечественного телерадиовещания и многолетнюю плодотворную работу» орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Самые умеренные в этом отношении — «Коммерсант» и «Вечерняя Москва».

Пространства этих двух русских национализмов практически не пересекаются, диалог между ними не складывается. Идеологи этнонационалистов просто не признают никакого параллельного национализма.

При этом незаметно производится подмена предмета дискуссии. Вначале речь идет о том, что возмущенный народ устроил погром собственности, принадлежавшей «преступным чеченским кланам». Затем «народный сход» постановил «передать рынок лицам славянской национальности». Где тут преступники или даже чеченцы? Здесь почти указаны фамилии тех, кто должен был получить рынок — не карелы и не чувашаи.

Заметим, что этот вопрос стал замалчиваться. Один западный философ сокрушался: тысячи лет нас мучает вопрос «что есть человек?», а для нынешнего ученого нет никакой загадки, и он отвечает: «человек был обезьяной».

А.С. Ципко писал: «Большой вклад в формирование реального, современного образа человека внес советский хирург академик Н.М. Амосов. Он напомнил политикам и обществоведам, что люди от природы разные, отличаются и силой характера, и устремленностью к самостоятельности в личной самореализации. Чрезвычайно важна мысль о существовании пределов воспитуемости личности... Наверное, настало время серьезно поразмышлять о самой проблеме неравенства, вызванного естественными различиями людей в смекалке, воле, выносливости. Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н.М. Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать составляют от 5 до 10%» [6].

42

Антрополог М. Салинс (США) говорит об этом представлении: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма... В сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством» [7, с. 131].

43

Если уж вводить меру потерь "плодороднейших земель", то надо вспомнить, что в Российской Федерации нынешняя рыночная реформа "поглотила" 45 млн га посевных площадей — они выведены из оборота и зарастают кустарником.

44

Экономист Н.П. Шмелев, работавший в ЦК КПСС, не мог не знать, что за счёт ГЭС сильно снижается цена электроэнергии в стране, что сказывается и на производстве, и на быте. Так, в 2008 г. Усть-Илимская, Братская и Иркутская ГЭС поставляли на рынок электроэнергию по цене 1,45 коп./кВт-час. Это в 30 раз дешевле, чем электрическая энергия близлежащих тепловых станций той же компании "Иркутскэнерго" [19].

45

В 2008 г. выявлено лиц, совершивших преступления, 1,26 млн. Пострадало от преступных действий 2,3 млн. человек, из них погибло 46 тыс. и получили тяжкий вред здоровью 48,5 тыс. человек. В 2000 г. погибли и получили тяжкий вред здоровью 151 тыс. человек. И так — **каждый год** .

46

Эти рассуждения вызвали полемику в последние годы потому, что ими буквально оправдывалась война против Ирака.

К сожалению, официальный сайт Независимого теоретического семинара ликвидирован, но стенограммы заседаний имеются на других сайтах, на которые и даются ссылки.

Тезис, будто русские утратили атрибуты цивилизации, повторяется в разных вариантах. Эксперт Горбачев-фонда В. Соловей пишет в 2005 г.: «Хотя доля русских во всем населении страны уменьшилась не так уж драматически, составив в 1989 г. 50,6%, качество “человеческого материала” не оставляло им шансов сохранить традиционную роль хранителя и краеугольного камня государства» [42].

Сам же В.Ю. Сурков тут же описывает «демократический, порядок», преемником которого стал В.В. Путин, в таких выражениях: «Подменившая легитимную власть олигархия сопровождалась пандемией нищеты, коррупции и заказных убийств, настоящим коммерческим террором, самоистреблением за деньги».

Подобные конфликты по поводу положения народа на «карте человечества» обозначают как образно-географические драмы.

Надо отметить, что все стороны этого столкновения понимали, что речь идет именно о мировоззренческом конфликте, о двух типах жизнеустройства. Во время перестройки Л. Баткин на всякий случай предупреждал: «*Запад*» в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие *капитализма* (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немыслимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества» [7].

Такое представление о национальном характере глубоко ошибочно, самоосознание людей формируется культурно-историческими условиями. Но следовать эссенциализму и считать, что «россияне» уже по своим природным свойствам принадлежат к западной культуре, выглядит совсем уж гротескным.

Миф о происхождении славян от Мосоха культивировался даже в конце XVIII века в Императорской Академии наук, где большое влияние имели немецкие историки. М.В. Ломоносов в осторожной форме оспаривал применение библейского мифа к истории России: «Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отрещи не нахожу основания».

54

В апреле 1942 г. Геббельс писал: «Если бы в восточном походе мы имели дело с цивилизованным народом, он бы уже давно потерпел крах. Но русские в этом и других отношениях совершенно не поддаются расчету. Они показывают такую способность переносить страдания, какая у других народов была бы совершенно невозможной» (Цит. по [13, с. 98]).

55

Статья была тогда же перепечатана в “Die Zeit” и “Le Monde”, а в конце года появилась в английском журнале “Granta” (№ 11, 1984) под более определенным названием, которое Кундера изначально дал тексту: “Похищенный Запад”.

56

Оказавшись за этим «занавесом», интеллигенция Восточной Европы превратилась в «пятую колонну» в войне против России. Она стала чувствовать себя как «похищенная у Запада» Россией. И ублажить ее было уже невозможно.

57

Привести верхушку США в чувство удалось благодаря труду советских ученых, инженеров, рабочих и управленцев, которые совершили подвиг, быстро создав ядерное оружие, а затем и надежные средства доставки — баллистические ракеты. Но это — другая тема.

58

Надо уточнить, что войну «за умы» Запад выиграл прежде всего у себя в тылу — левая интеллигенция перешла на антисоветские позиции и отказалась от социалистических идеалов. Начался большой откат (неолиберальная волна), стерлись различия между левыми и правыми. На партийную номенклатуру СССР нового поколения установки западной левой элиты оказывали сильное воздействие. Интеллектуальная команда перестройки прямо следовала идеям *еврокоммунизма*, и, с отставанием в 10 лет, тоже стала «пятой колонной» Запада в холодной войне против СССР-России.

59

В НАТО это обращение вызвало замешательство, и МИД разъяснил, что в тексте послания Ельцина по ошибке был пропущена частица «не» — «Сегодня мы не ставим вопрос...». Но на «долговременной цели» настаиваем.

60

К числу отрицательных явлений были отнесены те стороны советской жизни, которые традиционно приветствовались демократами и гуманистами — высокий уровень социальной защиты, доступность образования и здравоохранения, реальное право на труд, низкий уровень преступности и пр. Инверсия оценки этих сторон жизни вызвала культурное потрясение.

61

На круглом столе в Российской академии госслужбы в 2002 г. в заключительном слове было сказано: «Память о Великой Отечественной войне при всех ее проблемах, ошибках, провалах — это практически сегодня, пожалуй, единственное объединяющее наш народ историческое событие прошлого» [17].

62

Кстати, в советских архивах имелось множество подлинных писем немецких солдат из Сталинграда, их предоставили историкам ГДР и ФРГ, и они были опубликованы в Германии, но не в России 90-х годов.

63

«Известия, 12.VI.2003».

64

Замечательно также, что в основе статьи лежит выступление автора на IX Немецко-российских осенних дискуссиях в Берлине 22-24 октября 2004 г. В этой статье, по словам автора, он рассматривает «характер коллективной «памяти о войне» или роль представлений о войне в системе национальной идентичности нынешних россиян».

65

Вывоз продукции «прочих отраслей промышленности» составил 2,4 млрд. руб. Я посчитал, что половина принадлежит «сырьевым» отраслям.

66

Очень редко, но население слегка приоткрывает свое нутро. Не так давно какой-то умник придумал устроить на телевидении голосование по выбору «Лица России». Пошло не

так, как ожидали — половина прогласовала за Сталина. Как ни мудрили с «подчетом голосов», по России прошёл шорох. Что для молодежи, которая в основном и голосовала через Интернет, Сталин? Это образ мифический — символ отрицания нынешнего порядка, его *антипод* . За это и голосовали.

67

Эта проблема беспокоит элиту. Главный редактор журнала «Искусство кино» Д.Б. Дондурей говорит на международном симпозиуме: «Рейтинг фильмов, снятых в ельцинскую эпоху, т.е. после 1991 г., у советских граждан в 10-15 раз ниже, чем у выпущенных под эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС. Созданная нашими режиссерами вторая реальность массовой публикой отвергается. Наши зрители сопротивляются той тысяче игровых лент «не для всех», которые были подготовлены в 90-е годы,... герои которых по преимуществу преступники, наркоманы, инвалиды, проститутки, номенклатурная дрянь с отклонениями в поведении» [14].

68

Современный философ либерализма Дж. Грей писал о программе МВФ: «Она утопична в своем игнорировании или отрицании той истины, что рыночные институты стабильны тогда и только тогда, когда они укоренены в совокупности культурных форм, ограничивающих и наполняющих смыслом их деятельность» [1, с. 203].

69

Английский историк Э. Карр в 14-томной «Истории Советской России» (с 1917 до 1929 г.) пишет о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [22, с. 449].

70

Кстати, проведенный в середине 80-х гг. анализ функционирования предприятий в четырех крупнейших странах Западной Европы показал, что соотношение показателей производительности труда в государственном и частном секторах было *в пользу государственного* : в ФРГ оно составило 1,34, во Франции — 1,30, в Италии — 1,21, в Великобритании — 1,91, в среднем по четырем странам — 1,44» [28].

71

Мы говорим здесь об установках части гуманитарной элиты в конкретный момент времени. На уровне отдельной личности (например, А.А. Давыдова), с течением времени

установки, конечно, могут меняться.

72

А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5% (эти данные он сам бесстрастно приводит в своей статье).

73

Оговорка «всеобщий» патернализм бессодержательна, поскольку речь идет о принципе, который по определению может быть только всеобщим («для всех членов семьи»), но «включается», когда человеку требуется отеческая забота государства.

74

Вне Запада так было и раньше — о торговле хлебом в империи Чингисхана можно прочитать у Марко Поло — уроки XIV века для нас и сегодня актуальны.

75

В эпоху «дикого капитализма» была попытка отказаться от патернализма и превратить голод в средство господства, но сравнительно быстро оказалось, что это невыгодно, *борьба с бедными* обходится дороже.

76

Американский философ Ф. Джордж писал в 1984 г.: «Один молодой ученый из Западной Европы, возвратившийся из поездки по США и СССР, описывает людей в Советском Союзе как более счастливых, мягких и сердечных, чем те, которых он встретил в США. По его мнению, это говорит об огромном давлении, оказываемом на жизнь людей в западном мире, особенно в США, по сравнению с относительной простотой существования большинства русских... Интересна проблема: западный мир допустил, сам этого не понимая, многое из того, что делает жизнь более неприятной, более жестокой, превращает в борьбу не на жизнь, а на смерть, когда возможности прибыли сокращаются, а предпринимателей (или назовите их как угодно) оказывается в избытке» [45].

77

Установка «помогать конкурентоспособным» доходит до гротеска. Замминистра образования и науки А. В. Хлунов дает интервью о проблемах науки. Вот что он считает самым важным: «Ее [российской науки] главная проблема — это сложившаяся еще со времен СССР система финансирования. У нас деньги получают институты. Но не секрет, что сегодня в них успешно работают две-три лаборатории. Так вот в идеале именно они должны

получать львиную долю бюджетных денег... Хорошо бы расставить приоритеты среди институтов. Что и должна сделать предлагаемая нами система оценок, которая позволит выделить прорывные коллективы и обеспечить их хорошим финансированием за счет тех, кто не очень активен» [49]. Чиновник как будто не понимает, что НИИ — это система, а две-три успешные лаборатории — ее видимая для Министерства часть, которая без «незаметных» лабораторий вряд ли и выживет.

78

Впрочем, авторы доклада учитывают и пожелания самого Запада. Они приводят такой довод: «Нам приходится считаться с тем, что и США и объединенная Европа заинтересованы в том, чтобы Россия... не усиливалась настолько, чтобы восстановить зону своего традиционного влияния и дорости до реальной конкурентоспособности с Западом».

79

Малые и средние города воспитали большинство тружеников русской науки. Другая похожая на науку служба, которая питается из малых городов, — воинская. Отсюда черпало свое пополнение русское офицерство во времена дворянства, а во многом и в советское время.